

A detailed landscape photograph showing a mountain valley. In the foreground, a small wooden cabin with a brown roof and a chimney sits on a grassy slope. The surrounding area is filled with green and yellowing trees, suggesting an autumn setting. A stone path leads from the bottom right towards the cabin. In the background, a vast valley stretches out, leading to a range of majestic, rugged mountains with significant snow cover under a blue sky with light clouds.

Андрей Лавинус

**Невероятно?
Но факт!**

Андрей Ланиус

Невероятно? Но факт!

«Автор»

2026

Ланиус А.

Невероятно? Но факт! / А. Ланиус — «Автор», 2026

Сборник занимательных, научно - популярных историй из истории человечества за все время существования одного человечества.

© Ланиус А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Раздел "Таинственное"	6
Глава 2 Зыбкая сторона чуда	10
Глава 3 Каменные стражи	15
Раздел "Наука"	17
Глава 2 Эксперты-светила	23
Глава 3 Вечные часы	28
Раздел "Спецслужбы"	30
Глава 1 Датский провал	30
Глава 2 Испанский полигон	36
Глава 3 Гвардеец императора	43
Глава 4 Корифей сыска	50
Раздел "Открытия"	57
Глава 1 Афродита	57
Глава 2 Тиара скифа	62
Глава 3 Дети Шлимана	67
Раздел "Золото, бриллианты..."	71
Глава 1 Золотой пароход	71
Глава 2 Большое золото Карфагена	78
Глава 3 Партизанское золото Южной Африки	81
Глава 4 Клады Великой Перми	84
Раздел "Это Азия-с!"	87
Глава 1 Тонкости титулов	87
Глава 2 Ташкент до прихода Российской Империи	91
Глава 3 В пещере...	93
Раздел " История"	94
Глава 1 Даниил	94
Раздел " Смех и грех"	101
Глава 1 " Три буквы"	101
Глава 2 Одержимость огня	103
Глава 3 Чудеса на манеже	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Андрей Ланиус

Невероятно? Но факт!

Раздел "Таинственное"

Глава 1 "Запретная зона" Памира

Почему профессор Поршневу не удалось в горной стране снежного человека.

Полвека назад в текущей жизни официальной советской науки произошло беспрецедентное, что называется, из ряда вон выходящее событие. В январе 1958 года, на одном из заседаний правления Академии наук страны, была создана Комиссия АН СССР по изучению вопроса о снежном человеке. Сама идея создания такой комиссии пробивала себе дорогу непросто. В поддержку поиска загадочного существа, причем, именно на территории нашей страны, высказывались видные ученые, в том числе физик-теоретик, академик И.Е.Тамм, математик, ректор ЛГУ А.Д.Александров, профессор зоологии С.Е.Клейненберг. В снежного человека поверил даже президент Академии наук СССР академик А.Н.Несмеянов.

В феврале того же года отдел науки ЦК КПСС дал добро на проведение памирской экспедиции, которая должна была собрать всю возможную информацию о снежном человеке, а при удачном исходе дела определить ареал его обитания.

Таким образом, Советский Союз стал единственной в мире страной, где проблемой поиска снежного человека озаботились на государственном уровне. Партийные чиновники и ученые мужи полагали, что обнаружение йети восстановило бы недостающее звено между обезьяной и человеком, ознаменовав собой новую победу советской науки.

Комиссию возглавил известный геолог, член-корреспондент Академии наук С.В.Обручев (сын академика В.А.Обручева, автора знаменитых романов Плутония и Земля Санникова). И всё же наибольший вклад в попытку реализации этой романтической мечты внес доктор исторических наук, профессор Борис Федорович Поршневу.

Искать снежного человека предполагалось в двух малоизученных районах Центрального Памира: в совершенно необитаемом бассейне горной реки Баландкиик (Долины тысячи козлов) и в необитаемом с 1911 года бассейне Сарезского озера, когда гигантский обвал, вызванный землетрясением, затопил кишлаки долины Мургаба. Оба района отличались исключительной труднодоступностью.

Начальником этой необычной экспедиции стал директор ботанической станции Чечекты на Памире профессор К.В.Станюкович, а его заместителем – неутомимый Б.Ф.Поршневу.

Казалось, сплав теории и практики, принесет желанные плоды. Но на деле произошло иначе.

Вообще, проведению этой экспедиции сопутствовал ряд странных и загадочных обстоятельств, о которых позднее с горечью вспоминал сам Поршневу, а также некоторые другие участники этого многомесячного похода.

Поршневу настаивал на том, что главной целью исследователей должен стать поиск существа, которое он называл реликтовым гоминоидом. Станюкович же отстаивал принцип комплексного характера экспедиции, то есть, проведения работ и по другим направлениям: изучению растительности, составлению геоботанической карты, сбору гербария и т.д.

Наверху поддерживали точку зрения Станюковича, как признанного знатока Памира. Доктор Поршневу практически был отстранен от принятия ключевых решений.

Так, добившись утверждения комплексного характера эксперимента, Станюкович настоял и на предложенных им же маршрутах, с которыми категорически не был согласен Поршневу, изначально считая их малоперспективными

Позднее он писал: Впереди наших отрядов за несколько дней этим маршрутом прошли местные отряды; им пришлось на ум для привлечения снежного человека жечь в пути костры. Они пополняли пищевой рацион дичью. На местах привалов мы находили немало стреляных гильз.

Удивительной логикой руководствовались эти загадочные местные отряды! Разве не было ясно, что если снежный человек находится где-то рядом, то звуки выстрелов и вид костров заставят его уйти еще дальше в горы, в самые глухие и неприступные ущелья?

Ситуация представляется тем более странной, что перед началом экспедиции, как раз во избежание помех со стороны дилетантов, ученые обратились к военным с просьбой оцепить район поиска войсками. И это пожелание было выполнено. То есть, не только на дорогах, но и на горных тропах были выставлены посты, которые останавливали энтузиастов-любителей и поворачивали их обратно. Более того, к делу привлекли и четвероногих охранников из элитного питомника – школы военного собаководства Советской Армии. Но, как видим, эти меры не возымели результата. Напротив, какие-то местные отряды упорно шли точно впереди экспедиции и поднимали невероятный шум, жгли костры, что вряд ли можно объяснить дремучим невежеством непрошенных помощников. Показательно, что никто не остановил эти отряды и не повернул их обратно.

Свою миссию экспедиция не выполнила. Ученые открыли несколько видов неизвестных ранее растений, собрали прекрасный гербарий, но убедительных доказательств существования реликтового гоминоида так и не обнаружили.

Драматическое заседание президиума Академии наук, слушавшее отчет о работе экспедиции, длилось девять часов и закончилось принятием решения о роспуске уникальной Комиссии.

Но Поршнев, имевший особое мнение, не сдавался. В 1959 году он пытался пробить идею совместной советско-китайской экспедиции в Тибет. В последующие годы много работал, выступал по вопросам этнографии, антропологии, археологии, социальной психологии, защитил еще одну докторскую диссертацию – по философии и, наконец, подготовил монографию Современное состояние вопроса о реликтовом гоминоиде, которая была с огромным скрипом издана тиражом 180 экземпляров только для служебного пользования.

В последние годы жизни (он умер в 1972 году от обширного инфаркта) в частных беседах Поршнев не раз утверждал, что местные отряды были сформированы по указанию тогдашнего председателя КГБ И.Серова из сотрудников его ведомства. Их целью было скомпрометировать саму идею поиска на Памире снежного человека. Если так, то задание было выполнено в точности.

Но возникает вопрос: по какой причине могучая спецслужба ставила палки в колеса искателям снежного человека? Ведь если бы Поршнев и его единомышленники и вправду нашли бы на Памире реликтовое существо, то это действительно можно было бы преподнести как большую победу советской науки. Тем более что советская идеология всегда поддерживала теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Зачем же было мешать работе экспедиции, заведомо направлять ее по ложным маршрутам?

В поисках ответа перенесемся в конец 19 столетия.

Летом 1891 года на Памир была отправлена военно-рекогносцировочная экспедиция под руководством полковника Михаила Ионова, чьим именем позднее был назван один из памирских перевалов. В составе экспедиции находились 8 офицеров, 80 пехотинцев, 33 казака, врач, а также опытный военный топограф Бендерский.

Россия лишь недавно присоединила к себе горные районы Средней Азии, огромные территории которых еще не были положены на географическую карту. Точнее, имевшиеся карты были составлены на основе так называемых расспросных сведений. Во многих районах Памира вообще никогда не ступала нога европейца. Поэтому задача экспедиции заключалась

не только в картографических съемках, но и в сборе социально-экономических, этнографических и бытовых материалов о жизни неизведанного края.

Маршрут экспедиции проходил, в частности, по Горному Бадахшану, то есть, примерно по тем местам, где десятилетия спустя профессор Поршнева рассчитывал найти снежного человека.

Нужно отметить, что памирцы, населявшие эту труднодоступную местность и жестоко страдавшие от постоянных набегов афганских разбойников, встречали русский отряд с исключительным радушием, надеясь обрести защиту под рукой Белого царя. В горных селениях даже отказывались брать плату, когда члены экспедиции пытались пополнить запасы продовольствия. При этом горцы ничего не скрывали от русских и охотно становились проводниками, указывая тропы и перевалы, предупреждая об опасных местах, делясь сведениями самого разнообразного характера.

Вот тогда-то наши офицеры и услышали впервые о таинственных пещерах, в которых обитают странные звероподобные существа. А еще горцы рассказали о сквозных подземных проходах, которые якобы тянутся под толщей гор и выводят по ту сторону хребтов. По их словам, один из таких проходов вел из Восточного в Западный Памир, в район Афганистана. Горцы утверждали, что в старину находились смельчаки, которые проделывали такие путешествия. Однако, по их словам, люди, побывавшие в сквозных пещерах, вскоре начинали страдать от неизвестной болезни и быстро умирали (заметим, что описываемые признаки недуга наводят на мысль о лучевой болезни).

Судя по косвенным сведениям, горцы провели Ионову и топографа Бендерского, по крайней мере, к одной из таких пещер.

Отчеты экспедиции Ионову позднее были опубликованы для служебного пользования, но, надо полагать, не в полном объеме. Ведь на Памире остро столкнулись интересы Российской и Британской империй. Великобритания хоть и не сумела покорить Афганистан, но имела здесь сильное политическое влияние. Подземные проходы, существуй они на самом деле, являлись, по сути, стратегическими объектами. По понятным причинам вся информация о них сразу же подпадала под гриф совершенно секретно.

Известно также, что в 30-х годах, вскоре после разгрома басмаческого движения, по маршруту экспедиции Ионову прошел отряд особого назначения НКВД. Чекисты якобы разыскали сквозную пещеру, отмеченную топографом Бендерским, и тщательнейшим образом заложили вход в нее камнями. А затем привели в негодность все горные тропы, ведущие к ней.

Тот факт, что в глубинных районах Памира могут существовать сквозные подземные проходы через горные хребты, наглядно подтверждается феноменом знаменитой Рангульской пещеры, расположенной вблизи Памирского тракта и вполне доступной для изучения.

У этой пещеры много имен. Чаще других в литературе встречается название Рангульская, по привязке к расположенному рядом Рангульскому озеру. Местные жители называют ее Сыйкырдуу ункюр, что переводится как Заколдованная пещера. В 1965 году правительство Таджикистана объявило этот объект памятником природы под названием Пещера Путников.

Это самая высокогорная из известных пещер на территории бывшего Советского Союза. К входу в нее ведет длинная щебенистая осыпь. За входным залом, где свободно разместилась бы башня-девятиэтажка, расходится сеть горизонтальных и наклонных коридоров, переходящих в узкие вертикальные или круто наклонные колодцы. Некоторые из этих колодцев выводят в нижележащий горизонтальный ярус, который, в свою очередь тоже состоит из галерей и залов с колодцами. Залы разных уровней соединяются между собой сетью трещинных или цилиндрических колодцев, глубина отдельных из которых достигает 90 метров. По сути, это довольно запутанный подземный лабиринт, который, несмотря на множество побывавших здесь экспедиций, по-прежнему остается малоизученным.

На некоторых участках этого лабиринта ощущается сильный ток воздуха, пригибающий пламя свечи. А на противоположном входу склоне хребта, в ущелье Калак-Таш, в скальной стене визуально просматриваются несколько пещерных входов, закупоренных льдом. Иными словами, Рангульская пещера фактически является сквозной.

Среди местного населения бытует немало легенд и преданий, связанных с Заколдованной пещерой. Согласно одной из них, в старину здесь исчез отряд китайских воинов. Пропадали в ней и другие путники, а затем неожиданно появлялись вновь, но не могли вспомнить ничего из того, что с ними случилось.

Эти предания перекликаются с гипотезой, по которой Рангульская пещера – своего рода тоннель в другие обитаемые миры, вложенные один в другой и занимающие единый объем пространства. Тоннель, через который можно совершить мгновенный переход.

Утверждают, что академик Тамм был сторонником этой идеи. Хорошо знал он и Рангульскую пещеру.

Академик Тамм, как известно, страстно увлекался горами до самой старости.

В 1957 году, то есть, незадолго до знаменитой экспедиции по поиску йети, академик организовал на собственные средства поход в район Рангульской пещеры. Здесь он производил некие раскопки, исследовал и другие соседние пещеры, в частности легендарную пещеру Мата-Таш, в которой якобы Тамерлан спрятал свои сокровища.

Это была не первая поездка Тамма на Памир. Еще раньше, в 1945 году он приезжал на ботаническую станцию Чечекты (ту самую), с которой предпринимал вылазки в горы.

Во время этих странствий Тамм мог встречаться с местными долгожителями, которые в пору своей молодости, то есть, в конце 19 века, были сильными, энергичными мужчинами и могли, например, служить проводниками в отряде Ионова. Информацию, почерпнутую от этих почтенных аксакалов, Тамм, наверняка, передал Поршневу, миссию которого он горячо поддерживал.

Так, может, тайна спрятана еще дальше?

Может, в глубине неизведанных памирских ущелий существуют аномальные зоны, где происходило и происходит нечто, необъяснимое с позиций официальной науки?

Как известно, в годы холодной войны спецслужбы обоих противостоящих блоков тщательнейшим образом засекречивали всю информацию, касающуюся НЛО. Но ведь НЛО – только верхушка айсберга. Строго засекречивалась и вся прочая чертовщина.

Надо полагать, произошла обычная ведомственная нестыковка. Высший партийный орган дал санкцию на проведение уникальной экспедиции, не удосужившись согласовать вопрос со спецслужбами. А когда спохватились, было уже поздно. Отменить экспедицию уже не удалось бы – к ней было приковано внимание всей мировой общественности. В такой ситуации, если бы экспедиция нашла что-либо аномальное, то избежать утечки информации было невозможно.

Поршнев волей случая предложил, на свою беду, маршрут, пересекающий запретную зону. Вот тут и пришлось спешно создавать местные отряды и перебрасывать их на Памир, дабы сохранить некую тайну стратегического характера.

Будут ли пройдены маршруты, на которых настаивал в свое время профессор Поршнев? Ответить на этот вопрос по-прежнему затруднительно, ибо роль Памира как стратегического плацдарма огромного региона планеты (о чем свидетельствует хотя бы уникальная станция слежения за космическими объектами в Нуреке), стала в наши дни еще масштабнее.

Глава 2 Зыбкая сторона чуда

ОБЛАЧНАЯ ВОРОНКА

Лет пятнадцать назад в Ленинградской области, в ее Гатчинском и Лужском районах, сотни очевидцев наблюдали необычное небесное явление.

В вышине появилась «облачная воронка» - четкий овал, внутри которого ясно просматривалось другое облако.

Об этой новости в тот же вечер сообщили некоторые телевизионные каналы, а в последующие дни многие периодические издания.

Десятки свидетелей успели сфотографировать загадочный объект.

Сравнение снимков, сделанных разными людьми с разных точек, говорило о том, что ни о каком фотомонтаже и речи быть не может.

Метеорологи заявили, что подобные явления в атмосфере никогда прежде не фиксировались, что облаков такой формы не бывает, и что наука не может объяснить природы этой картины.

Таинственный случай, о котором я узнал из теленовостей, привлек мое внимание не столько даже самым фактом чудесного явления, как многочисленностью созерцавших его наблюдателей.

Сообщалось о сотнях очевидцев, но, учитывая размеры Ленобласти, их общее количество, скорее всего, исчислялось тысячами.

Это обстоятельство заставило меня вспомнить одно давнее происшествие, когда я собственными глазами наблюдал в небе над Ташкентом НЛО, находясь при этом среди огромного скопления людей.

Тогда меня тоже в большей степени впечатлила не сама картина в небе над головой, а реакция людей на увиденное диво после того, как оно исчезло.

По горячим следам события я сделал подробные записи, снабдив их комментариями, но так уж получилось, что на протяжении многих лет они лежали почти забытыми.

И вот чудо в небе над Ленобластью побудило меня перелистать свой архив.

Я разыскал-таки, хотя и не сразу, те старые бумаги, перечитал их, и мне показалось, что тема, которая была намечена в комментариях лишь пунктиром, не утратила своей актуальности и сегодня, что она будет интересна всем тем, кто сам хоть раз сталкивался в жизни с чем-то необычным, необъяснимым, непознанным

ОВАЛ, ПОХОЖИЙ НА ДЫНЮ

Был погожий, в меру облачный октябрьский день 1984 года, когда в одном из кварталов Чиланзара, самого крупного жилого массива почти 2-миллионного ташкентского мегаполиса, я случайно встретил Константина Сумина, проектировщика по специальности, с которым мы когда-то работали вместе и поддерживали приятельские отношения.

Слово за слово Константин пригласил меня в гости.

По дороге мы заглянули на Фархадский базар, дабы выбрать сладкую мирзачульскую дыню килограммов этак на двенадцать, а также прихватить свежих лепешек домашней выпечки, которые в Средней Азии никогда не бывали лишними на любом столе.

В отличие от главных ташкентских базаров, Фархадский занимал совсем небольшую площадь, но, расположенный на чрезвычайно бойком месте, всегда был переполнен народом. Многолюдно было и на остановках общественного транспорта, прилегавших к двум пересекавшимся городским магистралям.

Полагаю, не ошибусь, предположив, что свидетелями последовавшего вскоре явления вместе с нами стали не менее двух-трех тысяч человек.

А случилось вот что.

Мы с Костей как раз передвигались вдоль прилавков, ломившихся от обилия фруктов и овощей, держа курс на внушительную пирамиду продолговатых дынь, когда где-то рядом удивленно вскрикнул молодой продавец, тыча пальцем в небо. Следом в толпе то тут, то там раздалось еще несколько громких восклицаний, а затем словно единый выдох пронесся над всем базаром. Хаотичное движение человеческой массы прекратилось, все глаза устремились вверх.

Там, в просвете между размытыми облаками, четко вырисовывался фрагмент некоего крупного объекта, который, казалось, повис над городом, чтобы с высоты осмотреть его.

Объект был виден процентов на сорок, но его форма и правильные очертания говорили в пользу его искусственного, а значит внеземного происхождения. Ибо летательных аппаратов подобной конструкции нигде на нашей планете не производилось.

Вдоль овального корпуса серовато-синего цвета тянулся ряд светящихся кругов, наводящих на мысль об иллюминаторах. Характерно, что расстояние между иллюминаторами и краем облака не менялось. Напрашивался вывод, что объект двигался с той же скоростью, что и облако.

Казалось, оттуда, с высоты, за нами тоже наблюдают внимательные глаза.

Между прочим, у нас имелась возможность составить представление о примерных размерах объекта.

Именно на такой высоте летели обычно самолеты, заходившие на посадку в Ташкентский аэропорт.

Мысленное сравнение показывало, что НЛО был примерно втрое или вчетверо объемнее самого крупного советского пассажирского авиалайнера той поры – Ил-86.

Видение продолжалось с минуту или даже чуть дольше. Затем загадочная машина, до странности напоминавшая покатуку часть колоссальной дыни, пришла в неуловимое движение.

Миг, и она исчезла из нашего поля зрения! Нет, не улетела. Просто исчезла, пропала, растворилась в воздухе.

Какое-то время над торговыми рядами стояла тишина. Но продолжалось это недолго. Вскоре вокруг опять воцарился привычный для базаров гомон.

Однако вовсе не таинственное явление стало предметом бурных обсуждений.

В свои права снова вступили законы купли-продажи. Вообще, на Востоке, где, прежде чем платить, принято страстно торговаться, диалог между продавцом и покупателем нередко поднимается до уровня искусства, отсекающего всё постороннее, хотя бы и появление инопланетного корабля.

Не прошло и пяти минут, как возникло ощущение, будто и не было никакого аномального явления. Воспоминание о нем становилось еще более зыбким, чем тающие в небе облака. Я и сам терялся в сомнениях: да было ли это?!

За оградой рынка обстановка казалась такой же будничной.

По лицам прохожих, таксистов, милиционеров, пассажиров, ждавших транспорта, никакой аналитик не догадался бы, что совсем недавно все эти люди были свидетелями явления, быть может, космического масштаба.

ОБМЕН ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

Надо сказать, что в тот период Средняя Азия подверглась прямо-таки массированному нашествию со стороны НЛО. Только в Узбекистане загадочные объекты самой различной конфигурации видели в небе над Зарафшаном и Каттагурганом, над Навои и Бухарой, над Самаркандом и Джизаком, а также вблизи множества сельских населенных пунктов.

Что касается Ташкента, то здесь за короткий промежуток времени чуть ли не каждый пятый – седьмой горожанин наблюдал НЛО из той или иной точки города. Добрая половина моих знакомых могла рассказать об этом, основываясь на собственных впечатлениях.

В ту пору совсем нередкими были сценки, когда собирались вместе несколько журналистов или писателей, каждый из которых видел «свой» НЛО, и отчаянно спорили между собой.

Одни из них искренне верили в инопланетный разум, другие изощрялись в сарказме по поводу «зеленых человечков».

Обилие впечатлений, пускай и зыбких, не могло не породить волну слухов, в борьбу с которыми вскоре вступила официальная наука.

Даже в серьезных партийных изданиях появились статьи маститых ученых из местной академии наук, где таинственные явления объяснялись оптическими эффектами в атмосфере либо обманом зрения. Большинство сограждан верили толкованию ученых мужей. А как же иначе? Ведь наша наука запустила человека в космос, проникла в тайны атомного ядра, победила многие недуги и вообще далеко продвинулась в познании природы. Раз представители «храма науки» говорят, что это оптический обман, мираж, значит, так оно и есть. Не смущало академиков и наличие фотографий, запечатлевших тот или иной объект. Мы-то знаем, говорили они, что существуют дефекты пленки, как и искусство фотомонтажа. Мираж он и есть мираж. Тем более что миражи – даже еще более удивительные – вещь для Средней Азии самая привычная.

Загадочные небесные явления над Ташкентом и другими городами прекратились так же внезапно, как и начались.

По самым скромным оценкам, их воочию наблюдали сотни тысяч жителей республики.

Однако у многих, очень многих, эти впечатления постепенно потускнели, а затем и вовсе стерлись из памяти.

И тут кроется некая загадка.

СПОР ПО СУЩЕСТВУ

Одно из ее решений предложил мне Костя, чем, признаться, несказанно удивил меня.

Нет, я, конечно, знал, что он всегда относился к почитателям фантастики, что он «отлавливал» все новинки НФ и внимательно следил за журнальными публикациями на космические темы.

Но я и понятия не имел, насколько серьезно он размышлял над проблемами непознанного.

Та наша давняя беседа началась с моего утверждения, что это был инопланетный корабль. Что же касается пассивности основной части зрителей, продолжил я, то ее причина объясняется, скорее всего, избыточной погруженностью людей в быт, в повседневные заботы.

От меня не укрылось выражение несогласия на лице Кости.

- Космические корабли пришельцев, назовем их так, - начал он, - если и посещают Землю, то с какой-то конкретной, реальной целью. Например, для изучения наших недр, для тайной добычи каких-либо редких у них минералов. Их может интересовать наша техника, в частности, военная авиация. Нельзя исключить факты выборочного похищения людей. Ну, и так далее. Но та картинка, которую мы с тобой видели над рынком, похоже, никакого отношения к веземным звездолетам не имеет. Как и множество других аналогичных явлений.

- Вот как! – удивился я. – Ты, стало быть, тоже считаешь, что все мы, две или три тысячи человек, стали жертвами оптического обмана?

- Нет, просто природа этого явления совершенно иная

И он развил передо мной целую теорию, выстроив из отдельных «кирпичиков» весьма стройное здание, которое, впрочем, может показаться кому-то «воздушным замком».

Я не запомнил всей последовательности его рассуждений, поэтому изложу здесь его гипотезу лаконично, в упрощенном виде.

Суть, полагаю, от этого не пострадает.

ДВЕ ЧАСТИ МИРА

Итак, вот на каких выводах основывался мой друг – проектировщик по призванию, вычислитель до мозга костей.

Как известно, математика – самая точная из наук, сказал он.

Но даже она, эта строгая дисциплина, пришла в 17-м веке к необходимости включить в свой жестко отобранный арсенал такую загадочную абстракцию, как мнимые числа.

Математикам и поныне в точности неизвестно, что это такое? Это загадка, мираж, мистика.

Тем не менее, мнимые числа прочно обосновались в храме науки и даже потеснили «старых богов».

С некоторых пор всякое число, даже самое реальное, действительное, «настоящее», начали представлять в комплексной форме, состоящей из двух частей – действительной и мнимой, несуществующей.

И это по доброй воле сделали математики – самые большие скептики на планете!

И хотя у «нормальных», «правильных» чисел мнимая часть равна нулю, но она всё равно как бы незримо присутствует.

Мир мнимых чисел уже заполонил и другие строгие дисциплины – аэродинамику, электротехнику, атомную физику и другие, где никакие вычисления без этих таинственных величин невозможны.

- Так отчего бы нам не признать, - продолжал Костя, - что своего рода «мнимая составляющая» присутствует и в нашей реальной земной жизни? Не просто присутствует, а буквально лезет нам на глаза! То, что мы наблюдали над базаром, то, что наши знакомые видели в других районах города, в других областях, это и есть проявления «мнимой составляющей»!

- То есть, ты хочешь сказать, что на нашей славной планете существует параллельный «мнимый мир», отблески которого, его эхо, тень, дураят нам голову? – уточнил я.

- Нет-нет! – решительно возразил он. – Никаких параллельных миров! Наш мир един, подобно комплексному числу. Но в нем, наряду с действительной, есть и мнимая составляющая. Не спрашивай меня, что это такое. Я и сам не знаю толком. Но я уверен, к мнимой части нашего мира надо отнести всякого рода предчувствия, внезапные порывы, когда человек вдруг, неожиданно для себя самого, поступает вопреки всякой логике, а также голоса, которые нам слышатся, конечно же, наши сновидения и многое другое.

- Ты помнишь случай с прорабом И.? – сощурился Константин.

Еще бы!

Наш общий знакомый, прораб И., рассказывал нам в свое время, как торопился на свидание с девушкой, и вдруг увидел ее стоявшей на другой стороне улицы, но не там, где они условились встретиться. Он помахал ей рукой, она ответила. В это время по улице промчался автофургон, который на миг скрыл от прораба его знакомую. Но вот фура проехала, а девушки на прежнем месте не оказалось! Она исчезла. Понятно, что вскочить в мчавшийся фургон она не могла, да и причин для этого у нее не было. Ошарашенный И. не знал, что и подумать, но ноги сами понесли его к месту назначенной встречи. Каково же было его изумление, когда он увидел, что девушка сидит на скамейке! Но еще больше он был потрясен, узнав, что она находится здесь давно, что у обочины не стояла и рукой ему не махала! Ошибиться он не мог, хотя бы потому, что у фантома была такая же сумочка, как и у «оригинала». Среди прорабов имелось, конечно, немало любителей всякого рода розыгрышей, но мы оба знали И. как исключительно серьезного субъекта. Он даже анекдоты не умел рассказывать!

- И это еще один частный случай проявления «мнимой составляющей» нашего мира! – заявил Константин. – А сколько других удивительных событий происходит вокруг нас! Если мы исследуем нити, ведущие к ним, то обнаружим невероятные закономерности. Проблема, однако, в том, что мозг рядового человека не настроен на восприятие сигналов «мнимой составляющей» нашей действительности. Столкнувшись с чем-либо диковинным, обычный

гражданин охотнее склоняется к версии наваждения. Притом, что «мнимая составляющая» сама по себе зыбкая, неясная, виртуальная. В точности, как мнимые числа. Именно поэтому львиная доля посетителей рынка быстро забыла о своих впечатлениях.

- Если бы мы научились хотя бы приблизительно анализировать мнимую составляющую событий, то наше представление об окружающем нас мире расширилось бы и обогатилось бес-
предельно - задумчиво подытожил он. - Хорошо бы заняться этой проблемой вплотную

* * *

Так уж случилось, что после этого мы с Константином более не встречались.

По моим сведениям, позднее он тоже покинул Среднюю Азию и обосновался где-то на юге России.

Зная его настырность, не сомневаюсь, что он углубляет свою гипотезу.

А может, он был прав?

Может, часть тех наблюдений, что фиксируют уфологи, связана не с кораблями пришельцев, а с «мистической составляющей» нашего мира и вызвана совсем иными причинами – сейсмической активностью, вспышками на Солнце, войнами и проч.

Но и такой подход лишь ставит новые вопросы.

Глава 3 Каменные стражи

На земном шаре существует немало аномальных зон, феномен которых связан главным образом с расположенными на их территории загадочными камнями. Широко известно о каменных изваяниях острова Пасхи, о движущихся валунах «Долины смерти», что в Калифорнии, о магнитных скалах «Долины черного бамбука» в китайской провинции Сычуань, о «поющих» камнях Уэльса, Мексики, российского Северо-Запада

Но мало кто слышал о таинственных вертикальных глыбах, которые столетиями несут свою стражу близ северного побережья Аральского моря между пустынями Большие и Малые Барсуки.

* * * * *

Природа будто нарочно постаралась оградить эту аномальную зону от непрошенных гостей. Две песчаные пустыни вытянулись по направлению к морю почти параллельными, относительно узкими полосами. Протяженность Больших Барсуков составляет порядка 200 км, а ширина колеблется от 10 до 40 км. Малые Барсуки имеют в длину около 100 км. Между ними лежит широкий клин всхолмленной степи, упирающийся на юге в берег, который круто обрывается к морю десятиметровым уступом. В этом своеобразном глухом «кармане» нет ни жилья, ни рек, ни колодцев, ни дорог. Действительно – настоящий затерянный мир, куда редко ступает нога человека.

* * * * *

В мае 1900-го года здесь впервые появился ученый.

Это был русский географ Л.С.Берг, выпускник Московского университета, получивший позднее известность своими работами по ландшафту озер. В тот период он руководил экспедицией по изучению Северного Приаралья. Имея целью установить границу морских отложений на суше, Берг предпринял переход от Малых Барсуков к Большим и далее до станции Челкар.

Вообще, несмотря на молодость, он уже был опытным путешественником: много плавал по Аралу, исследовал острова на море и дельты великих среднеазиатских рек – Амударьи и Сырдарьи, изучал местные обычаи и языки

Но в эту пустынную местность он попал впервые.

* * * * *

Поначалу Берг двигался, держась берега моря.

Когда же он оказался на участке между двумя пустынями, то был потрясен открывшейся картиной. Перед ним простирались песчаные дюны, обрамленные зарослями цветущего кустарника джидги. Кисти цветов достигали в длину до полуметра и сливались в одну сплошную, словно бы пенящуюся розовую полосу. Белый песок, розовая пена цветов и ослепительная голубизна неба создавали изумительный фон для еще более волнующего зрелища. На макушках холмов высились каменные глыбы в виде вертикальных изваяний, удивительно напоминавших фигуры великанов. Откуда в степи могли взяться эти каменные творения природы?

Уже позднее Берг не раз расспрашивал о них казахов-кочевников. Те рассказали, что в народе эти фигуры зовутся ксы-тас, то есть, человек-камень. Оказалось также, что с вертикальными глыбами связано множество поверий и легенд. Кочевники считали, что камни могут превращаться в чабанов, которые заманивают к себе уставших путников, а затем уводят тех в свой подземный аул. Главного великана зовут Дау, и у него один глаз посреди лба. Бывалые кочевники никогда не пасли в той стороне верблюдов и лошадей. Собеседники Берга дали понять, что русскому ученому повезло, раз он вернулся невредимым из столь опасного путешествия по владениям каменных людей.

Впоследствии Берг опубликовал в ряде научных журналов свои заметки о той экспедиции. Он был первым, кто поведал европейскому читателю о таинственных ксы-тасах.

* * * * *

Незадолго до Великой Отечественной войны на острове Возрождения в Аральском море была основана секретная военная база, о назначении которой спорят до сих пор. Грузы туда возили или морем с юга, или со стороны станции Челкар – через полуостров Куланды, находящийся по соседству с загадочной обителью ксы-тасов. Вся прилегающая территория была объявлена режимной зоной. Можно предположить, что в этот и в последующий периоды военные предпринимали попытки изучить или хотя бы осмотреть каменных стражей. Но каковы были результаты этих действий? Не сопровождали ли их какие-либо странные, необъяснимые явления? Об этом мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Есть сведения, что архив базы был уничтожен при ее передаче властям независимого Казахстана.

* * * * *

В конце 90-х годов прошлого века в Северном Приаралье довольно активно велись геологоразведочные работы. В районе полуострова Куланды были обнаружены значительные запасы нефти и газа, а также пласты каменного угля.

Как раз в этот период в одной из казахстанских газет промелькнула небольшая заметка. В свете перечисленного выше она, думается, представляет существенный интерес.

Со станции Челкар выехала машина с грузом для буровой вышки, установленной на южной оконечности пустыни Большие Барсуки – в урочище Джидели. Кроме водителя, в кабине находился бурильщик, возвращавшийся из отпуска. На одном из участков пути водитель решил «срезать угол» и погнал напрямик через степь. В результате заплутали, долго искали нужное направление и, в конце концов, уже на следующий день выехали к каменным изваяниям. На пригорке машину сильно тряхнуло. Один из тюков вылетел из кузова и покатился по песчаному откосу вниз. Бурильщик вылез из кабины, чтобы поднять его.

Не выспавшийся, смертельно уставший водитель склонил голову на руль и мгновенно уснул. Когда он снова открыл глаза, бурильщика рядом не было, хотя после незапланированной остановки прошло уже больше часа. Водитель вышел наружу и осмотрелся. Его спутника не было нигде, как и тюка, за которым тот спустился в низинку. Водитель свистел и кричал, пока не охрип. Безрезультатно.

Ориентируясь по прибрежному обрыву, водитель вскоре добрался до буровой вышки и сообщил о случившемся.

Парня искали три дня, вызывали вертолет, но так и не нашли. Наконец, решили, что он сорвался с крутого обрыва и утонул.

Но, быть может, тайну его исчезновения знают безмолвные ксы-тасы?

Раздел "Наука"

Глава 1 Избранник Урании

Недавно совместная комиссия датских и чешских экспертов, по разрешению Пражского магистрата, вскрыла могилу выдающегося датского астронома Тихо Браге (1546 – 1601) и приступила к эксгумации его останков.

Надлежит провести томографию скелета, а также исследовать образцы костной ткани.

Специалисты полагают, что такого рода экспертиза позволит однозначно установить, был ли Тихо Браге отравлен.

Основания для подобного рода предположений имеются, и они весьма весомы.

Быть может, новая серия исследований прольет свет на загадку, которая вот уже четыре с лишним столетия не дает покоя историкам.

Несомненно, что у музы Урании, покровительницы астрономии, имелись свои избранники.

Одним из самых обласканных ею был датчанин Тихо Браге.

Ничем иным, кроме как вмешательством хозяйки звезд, нельзя объяснить того обстоятельства, что во все переломные моменты своей судьбы Браге становился свидетелем удивительных и редчайших небесных явлений, которые как бы направляли его к избранной цели.

В 1560-м году, в 14-летнем возрасте, будучи уже студентом Копенгагенского университета, Тихо наблюдал полное солнечное затмение.

Его поразило не столько даже само явление, как возможность загодя предсказывать его с максимальной точностью!

Именно в тот день Браге раз и навсегда определил свою дорогу в жизни.

Однако семья, а юноша принадлежал к древнему аристократическому датскому роду, была весьма недовольна таким выбором. В духе семейных традиций парня видели в будущем важным сановником с юридическим образованием при королевском дворе. Занятия же наукой считались в ту пору уделом простолюдинов, стезей, недостойной знатного дворянина.

И снова запутанная ситуация разрешилась не иначе, как по воле небес.

В скором времени в результате несчастного случая умер дядя Тихо – бездетный адмирал Йерген Браге, который по бытовавшему тогда обычаю являлся также его приемным отцом.

И вот 19-летний юноша неожиданно унаследовал крупное состояние, а вместе с ним и независимость в своих действиях.

Браге продолжил постижение тайн звездного неба в различных университетских центрах Европы, одновременно изучая бывшую тогда в моде алхимию и астрологию.

Молодая, горячая кровь давала о себе знать.

Тихо отличался вспыльчивостью и высокомерием, был несдержан на язык и резок в общении с окружающими.

На одной из студенческих пирушек разгорелся спор, закончившийся дуэлью на саблях, и в результате будущий гений остался, что называется, без носа.

Пришлось ему срочно заказывать себе медный протез, который он носил уже до конца жизни.

Но даже это обидное увечье еще крепче привязало его к астрономии, занятия которой требовали уединенности.

Для наблюдения за звездами он покупал астрономические приборы, заказывал их у лучших мастеров, а некоторые делал сам.

В этот же период Тихо вступил в переписку с видными учеными и постепенно сам приобрел некоторую известность в Европе.

В 1571 году скончался отец молодого ученого, оставив ему половину своего немалого состояния.

Поневоле Тихо с головой окунулся в хозяйственную деятельность.

Оказалось, что в нем дремала предпринимательская жилка.

Вместе со своим дядей он открыл две фабрики – по производству бумаги и стекла.

Не то чтобы он совсем забросил астрономию, но времени для ночных бдений оставалось все меньше.

И вот тут-то муза Урания еще раз послала ему ясный сигнал.

11 ноября 1572 года в созвездии Кассиопеи вспыхнула яркая звезда, которую можно было наблюдать даже днем невооруженным глазом.

Все хозяйственные заботы мигом были отложены в сторону, и Тихо Браге вновь целиком обратился к небесной сфере.

Сейчас-то нам известно, что это была вспышка сверхновой в нашей галактике, но астрономы 16-го века терялись в догадках относительно природы необыкновенного явления.

Переполошилась вся Европа, твердили, что это предвестник страшной эпидемии, большой войны или даже конца света.

Браге был первым, кто на основании регулярных наблюдений доказал, что новое светило – это звезда, находившаяся на значительном расстоянии от Земли.

В том же году он совершил еще один решительный поступок, если и связанный со звездами, то косвенно, - женился.

Его избранницей была женщина незнатного происхождения по имени Кирстина, которая позднее родила ему восьмерых детей (двое умерли в младенчестве).

Большая аристократическая семья снова выразила ему свое неудовольствие, но Тихо Браге давно уже взял за правило поступать во всем по собственному усмотрению.

На следующий год он издал книгу О новой звезде, которая стала сенсацией в научном мире Европы, а ее автор получил широкую известность.

Король датский Фредерик II пригласил прославившегося подданного прочитать курс лекций в Копенгагенском университете.

Еще через год Тихо Браге совершил большое путешествие по Европе, в ходе которого завязалось его знакомство с коронованными особами – покровителями науки и искусства: ландграфом Вильгельмом Гессен-Кассельским и императором Священной Римской империи Рудольфом II.

Несколько позднее ландграф написал датскому королю письмо, в котором назвал Тихо Браге величайшим украшением Дании и выразил надежду, что ученому будет оказано высочайшее покровительство.

То ли это письмо оказалось вполне убедительным, то ли снова не обошлось без тайного вмешательства музы Урании, но только Фредерик проявил неслыханную щедрость.

Своим указом от 23 мая 1576 года он подарил ученому остров Вен, расположенный в проливе Эресунн, в 20км от Копенгагена, а, кроме того, выделил средства для постройки астрономической обсерватории.

Деньги даже по нынешним меркам были немалые: больше бочки золота!

Возведение обсерватории, получившей название Ураниборг в честь музы-покровительницы, началось в том же 1576 году и продолжалось четыре года.

Проект составил сам Тихо Браге.

3-этажный замок-крепость в плане представлял собой квадрат со стороной 18м, точно ориентированный по странам света.

В свою очередь, каждая из сторон была оборудована отдельной обсерваторией, оснащенной раздвижной крышей и лучшими по тем временам инструментами, изготовленными по личным указаниям ученого.

Здесь же располагались лаборатории, типография и бумажная фабрика, мастерские, жилые комнаты для ученых и слуг.

Наблюдения начались, несмотря на продолжавшееся строительство, уже в 1577 году.

И тут, словно воздавая должное энергии исследователя, в небе появилась яркая комета, наделавшая еще больше переполоху, чем недавняя вспышка яркой звезды.

Наблюдения за кометой позволили Тихо Браге сделать новое важное открытие: кометы – это вовсе не атмосферное явление, как считалось еще со времен Аристотеля, а внеземные объекты.

На остров часто приезжали знатные гости, просившие Браге составить для них гороскопы.

Благосклонность к ученому проявляла и королева София - ученая дама, увлекавшаяся астрономией и алхимией.

Она подолгу беседовала с ученым наедине, внимая его пояснениям.

В этот период Тихо Браге, которому приходилось регулярно бывать в королевском дворце, заказал для подобных визитов золотой протез на свой изувеченный нос.

Несмотря на громкую славу, нрав его не сделался мягче.

Многие придворные откровенно ненавидели королевского астронома и, терпя от него оскорбления, платили ему той же монетой, распуская порочащие его сплетни.

Но ученый, чье положение при дворе представлялось незыблемым, не обращал на их интриги особого внимания.

Вскоре рядом с Ураниборгом он построил еще одну обсерваторию, назвав ее Стjerneборг, то есть, Звездный замок.

Располагая штатом квалифицированных помощников, Тихо Браге вел планомерные наблюдения звездного неба, занося результаты в особые книги, которые переплетал в кожу.

Как ни щедр был король, но выделяемого им золота для содержания столь крупного научного центра, каким стал Ураниборг, все же не хватало.

Тихо Браге покрывал дефицит из собственных средств, и постепенно остров Вен вобрал в себя практически все его немалое состояние.

Призрак грядущих бед замаячил перед Тихо Браге в 1588 году, когда скончался его король-благодетель.

Ввиду малолетства наследника трона Кристиана IV, управление страной взял в свои руки Регентский совет, при этом королева София, по-прежнему благоволившая ученому, искусно вела свою партию.

Тем временем придворные сумели настроить короля-подростка против создателя Ураниборга, рассчитывая, что эта ненависть в будущем заденет и королеву-мать.

Муссировались слухи о том, будто бы Кристиан вовсе не сын Фредерика, что королева София ездила на остров Вен не только за астрономическими знаниями

В 1596 году, по достижению совершеннолетия, Кристиан был коронован, и с этого момента началась последовательная травля недавнего столь еще удачливого Тихо Браге.

Сначала молодой король отменил всякое финансирование Ураниборга, затем в резкой, ультимативной форме потребовал, чтобы ученый прекратил свои астрономические занятия

Волей-неволей Тихо Браге вынужден был покинуть свой любимый Ураниборг, не зная еще, что это навсегда.

(Кристиан наказал и свою мать, фактически отправив ее в ссылку.)

Два года ученый провел в Германии, а затем, в 1599 году, переехал в Прагу, которую выбрал своей резиденцией император Рудольф II, тонкий ценитель прекрасного, страстный коллекционер произведений искусства, но также сумасброд и меланхолик, страдавший психическими расстройствами.

При его дворе можно было встретить, как серьезных ученых, так и всякого рода шарлатанов, мошенников и проходимцев, причем этих последних было, пожалуй, больше.

Эксцентричный Рудольф назначил своему новому придворному астроному богатое содержание в размере 3 тыс. золотых дукатов в год.

Другое дело, что обещанных денег Тихо Браге так и не получил, поскольку королевский казначей заявил ему, что казна пуста.

И все же условия для научной работы у астронома появились вполне комфортные, и он продолжил свои наблюдения за планетами и звездами, снова обретая душевное равновесие.

А на текущую жизнь этот, еще недавно весьма состоятельный аристократ зарабатывал тем, что составлял гороскопы для местной знати.

В 1600 году в Праге появился еще один астроном-скиталец.

Это был немецкий ученый Иоганн Кеплер, чей первый печатный труд Тайна Вселенной составил 29-летнему автору определенную известность в научных кругах, хотя, конечно, и не такую громкую, какая окружала Тихо Браге, этого, несмотря ни на что, избранника музыки Урании.

Собственно говоря, Браге сам вызвал Кеплера, с которым состоял в переписке, письмом в Прагу, поскольку остро нуждался в ассистенте-математике.

Император Рудольф охотно уважил просьбу своего придворного астронома и положил Кеплеру 1500 дукатов в год, впрочем, денег тот тоже не получил.

Довольно быстро выяснилось, что ни о каком творчестве содружестве между двумя выдающимися личностями не может быть и речи.

Кеплер был убежденным сторонником гелиоцентрического учения Коперника.

Браге же пытался выстроить собственную систему, по которой планеты вращались вокруг Солнца, но само Солнце и Луна – вокруг покоящейся Земли, находящейся в центре мироздания.

С точки зрения Кеплера, система Браге была, конечно же, полным абсурдом.

Самого же Браге убеждения его помощника волновали мало, Кеплер был нужен мэтру как своего рода вычислительная машина.

Со своей стороны, Кеплер нуждался в тех данных, которые Браге собрал за десятилетия своих наблюдений, в частности, по особенностям движения планеты Марс.

Молодой ученый не сомневался, что эти сведения помогут ему вывести те закономерности, о которых он размышлял в последнее время.

Но Тихо Браге вовсе не собирался делиться своим сокровищем ни с Кеплером, ни с кем-либо другим.

Свои пухлые, переплетенные в кожу тома, которых насчитывалось уже 34, он держал под замком в особой комнате, а Кеплеру давал только те колонки цифр, которые требовались для расчетов на данном этапе.

Нетерпеливый Кеплер пытался однажды тайно проникнуть в запретную комнату, но был застигнут, что называется, на месте преступления.

Между учеными мужами произошел громкий скандал, едва не закончившийся разрывом, но Браге, который высоко ценил математический талант своего помощника, все же сохранил за ним место.

А затем произошло то, вокруг чего до сих пор ведутся споры.

В начале октября 1601 года Тихо Браге был гостем на банкете у барона фон Розенберга, где присутствовал и император.

Ничто не предвещало беды, но к концу обеда ученый почувствовал себя так плохо, что его унесли домой в бессознательном состоянии.

Несколько дней он находился между жизнью и смертью, но вот появились первые признаки выздоровления.

Уже казалось, что больной вскоре встанет на ноги, когда внезапно наступило резкое ухудшение, и 13 октября, на 11-й день после банкета, Тихо Браге скончался, не дожив двух месяцев до своего 55-летия.

По словам очевидцев, перед смертью он прошептал: Жизнь прожита не напрасно

Врачи объяснили, что Браге после обильных возлияний слишком долго сдерживал напор мочи, не смея встать из-за стола раньше императора по соображениям этикета.

В результате возникло воспаление, которое и закончилось смертью.

По распоряжению императора усопший был похоронен с рыцарскими почестями в пражском Тынском соборе.

Через два дня после церемонии Кеплер получил место придворного математика.

Рудольф приказал также передать ему все инструменты и записи почившего.

Семье обещали выплатить компенсацию, но это так и осталось на бумаге.

Уже через несколько лет, проанализировав особенности движения Марса на основе данных, собранных Браге, Кеплер сумел доказать, что эта планета движется вокруг Солнца не по круговой, а по эллиптической орбите, а позднее сформулировал два своих первых закона движения планет, что принесло ему славу одного из крупнейших астрономов за всю историю человечества.

Слухи о том, что Тихо Браге помогли умереть, возникли еще до похорон датского астронома.

Но лишь после того, как в 1990 году датские эксперты исследовали волосы из его усов, хранившихся в Пражском национальном музее, эта версия получила научное подтверждение.

Оказалось, что содержание ртути в организме астронома в сто раз превышало норму!

Конечно, Тихо Браге мог отравиться и сам по неосторожности, производя опыты с ртутью в своей алхимической лаборатории.

Однако в этой истории есть один весьмастораживающий аспект.

Тот же анализ показал, что в течение девяти дней болезни уровень ртути в организме неизменно снижался, а затем, за несколько часов до рокового исхода, вдруг резко повысился.

Это могло означать, что больной получил вторую дозу яда, оказавшуюся смертельной!

Но тогда возникает логичный вопрос: кому была выгодна его смерть?

В 2005 году авторы Джошуа Гилдер и Анна Ли Гилдер опубликовали выводы своих многолетних исследований по этой теме.

По их мнению, Тихо Браге был отравлен Кеплером, стремившимся завладеть бесценным банком данных датского астронома и совершить прорыв к эпохальному открытию!

При этом ссылаются на самого Кеплера, писавшего: Тихо – человек, с которым нельзя жить рядом, не подвергаясь непрерывным жестоким оскорблениям.

Сразу же оговоримся, что рассуждения Гилдеров носят чисто умозрительный характер, и большинство историков не воспринимают их версию всерьез.

В начале 2009 года профессор Страсбургского университета Петер Андерсен, датчанин по происхождению, сообщил о том, что в королевской библиотеке в Стокгольме он обнаружил дневник графа Эрика Браге, дальнего родственника знаменитого астронома.

Часть записей в дневнике сделана шифром.

По мнению профессора, граф, отличавшийся склонностью к красивой жизни и мотовству, а потому постоянно нуждавшийся в деньгах, состоял на секретной службе сразу у нескольких королевских дворов Европы.

Можно предположить, что однажды он принял заказ от Кристиана IV, который пылал жаждой избавиться, наконец, от опасного свидетеля, посвященного в тайны династической кухни.

В дневнике, по утверждению профессора, есть указание на то, что граф спешно выехал из Швеции в Копенгаген, а оттуда в Гданьск, где тайно встречался с доверенными лицами датского короля, в том числе, с его младшим братом, принцем Иоганном.

Якобы, именно тот передал Эрику последние инструкции, после чего граф отбыл в Прагу, где свел знакомство со своим именитым родичем (ранее они никогда не встречались).

На том злополучном банкете он сидел рядом с Тихо. Кроме того, через девять дней, когда больному стало легче, граф снова посетил его дом, и уже назавтра великого астронома не стало.

Так был ли Тихо Браге действительно отравлен?

Ясный, без всяких недомолвок ответ на этот вопрос, ответ, основанный на самых современных методах экспертизы, мы получим уже скоро.

Но, если версия отравления подтвердиться, то кто возьмет на себя смелость назвать имя истинного злодея?

Похоже, вокруг этой исторической загадки будет сломано еще немало копий.

Глава 2 Эксперты-светила

В биографии многих светил отечественной науки есть любопытная глава, связанная с их участием в судебных процессах в качестве экспертов.

Следственные и судебные органы обычно обращались к выдающимся учёным за содействием в тех сложных случаях, когда именно экспертное заключение могло приподнять завесу над тайной преступления, внести поворот в расследование запутанного дела.

Надо отметить, что и сами учёные, несмотря на занятость, стремились с полной ответственностью помочь правосудию установить истину и всегда подтверждали представленными исследованиями высший уровень своей квалификации.

Вот лишь несколько примеров из экспертной практики славных имён, навсегда вошедших в историю не только науки, но и судебной криминалистики.

ДЕЛО УЕЗДНОГО ЛЕКАРЯ

Эксперт: Николай Иванович Пирогов (1810 – 1881). Анатом, хирург, педагог, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии. Член-корреспондент Петербургской Академии наук. Участник обороны Севастополя, франко-прусской и русско-турецкой войн. Первым в мире произвел операцию под наркозом на поле боя (1847). Составитель атласа Топографическая анатомия.

В 1841 году доктор Пирогов, несмотря на свою молодость, был избран членом Медицинского совета министерства внутренних дел, совета, являвшегося в тот исторический период высшим экспертным учреждением Российской империи. Именно сюда обращались не только следственные и судебные органы, но даже сенаторы, прежде чем вынести окончательное решение по тому или иному нашумевшему вопросу.

Так случилось и в ходе многолетнего расследования преступления, произошедшего в деревне Ключевка Петровского уезда Саратовской губернии.

В усадьбу помещика Устинова приехал на побывку его дальний родственник Якубинский. Как водится, помещик принял гостя с подобающей щедростью, а после обильного вечернего застолья устроил его на ночлег в отдельной комнате на первом этаже своего трёхэтажного особняка.

Утром слуги нашли Якубинского распростёртым на полу в одной ночной рубашке, с окровавленной головой. На каминной полке лежал заряженный пистолет. Окно в сад было распахнуто настежь. Когда бездыханного гостя перевернули на спину, то оказалось, что под телом лежит второй пистолет – разряженный. Звуков выстрела никто в доме не слышал. Впрочем, это и не удивительно, ведь ночью бушевала сильная гроза.

Вскоре труп осмотрел, а затем и произвёл его вскрытие уездный врач Алексеев. Несмотря на подозрительные обстоятельства смерти Якубинского, врач дал заключение, что тот скончался в результате лёгочной апоплексии.

Однако тревожные слухи не утихали, и уже после похорон Якубинского докатилась до Саратовской врачебной управы, где и без того к заключению Алексеева отнеслись с недоверием. Наконец, власти вынесли постановление произвести эксгумацию трупа.

Вторичная экспертиза показала, что на голове потерпевшего имеется огнестрельное ранение, которое опытному медику трудно было бы не заметить. Обнаружили и пулю, засевшую в затылочной кости и выпущенную из пистолета, который нашли под телом.

Сразу же после этого врач Алексеев был обвинён в умышленном сокрытии улик и взят под стражу. Ему грозила ссылка на каторгу на длительный срок с лишением всех прав.

Однако сам Алексеев решительно отрицал преступный умысел, объясняя свою ошибку невнимательностью и намекая на вероятное самоубийство Якубинского.

Вот тут-то Саратовский гражданский губернатор направил дело в сенат, который, в свою очередь, обратился за консультацией в Медицинский совет. В конечном итоге, дело оказалось у Пирогова.

Внимательно изучив представленные материалы, знаменитый хирург дал своё заключение, в котором не только ответил на поставленные следствием вопросы, но и, по сути, впервые в России сформулировал необходимость системного подхода к проблемам экспертизы в целом.

Пирогов подчеркнул, что врач, вызванный для осмотра трупа, чей вид наводит на подозрение о насильственной смерти, обязан также тщательно изучить окружающую обстановку.

Не сделав толком ни того, ни другого, Алексеев фактически загнал себя в двойной капкан: во-первых, дал неверное заключение, не соответствовавшее требованиям медицины, во-вторых, проигнорировал важные детали в окружающей обстановке, чем навёл на себя подозрение в намеренном укрывательстве улик.

Но действительно ли в действиях Алексеева имелся недобрый умысел? Это, по мнению Пирогова, должна была со всей очевидностью установить повторная экспертиза, состоявшаяся после эксгумации. Однако врачи, проводившие её, проявили такую же неосмотрительность в наблюдении. Их выводы, пишет Пирогов, оказались «в высшей степени неясными и неполными, дав средство подсудимому воспользоваться их ошибками и сделав теперь положительное решение вопроса о мере вины Алексеева невозможным».

Дело уездного врача и вправду тянулось еще около восьми лет и закончилось оправданием обвиняемого.

Что касается смерти Якубинского, то её причиной суд признал «волю божью».

ДЕЛО КУПЦА ОВСЯННИКОВА

Эксперт: Александр Михайлович Бутлеров (1828 – 1886). Химик-органик, академик Петербургской АН. Создал и обосновал теорию химического строения веществ, объяснил явление изометрии, получил изобутилен. Трактаты по сельскому хозяйству и пчеловодству. Поборник высшего образования для женщин.

В середине 70-х годов 19-го столетия Бутлеров участвовал в качестве эксперта в громком процессе по делу скандально знаменитого, богатого купца Овсянникова.

То, что Овсянников многие свои проблемы решал незаконным путем, не являлось большим секретом. Против него в разное время заводили полтора десятка уголовных дел, но всякий раз ловкий купец выходил сухим из воды. Когда возникло новое дело – о поджоге мельницы – мало кто сомневался, что он снова уйдёт от уголовной ответственности. Даже в Германии, где Овсянников тоже был хорошо известен, местные газеты писали, что в самом скором времени тот окажется на свободе, благодаря своему умению «подмазывать» нужных людей.

Дело было за малым. Купец ждал, что следствие вынесет решение, будто пожар возник в результате самовозгорания мучной пыли.

Но на сей раз Овсянникову крепко не повезло.

Следствие назначило экспертизу, к участию в которой привлекло четырёх специалистов при руководящей роли Бутлерова.

Исследовав полученные образцы мучной пыли, эксперты пришли к выводу, что вообще мука, как и мучная труха, загораются трудно и только тогда, когда соприкасаются с открытым пламенем. Ни один из переданных учёным образцов не загорался сам по себе. Для этого требовалось воздействие повышенной температуры извне, причем в течение весьма продолжительного времени.

С этим заключением на суде выступил сам Бутлеров. Он же давал ответы на все вопросы участников судопроизводства.

В частности, Бутлеров сообщил, что для большей наглядности эксперты пользовались специально изготовленным макетом сгоревшей мельницы.

Он также подчеркнул, что если мучная пыль смешана с воздухом, то загорается легко, подобно вспышке, но тлеть ни мука, ни мучная пыль не могут.

Ответы ученого отличались точностью и ясностью, если же его спрашивали о чем-либо, выходящем за рамки экспертизы, Бутлеров отвечал: «Опыта этого мы не делали».

Выводы экспертизы однозначно указывали на факт поджога. В результате, к немалому удивлению скептиков, Овсянников был осуждён. Против науки его хитроумные методы оказались бессильными.

ДЕЛО О ВОЗГОРАНИИ ПРЯЖИ

Эксперт: Дмитрий Иванович Менделеев (1834 – 1907). В особом представлении не нуждается. Химик, педагог, общественный деятель. Открыл периодический закон химических элементов. Заложил основы теории растворов, предложил промышленный способ фракционного разделения нефти, изобрел вид бездымного пороха. Член-корреспондент Петербургской АН. Организатор и первый директор Главной палаты мер и весов.

Кажется невероятным, что при своей колоссальной научной и педагогической загруженности, Менделеев успевал ещё выступать как эксперт-криминалист. Но это неоспоримый факт. В биографии ученого насчитываются десятки случаев, когда он помогал правосудию разобратся «кому это выгодно».

В 1870 году Дмитрий Иванович выступил в газете «Судебный вестник» со статьёй «Об экспертизе в судебных делах», где обобщил свои наблюдения о процессуальном положении эксперта в российском судопроизводстве. Позднее он отмечал:

«Меня очень часто вызывали для экспертизы в суды, вновь открывшиеся. Видя недостатки следствий, я считал полезным писать об этом».

Высоко ценя научные познания Менделеева, как и его человеческую порядочность, судебные и следственные органы всецело полагались на его мнение при проведении экспертиз по наиболее громким делам.

Вот один из таких нашумевших процессов.

На Ростовской ярмарке под Ярославлем на глазах у толпы вдруг воспламенился огромный воз с тюками красной бумажной пряжи. Местная полиция изъяла у купцов, торговавших этой пряжей, несколько аналогичных пачек и представила их для исследования в Ярославскую врачебную управу. Не имея возможности провести полноценный химический анализ образцов на месте, управа переправила эту пряжу в Медицинский совет министерства внутренних дел.

Эксперты совета установили, что «бумага пропитана большим количеством жирного вещества, которое посредством поглощения кислорода из воздуха в состоянии произвести повышенную температуру; большое количество такой, легко возгораемой и в одном месте собранной скученной бумаги, и свободный доступ воздуха были достаточны к условиям горения и могут причинить воспламенение».

Получив это заключение, ростовская полиция запретила купцам продавать в городе подобную пряжу.

Купцы, которые несли большие убытки, возмутились и, в свою очередь, обратились в сенат с прошением отменить постановление полиции.

(Следует заметить, что в тот период случаи самовозгорания бумажной пряжи, а также шёлка отмечались по России повсеместно, приводя к многочисленным пожарам.)

Сенат затребовал повторного заключения Медицинского совета.

С этой целью в рамках совета в 1870 году была создана специальная комиссия, куда вошёл и Менделеев, являвшийся в тот момент совещательным членом этого учреждения.

Комиссия проделала гигантскую работу, скрупулёзно собрав едва ли не по всей империи различные образцы сомнительной бумажной ткани, подробные сведения о способах её окраски и множество других сопутствовавших данных.

После анализа проделанных химических исследований комиссия пришла к конкретным выводам, которые вряд ли могли понравиться купечеству.

Выяснилось совершенно определённо, что в процессе окраски тканей фабриканты (в том числе иностранные) добавляли в краску излишнее количество масла или жира, особенно рыбьего – ворвани. Но и это еще не всё. Рыбий жир добавляли к пряже и после её окраски – для привеса. В случае активного окисления жира или масла ими поглощалось из воздуха значительное количество кислорода. В результате в массе упакованного и складированного товара развивалась теплота, которая при определённых условиях могла привести к самовозгоранию продукции.

Едва появилось на свет это заключение, как в пакгаузе Петербургской сухопутной таможни загорелась большая партия шёлка, прибывшая из-за границы. Купец, являвшийся получателем этого товара, не верил в самовозгорание. Он твердил о поджоге, требуя найти злоумышленника и выплатить ему, купцу, компенсацию.

Таможня обратилась в Медицинский совет, предоставив образцы шёлка, уцелевшие после пожара.

Среди экспертов по этому делу также был Менделеев.

Проведенные исследования однозначно установили: данная партия шёлка самовозгорелась опять-таки из-за переизбытка в ней ворвани.

ДЕЛО ПАРФЮМЕРОВ

Эксперт: Николай Дмитриевич Зелинский (1861 – 1953). Химик-органик, один из основоположников учения об органическом катализе и нефтехимии. Академик Академии наук СССР. Один из организаторов Института органической химии АН СССР. Создал угольный противогаз.

В 1911 году профессор Московского университета Зелинский в знак протеста против политики царского министра народного просвещения Л.Кассо покинул свою кафедру и переехал в Петербург, где в течение шести лет заведовал Центральной химической лабораторией министерства финансов.

Следственные и судебные органы систематически направляли сюда для анализа различные образцы сомнительных жидкостей – некачественные вина, прохладительные напитки, а также всевозможную парфюмерную и москательную продукцию.

Сидеть без дела сотрудникам лаборатории не приходилось, поскольку в царской России тоже не было недостатка в ловкачах, пускавших в продажу фальшивые товары «из Парижа», произведённые в российской глубинке.

Зелинский не только подписывал акты лабораторных заключений, но и нередко выступал как эксперт на судебных заседаниях, разъясняя технологию очередной подделки, представлявшей опасность для здоровья потребителя.

После революции Зелинский вернулся в Московский университет, но разработанные под его руководством экспертные методы ещё долго помогали правосудию выявлять и разоблачать всякого рода лжепарфюмеров и подпольных производителей суррогатных москательных товаров.

Особенно активно эти методы оказались востребованы в годы нэпа, когда страну захлестнули потоки фальшивых парфюмерных изделий (вспомним классический пример незабвен-

ного Кисы Воробьянинова, пытавшегося покрасить волосы на голове «импортным» средством).

ДЕЛО О ТРУПЕ НЕИЗВЕСТНОГО МУЖЧИНЫ

Эксперт: Михаил Михайлович Герасимов (1907 – 1970). Антрополог, археолог и скульптор, доктор исторических наук. Работы в области восстановления лица по черепу. На основании собственного метода создал скульптурные портреты ряда исторических личностей – Ярослава Мудрого, Юрия Долгорукого, Ивана Грозного, Тамерлана, Улугбека, Шиллера и др. Участвовал в работе научной экспедиции, вскрывавшей в июне 1941 года в Самарканде гробницы мавзолея Гур-Эмир.

В конце марта 1950 года, когда сошёл снег, один из жителей подмосковной деревни Денисьево случайно наткнулся за околицей на полуразложившийся труп неизвестного мужчины. Вскоре к месту страшной находки прибыли милиционеры и судебные эксперты. Однако состояние останков, равно как и отсутствие каких-либо особых примет, делали опознание трупа невозможным.

Следствие обратилось за помощью к Герасимову.

Со свойственной ему скрупулёзностью ученый реконструировал голову погибшего.

И вот перед следственной группой предстал скульптурный портрет молодого, крепкого мужчины примерно 25-летнего возраста. Портрет был сфотографирован в различных ракурсах. Размноженные снимки разослали сотрудникам милиции нескольких районов, которые обошли с ними все окрестные населённые пункты.

Наконец, гражданка Х., жительница одной из отдалённых деревенок, узнала на снимках своего сына, пропавшего еще поздней осенью. Уверенно опознали погибшего по фотографиям и соседи.

Так научный метод Герасимова получил своё подтверждение на практике.

Учёный еще не раз выручал сыщиков в похожих ситуациях.

Однажды он сумел реконструировать голову убитой, а затем расчленённой женщины, несмотря даже на то, что у черепа отсутствовала челюсть.

В результате удалось распутать всю цепочку преступления. Убийца предстал перед судом. Герасимов был одним из первых, кто отстаивал способ фотосовмещения.

В своей книге «Основы восстановления лица по черепу» он писал:

«Более чем 20-летний опыт работы в области восстановления лица по черепу убеждает меня в том, что ни один череп не может быть правильно вписан в фотографию лица другого человека. Индивидуальная степень асимметрии, различные индивидуальные отклонения от нормы и, наконец, просто тотальные размеры могут совместиться только в одном случае, - когда череп принадлежит тому же субъекту, что и фотография».

Жаль, что замечательный учёный не дожил до того времени, когда на помощь исследователю пришла компьютерная графика.

Глаза 3 Вечные часы

В числе тех энтузиастов, которые на протяжении веков пытались удивить человечество созданием вечного двигателя, находилось немало часовых дел мастеров. Как это ни парадоксально звучит, но некоторые из них добились своей цели. Изготовленные ими диковинные часы могли идти без всякого подзавода вечно (или, по крайней мере, до тех пор, пока не износится механизм). Никакого секрета тут, собственно, и нет. Ибо, в отличие от неутомимых искателей перпетуум мобиле, которые пытались черпать энергию для своих механизмов из *ничего*, часовщики отлично понимали неосуществимость этой задачи. Их творения приводились в движение реальными природными силами. Но сама конструкция была изготовлена столь искусно, что невольно наводила на мысль о действующем вечном двигателе.

* * * * *

Одним из самых талантливых умельцев по этой части был Джеймс Кокс, английский часовщик, автор многочисленных причудливых поделок. Лучшее свое детище – часы, названные им же «Вечным двигателем», или «Философскими часами», - он построил в 60-х годах 18-го столетия с помощью механика Джозефа Мерлина.

В ту пору вошли в моду всевозможные выставки диковинных механизмов. Многие мастера открывали при своих мастерских собственные музеи. Был такой музей и у Кокса – в Лондоне, на Спринг-гарден. В нем демонстрировались десятки механических чудес. Но центральное место по праву занимали «вечные» часы!

Корпус этих необыкновенных часов был изготовлен из красного дерева. Формой они напоминали высокое башенное здание с колоннами, арками, пилястрами и карнизами. Всё это украшалось богатой позолотой и изящными безделушками, выполненными из меди ажурнойковки. Кроме часовой и минутной, имелась также секундная стрелка.

«Философская» идея часов заключалась в использовании перепадов атмосферного давления. Эти мизерные колебания улавливала и преобразовывала барометрическая самозаводящаяся система, изобретенная инженером Рее и усовершенствованная самим Джеймсом Коксом. Барометр состоял из сосуда и соединенной с ним колбы, в которых содержалось 150 фунтов ртути. Под действием перепадов атмосферного давления уровень ртути в колбе то опускался, то поднимался, воздействуя на два качающихся рычага, которые посредством остроумной системы передач вращали зубчатое колесико. Вся конструкция этого узла была выполнена так (и в этом заключался секрет!), что колесико всегда вращалось в одном и том же направлении, вне зависимости от того, поднимается или опускается ртуть в колбе.

Мастер свел до минимума трение в деталях, выполнив подшипники на алмазах.

Кроме того, часы размещались под пыленепроницаемым стеклянным колпаком, что значительно увеличивало запас их долговечности.

Сам Кокс писал, что создание «Вечного двигателя» потребовало от него громадного труда, непрерывных испытаний и колоссальных денежных затрат.

Наверное, именно по этой причине часы вскоре были разыграны в лотерее.

Их новым владельцем стал Томас Уикс, державший в Лондоне на Тичборн-стрит «Механический королевский музей Уикса».

* * * * *

Джеймс Кокс умер в 1788 году. Томас Уикс надолго пережил его и скончался в середине 30-х годов 19-го века. Часы по-прежнему шли без всякого подзавода. С момента создания они неустанно отсчитывали секунду за секундой на протяжении уже семидесяти лет.

Однако, после смерти Уикса экспонаты его музей были распроданы с аукциона.

После этого следы «Вечного двигателя» теряются почти на шесть десятилетий.

По некоторым сведениям, некий голландский дипломат привез эти часы в Китай в качестве дара императору. К сожалению, во время их перевозки из Кантона в Пекин механизм был поврежден. В Пекине их отдали в починку. Там часы увидел очень знатный китайский вельможа, который путем хитроумной интриги подменил их, после чего лично преподнес императору уже от своего имени.

По тем же сведениям, позднее часы вновь оказались в руках у англичан и вернулись в Лондон.

Известно точно, что они появились в 1898 году на выставке в Клеркенвелле. В последующие годы часы несколько раз меняли владельца, побывав в Эдинбурге и Ньюкасле, но уже никогда не покидали берегов Британии.

В 1961 году их приобрел лондонский музей Виктории и Альберта на средства Национального фонда художественных собраний. «Вечный двигатель» стал государственной собственностью.

Но стрелки на часах более не движутся. Очевидно, многочисленные переезды, а также попытки ремонта нарушили некий тонкий баланс в механизме, отладить который не удалось никому из современных мастеров.

* * * * *

В историю вошли и другие мастера, ставившие целью создание «вечных» часов. При этом использовались самые разнообразные природные силы.

В 1701 году часовщик Бартон из Клеркенвелла создал часы, источником энергии для которых являлось солнце.

Бартон поместил большой воздухонепроницаемый бак из жести на солнечной стороне дома, соединив его трубкой с резервуаром на чердаке. При нагреве бака в дневное время воздух в нем расширился и перетекал в резервуар, двигая поршень механизма. С приближением ночи воздух в баке охлаждался и сжимался, заставляя поршень делать обратный ход. Таким образом, в результате смены жары и холода происходил постоянный подзавод часов.

Известно также, что знаменитому лондонскому часовщику Томасу Томпиону (1639 – 1713) – «отцу английского часового дела» - были заказаны большие часы для собора Святого Павла. Часы, стоимость которых оценивалась в 3-4 тысячи фунтов стерлингов, должны были идти без подзавода ровно сто лет. Томпион энергично взялся за работу, но смерть помешала ему выполнить этот исторический заказ.

Попытки создать «вечные» часы предпринимались и на берегах Невы. Так, старинный французский «Журнал энциклопедик» сообщает, что часы, изготовленные членом Санкт-Петербургской академии наук Кратценштейном около 1751 года, приводились в действие «сменой тепла и холода».

Наконец, в 1934 году в Швеции были изготовлены часы, которые идут без какого-либо подзавода и поныне. Энергию они получают за счет изменения как атмосферного давления, так и температуры окружающей среды.

Подсчитано, что количество вырабатываемой этими часами энергии в четыре раза превышает потребности их механизма.

Ну, чем не «вечный двигатель»?

Раздел "Спецслужбы"

Глава 1 Датский провал

Нелепый, досадный, маловразумительный и, вместе с тем, грандиозный по своим последствиям провал, о котором вспоминают до сих пор, потерпела наша военная разведка в феврале 1935 года в Дании.

Уже в 20-х годах молодая советская военная разведка – Разведупр Красной Армии – раскинула свои агентурные сети по всей Европе, а также на Дальнем Востоке и в США. Во Франции на Разведупр работала так называемая сеть Ж.Креме. Резидентура в Берлине насчитывала порядка 250 агентов. И подобных примеров можно привести немало. Добываемая этими и другими нелегалами информация, а также секретные документы, чертежи и даже отдельные образцы вооружений направлялись по тайным каналам в Центр непрерывным потоком.

Военные разведчики многое сделали для укрепления обороноспособности своей родины.

Вместе с тем, примерно с середины 20-х годов военная разведка вступила в «черную» полосу провалов.

Их причины лежали на поверхности: пренебрежение правилами конспирации, неопытность кадров, в том числе, руководящих, но, пожалуй, главное – ставка на агентов из числа членов местных компартий.

Этим агентам не надо было платить, они охотно работали, порой с риском для жизни, ради идеи.

Вместе с тем, при всей своей бескорыстности и готовности к самопожертвованию, они не соблюдали дисциплину, продолжали поддерживать отношения с партийными товарищами и, что самое печальное, отличались невероятной болтливостью.

Многие из них находились «под колпаком» у полиции. Малейшее подозрение в причастности к шпионажу приводило к тому, что за «объектом» устанавливалась слежка, итогом которой становилось очередное разоблачение.

Вдобавок, спецслужбы западных стран активно внедряли в ряды местных коммунистов своих осведомителей.

Ситуация приобрела столь тревожные масштабы, что в декабре 1926 года, после очередного громкого провала наших разведчиков в Праге, ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, категорически запрещавшее резидентам вербовать агентов из числа членов компартий страны пребывания.

Но этот документ так и остался на бумаге.

Уже весной 1927 года последовала новая серия провалов.

С подачи британских спецслужб, на протяжении двух-трех месяцев прошли аресты советской агентуры в восьми странах мира, от Швейцарии до Китая. Французская спецслужба Сюртэ раскрыла сеть Ж.Креме, регулярно поставлявшую в Советский Союз огромный массив ценной информации.

Едва Разведупр восстановил некоторые из разорванных связей, как всего через несколько лет, в начале 30-х годов, накатила новая волна разоблачений.

Не прекращавшаяся череда досадных неудач поколебала в глазах советского руководства авторитет, как Разведупра в целом, так и его начальника Яна Берзина, которого еще совсем недавно считали крупнейшим специалистом в своем деле.

Политбюро приняло решение укрепить центральный аппарат военной разведки руководящими кадрами из ОГПУ.

23 мая 1934 года в Кремль был вызван начальник иностранного отдела ОГПУ Артур Артузов, опытейший мастер тайной войны, один из разработчиков классических операций «Синдикат-2», «Трест», «Тарантелла» и целого ряда других.

Сталин в присутствии наркома обороны Ворошилова и зампреда ОГПУ Ягоды предложил Артузову занять специально учрежденную должность первого заместителя начальника Разведупра.

Артузову не хотелось уходить с прежнего места, но под давлением вождя он вынужден был согласиться, поставив условием, что ему разрешат взять с собой ряд коллег из ОГПУ, специалистов, которым он всецело доверял.

Сталин не возражал, поручив Артузову первым делом детально разобраться с причинами неудач Разведупра и подготовить доклад на его имя.

Вскоре «пришельцы» из ОГПУ заняли многие ключевые посты в аппарате военной разведки, вызвав скрытое недовольствие наркома Ворошилова.

А тут еще ему донесли, будто Артузов обмолвился в своем кругу: «Товарищ Сталин, направляя меня в Разведупр, сказал, что я должен быть там его глазами и ушами».

Кому понравится терпеть рядом с собой такие «глаза и уши»!

Между тем, уже в июне Артузов подготовил доклад, где указал, что вследствие провалов, агентурная сеть военной разведки фактически перестала существовать в Румынии, Латвии, Франции, Финляндии, Эстонии, Италии и сохранилась лишь в Германии, Польше, Китае и Маньчжурии

Как на одну из главных бед, Артузов вновь обратил внимание на широкое использование резидентами в качестве агентов представителей местных компартий.

Приводился пример, когда немецкий коммунист был послан в Париж с ответственным заданием. Там он случайно встретил своего старого партийного друга Шандора Радо и на радостях выболтал ему без утайки все подробности своего задания, назвав даже имя связника и пароль. Хорошо еще, что Шандор Радо тоже был агентом советской военной разведки.

В докладе содержалось немало конкретных предложений по улучшению работы Разведупра.

Показательно, однако, что этот документ Артузов передал Сталину (копия Ворошилову), минуя своего прямого начальника Берзина.

До прихода к власти Гитлера наш Разведупр и германский абвер не только шпионили друг против друга, но и поддерживали вполне партнерские отношения.

Обе военные разведки обменивались, в частности, информацией по Польше, которая была одним из главных противников, как для Советской России, так и для Веймарской республики. Такой же обменный процесс проходил по балканским странам и дальневосточному региону.

С советской стороны эти контакты курировал лично Берзин.

Когда в 1932 году в Вене были арестованы наш резидент и четверо его агентов, то Берзин обратился к руководителю абвера полковнику фон Бредову, и тот устроил так, что австрийцы освободили задержанных.

Но с приходом нацистов о всяком «партнерстве» пришлось забыть.

Разведупру пришлось перестраивать работу своих резидентур в Германии, создавать новые, выводить из страны агентов еврейского происхождения.

Кроме того, Разведупр начал укреплять так называемые резидентуры связи, расположенные в соседних с Германией странах.

Одна из таких резидентур находилась в Копенгагене, в Дании.

Многоопытные разведчики утверждают, что не так трудно добыть секретную информацию, как передать ее затем по назначению.

Контрразведка чаще всего выявляет шпионов именно на этапе передачи документов, берет их, как говорится, «тепленькими», с поличным.

Переpravлять секретные материалы непосредственно из Германии в Центр становилось всё более рискованно.

Куда безопаснее было вывозить нелегальную почту в соседнюю Данию – тихую, спокойную страну, а уж оттуда пересылать ее по назначению.

Конечно, датские спецслужбы тоже не дремали, но их активность не шла ни в какое сравнение с рвением нацистской контрразведки.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что никакой «шпионской» работы против самой Дании агенты нашей резидентуры не вели, а занимались, в основном, получением и перевозкой конфиденциальных материалов из Германии.

Резидент Александр Петрович (Израиль Хайкелевич) Улановский свою карьеру разведчика начинал в Германии еще в 1921 году, по линии ВЧК. Среди коллег известен был еще и тем, что в царское время отбывал ссылку, как революционер-анархист, в Туруханском крае, одновременно со Сталиным и Свердловым.

В военную разведку перешел в 1928 году. Работал в Китае вместе с Рихардом Зорге, затем снова в Германии, позднее был резидентом нелегальной разведки в США.

Имея в биографии столь впечатляющий послужной список, Улановский получил в 1934 году ответственное назначение в Данию.

Благодаря богатому опыту, он сумел наладить четкую работу своего «шпионского хозяйства», где каждый агент знал свой участок работы.

До поры до времени этот налаженный механизм работал, как часы.

Резидентура Улановского практически целиком состояла из членов западных компартий.

Его правой рукой был энергичный американский коммунист Джордж Минк. Проявляя излишнюю инициативу, тот активно общался с датскими моряками, сочувствовавшими левым идеям, и пытался завербовать среди них новых агентов. Кто-то сообщил об этом в Центр. Оттуда пришло распоряжение отослать Минка в Москву, на учебу. Но Улановский под разными предлогами оттягивал выполнение этого приказа.

Все основные связники Улановского были датчанами, членами своей компартии. Они хотя и покинули ее ряды по требованию резидента, но не забывали друзей и единомышленников, регулярно встречались с ними.

Между прочим, Улановский уже «погорел» однажды на «чужих» коммунистах, в период своей работы в Германии в 1931 году. Его и другого виновника провала – Гришина вызвали в Москву, допросили на заседании специальной комиссии в составе Кагановича, Ворошилова, Мануильского и Пятницкого и предупредили, что «малейшие попытки обойти решение ЦК повлекут исключение их из партии».

Улановский обещал исправиться, но, оказавшись в Дании, взялся за старое.

Интересно, а где бы он нашел других агентов – имевших настоящие паспорта, говоривших без акцента на языке страны проживания, не выделявшихся своими манерами и внешним обликом среди местных жителей?!

Москва не могла прислать адекватной замены. Разведупр еще не располагал своим учебным заведением, готовившим разведчиков должного уровня. Имелись, правда, курсы повышения квалификации, но они давали лишь начальную «шпионскую» подготовку.

Вербовать же агентов из числа местных благополучных граждан, никак не связанных с левыми движениями, было и вовсе нереальной задачей. Не говоря уже о том, что им пришлось бы платить. Зато местные коммунисты работали ради идеи.

Вот и приходилось крутиться меж двух жерновов, обманывать собственное начальство.

Центр, конечно же, догадывался об этой игре, но, пока всё шло благополучно, закрывал глаза на явные нарушения резидентом строгих указаний.

Разумеется, Улановский пытался хоть как-то поднатаскать свой контингент, приобщить его на конкретных примерах из собственной практики к правилам конспирации, но учеба такого рода продвигалась медленно.

Впрочем, оказавшись после «горячих точек» в тихой Дании, он и сам в какой-то степени утратил свойственную ему бдительность. Расслабился настолько, что принимал нелегальную почту из Германии и встречался со всеми завербованными иностранцами на одной и той же явочной квартире.

При этом резидент не догадывался, что один из его связников является тайным осведомителем датской полиции.

Получив от своего осведомителя информацию о том, что Улановский ждет «важных гостей», датская полиция приступила к большой охоте.

За конспиративной квартирой Улановского установили слежку.

19 февраля арестовали Джорджа Минка.

В течение двух дней полиция производила у него обыск, затем на квартире была устроена засада.

Первым из «гостей» в ловушку угодил Давид Угер («Реми»), опытный сотрудник Разведупра. В свое время работал в Китае советником Сунь Ятсена, помогал Гоминьдану создавать бронетанковые части и авиацию, за что был награжден орденом Красного Знамени. Затем перебрался в США, где сумел добыть чертежи самолетных двигателей и турбонагнетателей, что позволило оборонной промышленности СССР сэкономить огромные средства, а главное, ускорить темпы перевооружения армии. В сентябре 1934 его направили резидентом в Германию, и сейчас он возвращался с докладом в Советский Союз через Данию. Никакой необходимости вступать в контакт с Улановским у него не было. Угер и сам мог бы научить кого угодно правилам конспирации. Однако, покинув пределы нацистской Германии, он ощутил себя в полной безопасности и решил заглянуть на огонек к старому товарищу. Вот и «погорел».

Вторым «гостем» оказался Макс Максимов (Фридман), кодовое имя «Бруно», тоже давний сотрудник Разведупра, дальний родственник И.Уншлихта. Он знал несколько языков, тонко разбирался в искусстве, был своим в кругу западноевропейских интеллектуалов. Невзирая на еврейское происхождение, до последней возможности вел нелегальную работу в фашистской Германии, создал широко разветвленную агентурную сеть, которую, по указанию Центра, разделил затем на три автономных резидентуры. Передав их присланным из Москвы новым резидентам, «Бруно» с чувством исполненного долга направился домой, мысленно готовясь к новой командировке в США. Промежуточная конспиративная встреча для него была назначена в Швеции.

Но он точно также, по собственной инициативе, решил навестить в Дании гостеприимного Улановского. И вот, ускользнув в нацистской Германии от множества реальных опасностей, здесь он, что называется, споткнулся на ровном месте.

Наконец, еще одной крупной добычей датской полиции стал ни кто иной, как сотрудник центрального аппарата Разведупра, помощник начальника 1-го отдела Д.Львович.

У него за плечами также был немалый опыт нелегальной работы. В Дании он находился проездом, имея задание осесть в одной из «малых» стран и наладить дополнительный канал связи с резидентурами в Германии.

Его встреча с Улановским не планировалась, но он все же отправился в гости и прямиком угодил в расставленные сети.

Не обошлось и без случайной жертвы.

Именно в этот период из США в Чехословакию был послан советский агент, американский адвокат Леон Джозефсон.

Знавший Улановского по совместной работе в Америке, он не мог не воспользоваться возможностью передать ему привет от общих знакомых.

Арест вежливыми датскими полицейскими стал для адвоката большим сюрпризом.

Таким образом, в течение считанных дней советская военная разведка потеряла работника центрального аппарата, трех опытных резидентов и десять проверенных иностранных агентов (двух американцев и восьмерых датчан). Всех этих людей уже никогда нельзя было использовать в разведке как нелегалов, даже в других странах.

Резидентура связи в Дании перестала существовать.

Центру пришлось срочно изыскивать другие каналы для передачи из Германии нелегальной почты.

Провал в Копенгагене переполнил чашу терпения Сталина, который никак не ожидал от обновленного аппарата военной разведки новых неудач, да еще таких скандальных.

Понимая это, Берзин подал рапорт об освобождении от должности.

Сталин отставку принял, но самого разведчика принять не пожелал, как и выслушивать его объяснения.

Берзин был отправлен в «почетную ссылку» на Дальний Восток, заместителем к Блюхеру.

Но теперь ответственность за инцидент в Копенгагене легла и на «пришельцев».

Тем не менее, провести детальный «разбор полетов» было поручено Артузову.

В своем докладе тот вновь перечислил старые беды, подчеркнув, в частности:

«Очевидно, обычай навещать всех своих друзей, как у себя на родине, трудно поддается искоренению».

Нарком Ворошилов не упустил возможности дискредитировать не полюбившихся ему «пришельцев». Ознакомившись с докладом, он наложил такую резолюцию:

«Из этого сообщения, не совсем внятного и наивного, видно, что наша зарубежная разведка всё еще хромает на все четыре ноги. Мало что дал нам и т. Артузов в смысле улучшения этого серьезного дела»

Резолюция наркома стала, по сути, той отправной точкой, от которой для Артузова начался закат карьеры разведчика.

Вскоре начальником Разведупра был назначен Урицкий.

Люди Урицкого, Берзина и Артузова постоянно враждовали между собой, что никак не способствовало оздоровлению обстановки в аппарате военной разведки.

И хотя в ноябре того же, 1935 года, Артузов был произведен в корпусные комиссары, что соответствовало званию генерал-лейтенанта, но уже через год с небольшим Политбюро ЦК, по предложению Ворошилова, освободило его от занимаемой должности и направило в распоряжение НКВД. Там его назначили заведовать архивом.

Такими оказались для блестящего профессионала-разведчика последствия провала его подчиненных в Копенгагене.

Но и эту скромную должность он занимал недолго.

В мае 37-го его арестовали, выбили признание в сотрудничестве с иностранными разведками, 21 августа приговорили к смертной казни и в тот же день расстреляли.

Поскольку агенты Улановского в Дании не шпионили против этой страны, то арестованные получили незначительные сроки.

Сам Улановский был приговорен к 4 годам заключения, но освободили его уже в следующем, 1936 году.

Через Швецию он вернулся в Советский Союз.

Какое-то время преподавал в разведшколе, затем в военной академии имени Фрунзе.

Удивительно, но за провал в Дании он фактически не понес наказания.

Однако избежать репрессий Улановскому не удалось.

В 1948 году была арестована его жена Надежда Марковна, тоже работавшая в разведке под кодовым именем Элен.

Улановский написал письмо Сталину в ее защиту, напомнив о том периоде, когда они вместе с вождем отбывали ссылку.

Увы, разжалобить хозяина Кремля не удалось.

В 1949 году Улановский был арестован и осужден на 10 лет.

Освободили его в 1955-м по инвалидности, позднее реабилитировали.

Скончался Улановский в 1971 году, в 80-летнем возрасте.

Для Угера и Максимова арест в Дании оказался еще менее продолжительным, и уже летом 1935 года они были в Москве

Угера назначили начальником Научно-исследовательского автобронетанкового полигона Красной Армии, Максимова нашлось место в аппарате Разведупра.

Но на свободе и тот, и другой оставались недолго.

Жертвы «чисток», они были расстреляны в 1937 году.

Непредсказуемо сложились последние годы жизни Яна Карловича Берзина.

В августе 1936-го его отозвали с Дальнего Востока и направили как «генерала Гришина» главным военным советником в республиканскую Испанию.

О подвигах «генерала Гришина» на Пиренеях ходили легенды, но когда весной 1937 его вновь отозвали в Москву, то он приготовился к худшему. В тот период уже ни для кого не являлось секретом, чем обычно оборачиваются такие отзывы из зарубежных командировок.

Но произошло невероятное!

Ему вручили орден Ленина, объявили о присвоении звания армейского комиссара второго ранга и вновь назначили на должность начальника Разведупра!

3 июня 1937 года он принял дела у отстраненного от работы Урицкого и опять занял свой кабинет.

А 3 декабря арестовали его самого. Далее – следствие, скорый суд, приговор, который был приведен в исполнение в июле 1938 года.

Что касается провала в Копенгагене, то он не забыт до сих пор и вошел в историю разведки под названием «совещание резидентов», как хрестоматийный пример вопиющей халатности и пренебрежения элементарными правилами конспирации.

Глава 2 Испанский полигон

В январе 1936 года в Испании был создан «Народный фронт» - широкая коалиция левых и демократических сил.

На выборах в феврале Народный фронт получил парламентское большинство.

Однако 18 июля против Республики, ее законного правительства восстали войска генерала Франко, к которым вскоре присоединились германские, итальянские и португальские военнослужащие, а также несколько тысяч «коричневых» добровольцев из Венгрии, Румынии, Финляндии, Ирландии и ряда других стран.

Советский Союз заявил о готовности «подставить плечо» республиканской Испании.

В испанские порты начали прибывать советские вооружения, а также военные советники и добровольцы.

Особую группу составляли направляемые на Пиренейский полуостров сотрудники советских спецслужб.

Знаток и непосредственный участник событий тех лет, маэстро секретных операций П.Судоплатов писал позднее:

«В Испанию мы направляли как своих молодых, неопытных оперативников, так и опытных инструкторов-профессионалов. Эта страна сделалась своего рода полигоном, где опробовались и отрабатывались наши будущие военные и разведывательные операции. Многие из последующих ходов советской разведки опирались на установленные в Испании контакты и на те выводы, которые мы сумели сделать из своего испанского опыта».

Одним из первых по линии спецслужб в Испанию прибыл майор госбезопасности Александр Орлов, он же Лев Никольский, он же Лейба Фельдбин («Швед», «Лева»). Опыта ведения закулисных акций этому сотруднику ОГПУ – НКВД было не занимать. Он работал в Париже, в Лондоне (главный оператор агента Кима Филби), в Риме, в Эстонии и Швеции, руководил экономической разведкой в центральном аппарате родного ведомства, где слыл удачливым и перспективным нелегалом.

Однако в Испанию он попал не столько «по зову сердца», как в силу стечения обстоятельств.

В августе 36-го его любовница, молодая сотрудница НКВД Галина Войтова застрелилась после их разрыва прямо перед зданием Лубянки.

Орлову-Никольскому грозили большие неприятности по партийной линии, но его выручил начальник Иностранного отдела (ИНО) Главного управления госбезопасности НКВД Абрам Слуцкий, связанный со «Шведом» узами старой дружбы. Воспользовавшись периодом «междоцарствия», когда кресло под главой «конторы» Ягодой уже тряслось, а выдвиженец Ежов еще только готовился к своему карьерному взлету, Слуцкий предложил кандидатуру Орлова на пост резидента в Испании, и это назначение прошло без сучка и задоринки.

Уже в сентябре 1936-го «Швед» прибыл в Мадрид под прикрытием должности атташе по политическим вопросам. В действительности ему предстояло выполнять функции не только резидента НКВД, но и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве.

Учитывая масштабность задач, ему дали в помощь двух заместителей.

Одним из них был майор госбезопасности Наум Эйтингон («Том», «Пьер»), получивший в Испании известность как «генерал Котов». Он отвечал за ведение партизанских операций в тылу франкистов и за внедрение нашей агентуры в верхушку фашистского движения.

Второй заместитель - старший лейтенант ГБ Наум Белкин («Кади», «Марков») к моменту описываемых событий объехал едва ли не всю планету.

Свободно владея испанским, французским, английским и арабским, он выполнял секретные поручения в Болгарии, Югославии, Германии, Уругвае, Саудовской Аравии, Йемене и Ираке.

В Испании перед ним поставили задачу координировать совместную деятельность с представителями испанского МИДа, а также руководить особыми отделами республиканской армии.

Как видим, руководящее ядро резидентуры состояло из крепких профессионалов, для которых практически не существовало языкового барьера. Последнее обстоятельство имело особое значение, поскольку в Испанию начали прибывать добровольцы-интернационалисты из различных стран мира.

16 октября Александр Орлов получил из Центра шифровку за подписью «Иван Васильевич».

Шифровка начиналась фразой: «Передаю вам личное распоряжение Хозяина»

Особый пункт гласил: «Если испанцы потребуют от вас расписки, откажитесь, повторяю, откажитесь подписывать какой бы то ни было документ, и объясните, что формальная расписка будет выдана Государственным банком в Москве».

Псевдоним «Иван Васильевич» принадлежал новому наркому Ежову, вступившему в должность буквально накануне отъезда Орлова.

Речь шла о золотом запасе Национального банка страны, который лидеры республиканской Испании ввиду угрозы захвата Мадрида мятежниками решили передать на хранение в Москву.

В Советский Союз предполагалось отправить желтого металла на сумму 518млн. долларов в виде золотых слитков, брусков и редких монет.

Общий вес драгоценного металла, предназначенного к перевозке, составлял более 510 тонн. Эту массу упаковали в 7800 ящиков стандартного размера по 65кг золота в каждом.

Просьба испанцев была встречена в Москве с пониманием.

Орлов энергично взялся за дело, не зная того, что шифровку перехватили агенты адмирала Канариса.

20 октября, как только было получено известие о согласии советской стороны, испанцы приступили к перевозке золота из Мадрида на побережье, в Картахену - главную базу испанского флота на Средиземном море.

В огромной горе, нависающей над портом, имелась гигантская пещера, где еще в старину были оборудованы пороховые склады.

Именно в эту пещеру, по серпантинной горной дороге доставили ящики с золотом.

Охрану ценного груза несли самые надежные агенты Орлова, имевшие приказ при малейшем подозрении открывать огонь на поражение.

Все подходы к пещере контролировали испанские подводники.

Чтобы пресечь волну слухов, в местных газетах опубликовали заметку, будто в пещере устроен лазарет для доставляемых с фронта больных дизентерией.

Золото в целях безопасности решено было распределить по четырем советским судам, которые уже стояли в порту: «Нева», «Кубань», «КИМ» и «Волголес».

Испанские военные корабли охраняли подступы к причалам с моря.

Но сначала требовалось перевезти ценный груз из пещеры в порт, что было совсем непростой задачей.

К тому времени франкистская авиация почти непрерывно бомбила порт и подъездные пути к нему.

Надо полагать, немцы поделились с Франко перехваченной информацией.

Да и среди ответственных работников военно-морской базы могли оказаться предатели.

Орлов предложил перевозить золото в темное время суток на грузовиках с погашенными фарами.

Чтобы не сорваться с узкого горного серпантина вниз, от водителей требовалось исключительное мастерство и хладнокровие.

Орлов привлек к этой рискованной акции два десятка наших танкистов-добровольцев, переодетых в испанскую военную форму.

За три ночи смельчаки перевезли без потерь все 7800 ящиков, которые сразу же перегружались на суда.

Советские суда, на каждом из которых находился представитель Национального банка Испании, уходили из Картахены с суточным интервалом.

Уже позднее выяснилось, что спецслужбы Третьего рейха, а также Англии, Франции и Италии непрерывно вели наблюдение за «золотым караваном» не только с воздуха и с моря, но даже из-под воды.

Известно, в частности, что при прохождении советских судов мимо Сицилии, на этот остров были переброшены итальянские подводные диверсанты князя Боргезе.

И все же никто из охотников не рискнул перехватить испанское золото.

Так или иначе, все четыре наших судна благополучно прибыли в Одессу.

С декабря 1936 года Орлов и его команда занимались организацией контрразведывательной службы республиканцев – СИМ, создавали диверсионные школы для подготовки партизанских групп, нацеленных на работу в тылу противника, разоблачали франкистскую агентуру в рядах защитников Республики.

Периодически Орлов выезжал в небольшой французский пограничный городок, где встречался с Кимом Филби, который по заданию нашей разведки работал «по ту сторону баррикад», сначала в качестве «свободного» журналиста, аккредитованного при штаб-квартире генерала Франко, затем спецкора популярной газеты «Таймс».

Игра в «попутчика фашистов» получалась у Филби столь искусной, что Франко наградил его орденом, который вручил лично.

Вращаясь в ближайшем окружении диктатора, Филби собирал важную оперативную информацию, которая представляла значительный интерес для республиканского командования.

В какой-то момент возникла идея организовать при участии англичанина покушение на Франко, но от нее благоразумно отказались.

Эйтингону, в свою очередь, удалось привлечь к сотрудничеству ряд функционеров из стана противника, включая племянника главы испанских фалангистов Антонио Примо де Риверы. Этот источник информировал нашу разведку о контактах франкистов с немцами и итальянцами, сообщал о сроках прибытия на Пиренеи новых германских самолетов, итальянских дивизий, португальских военнослужащих, а также передавал копии с личной переписки Муссолини и Гитлера и стенограмм совещаний, посвященных военной теме.

Как уже отмечалось, в Испанию стекались добровольцы со всех уголков планеты.

Резидент Орлов и его помощники контролировали этот контингент, выбирали подходящие для оперативной работы кадры и вербовали их.

В сентябре 1936 из Буэнос-Айреса через Антверпен в Испанию прибыл по путевке ЦК КП Аргентины молодой интернационалист Иосиф Григулевич, выходец из немногочисленного народа караимов.

Он родился в Вильно, окончил местную гимназию.

С юношеских лет связав свою судьбу с революционной борьбой, Иосиф вынужден был бежать в Париж, оттуда в Аргентину, где в совершенстве овладел испанским.

В Испании он воевал в самой боеспособной части Республиканской армии – легендарном Пятом полку, позднее стал помощником начштаба Центрального фронта.

Здесь-то на крепко сбитого, выносливого, сообразительного добровольца и обратил внимание «Швед».

К участию Григулевича в секретных операциях в Испании мы еще вернемся.

В конце сентября 1937 года на Пиренейском полуострове появился еще один ас советской внешней разведки.

Речь идет о бывшем белом генерале, эмигранте Николае Скоблине («Фермере»), завербованном ОГПУ в 1930 году в Париже. Завербован была и его жена, известная певица Надежда Плевицкая. Последняя операция Скоблина – участие в похищении председателя РОВС, генерала Миллера – прошла успешно, но сам «Фермер» был разоблачен и спасся, лишь благодаря своей находчивости.

Агенту удалось добраться до юга Франции, откуда зафрахтованный Орловым самолет, доставил его в Барселону.

Скоблину поручили организацию диверсионных групп, но развернуться тот не успел, ввиду своей гибели при одной из бомбардировок Барселоны.

Помимо НКВД, в Испании действовала советская военная разведка.

Практически одновременно с Орловым на Пиренейский полуостров прибыл в качестве главного военного советника «генерал Гришин», он же Ян Берзин, недавний руководитель Разведупра РККА, разработчик многих хрестоматийных секретных операций.

В феврале 35-го Берзин оказался в опале. Его сняли с должности и отправили в «почетную ссылку» на Дальний Восток.

Но в августе 36-го срочно вызвали в Москву и предложили ехать в Испанию. Это назначение он прогнозировал и охотно принял его.

Прибыв на место, Берзин установил доверительные, деловые отношения с руководителями республики, включая главу правительства Ларго Кабальеро и министра обороны.

В подчинении Берзина оказались, с одной стороны, наши военные советники, многие из которых впоследствии прославились как видные полководцы – Малиновский, Мерецков, Воронов. С другой стороны, в его ведении находились асы подрывной войны, «диверсанты от бога», такие как Хаджи Мамсуров («полковник Ксанти»), Илья Старинов («Рудольфо»), Василий Троян и другие.

34-летний майор советской военной разведки Хаджи-Умар Мамсуров, высокий, широкоплечий, с осиной талией и белозубой улыбкой, по национальности был осетином, но здесь, на Пиренеях, одни принимали его за испанца, другие – за баска.

О его подвигах ходили легенды.

Рассказывали, что он собрал самых отчаянных «геррильерос» (партизан), и сформировал из них мобильные диверсионные группы, которые периодически пересекали линию фронта. Они взрывали артиллерийские склады и самолёты, линии коммуникации и мосты; пускали под откос поезд с военной техникой и живой силой противника, а затем возвращались обратно, нередко с потерями.

Познакомившийся с Мамсуровым при посредничестве Михаила Кольцова американский писатель Эрнест Хемингуэй напросился однажды принять личное участие в одной из диверсионных вылазок.

Через некоторое время, в марте 1937-го, Хемингуэя привезли в учебно-тренировочный лагерь «геррильерос», провели с ним необходимый инструктаж.

И вот, наконец, с группой в составе десяти партизан он отправился за линию фронта.

Каждый боец нёс на себе 20-килограммовый рюкзак с брусками взрывчатки, но писателя всё же освободили от подобной ноши, иначе он просто не дошёл бы до места.

Единственным диверсантом в группе, кто немного говорил по-английски, был выходец из русских эмигрантов. Он назвал писателю свою подлинную фамилию – Савинков, добавив, что его отцом был известный русский террорист.

Так Хемингуэй открыл для себя, то за Республику сражаются разные русские: не только «красные», но и те, кого относили к их идеологическим противникам.

(Справедливости ради, следует уточнить, что немало белоэмигрантов воевало на стороне Франко.)

Группа выполнила задание, пустив под откос поезд с боеприпасами, при этом Хемингуэй сделал несколько фотоснимков.

Учитывая, что писатель держался молодцом, Ксанти разрешил ему принять участие ещё в одной операции.

На этот раз «геррильерос» взорвали стратегически важный мост в горах.

Именно этот эпизод помог Хемингуэю организовать весь собранный им испанский материал и найти основную сюжетную линию задуманного романа, получившего название «По ком звонит колокол».

Илья Старинов прибыл в Испанию в качестве советского военного советника осенью 1936года, и вскоре прославился как «камарада Рудольфо».

Старинов учил своих испанских подопечных не только установлению серийных мин, но и принципам изготовления мин-самodelок из подручных материалов, устройству хитроумных ловушек, смекалке и наблюдательности.

Одна из самых громких его акций была проведена в феврале 1937 года.

Накануне стало известно, что франкисты ожидают подкрепления в составе итальянских частей, которые должны были прибыть поездом на важный железнодорожный узел Кордова.

Последовал приказ пустить эшелон под откос.

Дело, однако, осложнялось тем, что никто из группы Старинова не ориентировался в этой местности.

Тогда партизаны захватили двух франкистских солдат, несших охрану железнодорожных путей.

«Языки» вывели партизан к неохраняемому участку полотна, проходившего по краю глубокого оврага с крутыми откосами.

Едва партизаны заложили взрывчатку, как вдали показались огни локомотива.

Через несколько минут прогремел мощный взрыв.

В этом крушении полностью погиб личный состав штаба итальянской авиадивизии.

Еще через неделю бойцы «Рудольфо» пустили под откос эшелон с марокканской кавалерией, а, спустя какое-то время, состав с боеприпасами под Монторо.

Франкисты паниковали, теряясь в догадках, где ждать следующего удара. Они выделяли для охраны железных дорог все больше солдат, устанавливали круглосуточные посты на наиболее опасных участках, постоянно вели поиск минных устройств, но взрывы все равно продолжали греметь.

Зато в республиканском лагере имя неуловимого «великого диверсанта» обрастало легендами.

Встретиться с ним стремились журналисты из многих популярных изданий, аккредитованных в Испании, благодаря которым советский разведчик вскоре получил мировую известность, правда, под именем «Рудольфо».

На линии Сарагоса – Лерида эффективно действовали группы диверсантов, подготовленные Василием Трояном. Они нападали на штабы, склады, прочие военные объекты, разрушали линии связи. Применяя мины замедленного и мгновенного действия, сбрасывали под откос поезд, разрушали дороги. Особенно успешными были диверсии в горах: если взрыв не уничтожал машину, то она под действием взрывной волны все равно падала в пропасть.

Между тем, республиканские спецслужбы Испании при поддержке «камарада русо» переключались на борьбу с внутренним врагом.

К этой категории причислялись троцкисты, анархисты, а также лидеры Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ), которые, хоть и сражались отважно против Франко, но громко заявляли о своем нежелании «плясать под дудку Москвы».

Для выжигания «скверны» Орлов создал мобильные диверсионные группы, куда вошел и «Мигель».

В ту пору Григулевич искренне верил, что Троцкий и его последователи сознательно вредят единству мирового коммунистического движения, клеветают на Советский Союз, сотрудничают с полицией и фашистами.

Они были врагами, а врагов надо уничтожать.

Именно группа Григулевича совершила самую громкую акцию возмездия, фигурирующую в архивах НКВД как операция «Николай».

Суть в том, что в мае 1937 года по обвинению в связях с франкистами был арестован лидер ПОУМ Андрес Нин.

Республиканские власти готовили показательный процесс, который, однако, мог провалиться, ибо обвинение было шито белыми нитками, а сам Нин твердо заявлял о своей невиновности.

20 июня диверсионная группа Григулевича выкрала Нина из тюрьмы, после чего тот был убит.

В составе группы боевиков находились также немецкие антифашисты, бойцы диверсионного партизанского отряда.

Участие немцев в этой акции должно было подтвердить версию Орлова о причастности немецких спецслужб к похищению Нина, якобы своего агента, из республиканской тюрьмы.

Вместе с тем, скандал, связанный с мнимым побегом Нина, так и не был окончательно урегулирован.

И вообще, республиканское правительство крайне болезненно отреагировало на этот инцидент.

Тем не менее, вслед за Нином были похищены и казнены многие другие видные троцкисты и анархисты.

В июле 1938 года Орлов должен был встретиться в Антверпене с руководителем внешней разведки Сергеем Шпигельглазом («Дугласом»).

Однако «Дуглас», находившийся на борту советского парохода «Свирь», поостерегся сойти на бельгийский берег, подозревая, что его могут задержать местные спецслужбы. Он предложил «Шведу» подняться на борт «Свири».

Орлов, в свою очередь, сделал вывод, что randevu на пароходе подстроено, чтобы захватить его и арестовать.

Не желая угодить в жернова «большой чистки», Орлов скрылся в неизвестном направлении, прихватив из кассы резидентуры 60 тыс. долларов.

Он дал о себе знать лишь в ноябре, прислав из Америки письмо на имя Сталина и Ежова, в котором излагал мотивы своего поступка. Он клялся, что не выдаст ни одной из известных ему тайн, при условии, что «охотники за головами» оставят в покое и его самого, и его родственников, остававшихся в Москве.

Похоже, условия Орлова были приняты, поскольку дальнейший розыск беглеца был прекращен.

Еще до побега «Шведа» на родину отзывали многих наших разведчиков.

Весной 1937 года неожиданно отзывали Берзина.

В Москве ему вручили орден Ленина и вновь назначили его на должность начальника Разведупра.

Но уже в декабре последовал новый арест, а 29 июля 38-го жизнь видного организатора военной разведки оборвалась.

В течение 1937 года отзывали «великих диверсантов» - Мамсурова и Старинова. Впоследствии оба участвовали в советско-финской войне.

Сразу же после побега Орлова один из его заместителей Н.Белкин был отозван в СССР и уволен из органов «за невозможностью дальнейшего использования». Лишь в ноябре 1941-го он был восстановлен в кадрах НКВД.

Иначе сложилась судьба Эйтингона. Именно он, «генерал Котов», возглавил «осиротевшую» резидентуру.

После поражения республиканцев «Котов» руководил эвакуацией советских специалистов и добровольцев из Испании в СССР, затем перебрался во Францию, где восстановил остатки испанской агентурной сети НКВД.

В органах он дослужился до звания генерал-майора (1945), был награжден многими высокими орденами.

Неприятности для него начались лишь в 1951 году, когда он, как и многие другие чекисты-евреи, был арестован по так называемому делу о сионистском заговоре в МГБ. Но это отдельная история.

Глава 3 Гвардеец императора

Практика похищения неугодных лиц за рубежом родилась гораздо раньше КГБ или ЦРУ. В частности, подобные операции в Западной Европе проводились еще по распоряжению Петра I, причем русские разведчики действовали в контакте с платными агентами-иностранцами.

Осенью 1716 года капитан гвардейского Преображенского полка Александр Румянцев получил от царя задание прибыть инкогнито со своей командой в вольный город Гамбург и встретиться там с немцем Фридрихом Биттингером, люди которого следили за перемещениями Андрея Войнаровского, племянника и наследника покойного гетмана Мазепы.

Используя собранные немцем сведения, Румянцеву надлежало тайно похитить строптивого эмигранта и спрятать его в русском посольстве, а затем доставить в Петербург.

ВЫБОРЫ ГЕТМАНА

Отсчет этой истории следует вести от 20 октября 1709 года, когда в Варнице под Бендерами, находившимися тогда под властью турецкого пашы, умер опальный гетман Иван Мазепа.

Безостановочное бегство с поля Полтавской битвы, как и крушение всех планов, стало слишком тяжким испытанием для «старой, ношенной птицы».

Он почти сразу же слег и более уже не поднимался с постели.

Впрочем, по одной из версий, 70-летний беглец принял яд, опасаясь, что коварный паша рано или поздно выдаст его Петру.

Так или иначе, умер Мазепа в окружении той части казацкой старшины и запорожцев, что сохранили ему верность до конца.

Несмотря на царскую погоню, Мазепа сумел вывезти все символы гетманской власти, а также часть войсковой казны, как и своего личного состояния, одного из самых крупных на Украине.

Вскоре после похорон началась подготовка к выборам нового гетмана – теперь уже на чужбине.

Реальных кандидатов было два: генеральный писарь Филипп Орлик, находившийся рядом с Мазепой все последние годы, наиболее близкий ему соратник, его правая рука; и Андрей Войнаровский – сын сестры бездетного гетмана, его любимец.

Казаки собирались голосовать за Орлика.

Войнаровский насторожил их тем, что единолично завладел на правах наследника даже гетманской казной, представив дело так, будто речь шла исключительно о личном имуществе его дядюшки.

Арбитром в споре мог выступить Карл XII, король-беглец, остатки войска которого стояли лагерем тут же, под Бендерами.

Казаки пожаловались ему, что наследник присвоил себе даже гетманские клейноды, парадные сабли, отделанные золотом и бриллиантами, драгоценный письменный прибор и много чего другого, что являлось казенной собственностью.

Карл XII, в конечном итоге, не возражал против кандидатуры Орлика, но, вместе с тем, признал законными права Войнаровского на владение всем имуществом своего дяди.

Ларчик открывался просто.

Обанкротившийся, остро нуждавшийся в деньгах Карл рассчитывал, поддержав претензии Войнаровского, занять у него крупную сумму, причем, как у частного лица.

Войнаровский, отлично понимавший, что гетманская булава в данной ситуации сулит ее обладателю больше хлопот, чем привилегий, был не в обиде.

5 апреля 1710 года на всеобщей раде под Бендерами гетманом Правобережной Украины был избран Филипп Орлик.

А Карл XII получил от Войнаровского кругленькую сумму в талерах под шесть процентов годовых.

В свою очередь, Войнаровский удостоился чина полковника шведской армии.

СТРОПТИВЫЙ ЭМИГРАНТ

Весной 1711 года Орлик в союзе с татарами выступил в Правобережную Украину, дойдя до

Белой Церкви и Фастова.

Но татары увлеклись грабежом мирного населения, и альянс распался, после чего Орлик вынужден был отступить.

Новые надежды в сердцах украинской эмиграции пробудила неудача Прутского похода Петра.

Последние иллюзии рухнули в апреле 1714 года, когда Польша и Порта заключили договор, по которому Правобережная Украина признавалась составной частью Речи Посполитой.

Лишенный каких-либо финансовых ресурсов, растерявший постепенно последних союзников, Орлик остался, что называется, не у дел.

Между тем, Войнаровский жил на широкую ногу, разъезжал по Западной Европе, посещал великосветские салоны и дипломатические приемы, а также любимые им игорные заведения.

Не забывая о своем статусе изгнанника, он при каждом удобном случае прибегал к анти-российской риторике, притом, что всегда находил сочувствующих собеседников. В ту пору в Европе тоже хватало недовольных продвижением России к западу.

Призывы Войнаровского вроде бы не представляли реальной опасности для российских интересов, но царь вдруг узрел в этом человеке образ второго Мазепы, и его участь была предопределена.

И все же «достать» смутьяна в Швеции, где тот обосновался на какое-то время, было невозможно.

Но вот стало известно, что Войнаровский перебрался в Гамбург, возобновив, по слухам, прерванный когда-то роман с графиней Авророй Кенигсмарк, бывшей фавориткой саксонского курфюрста Августа Сильного.

В ее салоне обходительный и богатый шляхтич встречался с английским посланником Матесоном, с представителями других западных монархий, призывая тех оказать помощь украинскому казачеству в деле освобождения от московского ига.

А тем временем гвардии капитан Румянцев получил секретное задание.

РУССКИЙ ДАРТАНЬЯН

Свою военную карьеру Александр Румянцев, выходец из обедневшего дворянского рода, начинал в Преображенском полку, участвовал в его составе во многих сражениях, отличился в Полтавской битве. Позднее, едва ли не следуя по стопам Меншикова, он стал царским денщиком-адъютантом.

В тот период вопросами государственной безопасности державы ведал Преображенский приказ, учрежденный царем в 1695 году. Еще через семь лет этот орган центрального управления получил особые права, ставившие его над всеми другими приказами.

Бессменным главой Преображенского приказа был князь Ф.Ю.Ромодановский, о жестокости которого ходили легенды. Он же командовал Преображенским полком.

Штат приказа сам по себе был невелик: два дьяка да неполный десяток подьячих.

Однако в случае необходимости – для ведения розыска, производства ареста, для охраны, курьерской связи и т.д. – привлекались гвардейцы из Преображенского и Семеновского полков.

Отличившихся брали на особую заметку.

Так постепенно формировался костяк спецслужбы, всё чаще выполнявшей функции разведки и контрразведки.

Румянцев весьма быстро выдвинулся в число наиболее доверенных лиц.

Как правило, он получал распоряжения лично от императора и давал отчет только ему.

Высокий, статный, ловкий, бесстрашный, отличный наездник и фехтовальщик, этот красавец-гвардеец отличался также смекалкой и находчивостью, не лез, что называется, за словом в карман, пользовался благосклонным вниманием, как знатных дам, так и бойких служанок.

А его знание иностранных языков позволяло ему чувствовать себя за границей, словно рыба в воде.

Пройдя все нижние ступени служебной лестницы, он довольно быстро дорос до капитана, по-прежнему оставаясь легким на подъем.

Получив очередной императорский наказ, в любой час дня или ночи, Румянцев немедленно отправлялся в путь, меняя лошадей, кареты и корабли, и всегда поспевая вовремя.

При себе он имел царскую грамоту, по которой ему, «доносителю сего», по первому же требованию обязаны были помогать «господа генералы, штаб- и обер-офицеры».

Историк Н.Эйдельман назвал его «русским д`Артаньяном», отметив, правда, ту разницу, что А.Румянцев с улыбкой брался даже за те поручения, где гасконец, вероятнее всего, предпочел бы сломать свою шпагу.

ПОХИЩЕНИЕ В ГАМБУРГЕ

Вечером 11 октября 1716 года А.Войнаровский вышел из особняка, занимаемого графиней Кенигсмарк.

Как всегда, у парадного подъезда выстроилась длинная вереница карет; то тут, то там группами стояли слуги, поджидавшие своих господ. Торопились куда-то поздние прохожие. Обычная городская суета

Войнаровский уже поставил ногу на подножку своей кареты, когда вдруг почувствовал острый клинок у ребра.

Насмешливый голос негромко произнес по-русски:

«Вы, кажется, перепутали кареты, мой господин! Вам следует сесть в ту, что стоит дальше! И не вздумайте шуметь, вокруг мои люди».

Войнаровский все же огляделся.

Около дюжины крепких мужчин, выдававших себя за прохожих и слуг, сходились к карете тесным полукругом.

Ему не оставалось ничего другого, как подчиниться силе.

В карете с занавешенными окошками, в сопровождении всадников, пленника доставили в русское посольство, где поместили в изолированную комнату.

Что ж, гвардейский капитан, с его группой захвата, в точности исполнил царское поручение.

Всё было проделано столь четко, что случайных свидетелей этого похищения так и не нашлось.

Оставалось лишь дожидаться приезда самого императора, который вместе с супругой должен был прибыть в Гамбург в ближайшие дни. Официально – дабы Екатерина разрешилась здесь от бремени.

Исчезновение Войнаровского наделало много шума не только в Гамбурге, но и в других столицах просвещенной Европе.

Впрочем, тайна сохранялась недолго.

Несложно было догадаться, кому именно потребовался знатный малороссийский эмигрант.

Среди охраны русского посольства тоже нашлись люди, падкие на деньги. Более того, Войнаровский сумел переслать жене письмо, в котором описал свои злоключения.

Разгорелся громкий международный скандал.

Швеция потребовала немедленно освободить пленника, напоминая, что он является полковником шведской армии.

С резкими заявлениями выступили дипломаты многих европейских государств.

Новость с соответствующими комментариями попала на первые страницы ведущих западных газет.

Власти Гамбурга, хотя и в мягкой форме, настаивали на незамедлительной встрече их представителя с Войнаровским.

В этой ситуации тайный вывоз узника в Россию был абсолютно нереален.

Но очень уж хотелось Петру навсегда избавиться от призрака «второго Мазепы»!

Он дал поручение графу П.Толстому и А.Румянцеву склонить пленника к заявлению, что тот добровольно передает себя в руки царя и готов выехать в Россию. Дескать, он вовсе не хочет, чтобы его упрямство стало поводом для новой войны в Европе, ведь русские войска стоят совсем рядом – в Мекленбурге!

Одновременно гофмейстрина царицы встретила с Авророй Кенигсмарк, заверил ту, что царь предоставит Войнаровскому право жить в любом городе Европы, но лишь после его посещения России.

Около двух месяцев продолжалась война нервов.

И вот 5 декабря Войнаровский заявил о своем согласии ехать в Россию.

Румянцев сопровождал его со своими людьми до самого Петербурга.

Исключая родных и друзей, в Европе быстро забыли о блестящем украинском аристократе.

Он же, просидев почти семь лет в Петропавловской крепости, был сослан в Якутск, где и находился до самой смерти, последовавшей в 1740 году.

Русский поэт-декабрист Кондратий Рылеев написал в его честь героическую поэму «Войнаровский».

ОХОТА НА ЦАРЕВИЧА

В то самое время, когда Румянцев, прикидываясь карточным игроком, только еще выслеживал Войнаровского, император терзался иной болью – судьбой своего сына Алексея.

Еще в конце лета 1716 года Петр, надолго выехавший в Европу, отослал царевичу письмо, требуя, чтобы тот дал безотлагательный ответ на давний вопрос. Либо Алексей соглашается во всем быть помощником отцу, и тогда должен выехать без промедления в Копенгаген, либо пусть уходит в монастырь!

Алексей выбрал первое, получил деньги на проезд, но по пути исчез.

Едва узнав об этом, взбешенный Петр догадался, что Алексей попросил политического убежища у кого-то из западных монархов, скорее всего, у германского императора Карла VI. Ведь они как-никак родственники: покойная уже жена Алексея была сестрой супруги Карла.

Так и не дождавшись весточки от сына, Петр в марте следующего, 1717 года, написал письмо Румянцеву, который в тот момент находился в Вене в качестве резидента.

Петр наказывал ему, не считаясь ни с какими тратами, разыскать тайное убежище царевича.

А также, узнать, кто помогал, кто научил. Не мог же Алексей безо всякой подготовки решиться на столь безумный поступок!

Здраво рассудив, гвардии капитан начал поиск с Австрии. Его люди, как и он сам, перемещались по всей стране, подкупая чиновников, военных, извозчиков, торговцев

Наконец, Румянцев выяснил, что царевич содержался под усиленным караулом в тирольском замке Эренберг, но затем был вывезен тайно в Неаполь.

Проследовав в этот город и подкупив там немало чиновников и слуг, капитан получил доказательства, что царевич по-прежнему обитает вместе с Ефросиньей в местном замке, и только после этого сообщил о своих наблюдениях царю.

Петр приказал ему и впредь находиться в Неаполе, инкогнито, и тайно следить за всеми перемещениями царевича.

Теперь настал черед дипломатических маневров.

В Неаполь прибыл граф Петр Толстой.

Наконец, император Карл согласился на встречу посланцев русского монарха с Алексеем Петровичем.

Характерно, что, увидев рядом с Толстым Румянцева, царевич Алексей пришел в ужас, уверенный, что гвардеец отца вот-вот выхватит кинжал.

Надо полагать, Алексею Петровичу хорошо была известна и решимость бравого капитана, и его неизменная преданность отцу.

Но страхи оказались преждевременными.

Царевич решительно отказывался от возвращения в Россию.

Толстой и Румянцев долго еще оставались в Неаполе, согласованно плетя вокруг беглеца паутину интриг, оказывая на него давление уговорами и угрозами, подкупая всех, включая вице-короля Неаполя.

Щедрыми подарками они переманили на свою сторону Ефросинью, имевшую громадное влияние на царевича. Им удалось также подкупить высокопоставленного офицера королевского двора. Тот «по секрету» шепнул Алексею, что теперь, когда его убежище раскрыто, он стал обузой для властей, и те, мол, готовятся тайно передать его отцу.

В этой выдумке все же была немалая доля истины. Карл взял Алексея под защиту не только и не столько из родственных чувств либо по доброте душевной, а с дальним прицелом, рассчитывая влиять на него, как на царя, позднее, после смерти Петра. Но уже было очевидно, что эти планы лопнули, как мыльный пузырь.

В конце концов, Алексей согласился вернуться домой.

Капитан со своими людьми сопровождал его до Москвы, где царевич отрекся от наследования, а затем и до самого Петербурга.

ЗАГАДОЧНОЕ ПИСЬМО

О трагической судьбе царевича Алексея Петровича известно хорошо.

Уместно напомнить лишь о той роли, которую сыграл в ней гвардии капитан Румянцев.

24 июня 1718 года верховный суд в составе 127 человек приговорил царевича к смертной казни.

Под приговором отсутствовала лишь подпись фельдмаршала Шереметева, который якобы заявил: «Рожден служить своему государю, а не кровь его судить».

Первой поставил свою подпись Меншиков, девятым – П. Толстой, подпись Румянцева значилась на 43-ем месте.

А тем временем по Петербургу поползли слухи, что казнь не состоится, что царь, дескать, помилует сына и отправит его в монастырь.

Но уже 26-го июня стало известно о скоропостижной смерти царевича от апоплексического удара.

Ни один петербуржец не верил официальной версии.

Несмотря на опасность угодить в руки палача, люди собирались в различных частях города, то здесь, то там звучали крамольные речи, дескать, царевич убит по повелению отца, имя которого склонялось при этом на все лады.

И вот что показательно: среди тех, кого народная молва нарекала тайными убийцами, чаще других фигурировало имя капитана Румянцева.

Из этого следует, по крайней мере, что гвардеец императора пользовался в Петербурге тех лет весьма широкой известностью даже среди городских низов.

Версия о причастности капитана к смерти Алексея Петровича нашла неожиданное подтверждение много лет спустя, в 1858 году, когда в «Полярной звезде» Герцена вышло «Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу».

Письмо это датировано 27 июля 1718 года, то есть, через месяц после смерти царевича.

Позднее оно ходило в многочисленных списках и копиях среди образованной публики.

В нем Румянцев рассказывает, как после суда, уже в первом часу ночи, он был срочно вызван к царю, где находились также Екатерина, архимандрит Феодосий, П. Толстой и Ушаков, а вскоре прибыл и Бутурлин.

Петр заявил, что не может предать сына публичной казни, но дело, мол, надо довести до конца естественным путем.

Далее Румянцев подробно описывает, как они вчетвером, - Толстой, Ушаков, Бутурлин и он сам, прибыли глухой ночью к каземату, где содержался осужденный.

Стараясь не шуметь, они удалили из здания всех находившихся там людей.

Затем вчетвером вошли к спящему царевичу.

Коротко посоветовались: убавить ли его во сне либо же разбудить для молитвы?

Разбудили.

Но Алексей, поняв, в чем дело, принялся плакать и кричать, обвинять своего отца.

Тогда они сами воздали молитву за его душу.

Затем повалили царевича на ложе, навалили ему на голову два пуховика и держали его за руки и за ноги до той поры, пока не пресеклось его дыхание

Многие историки считают это письмо более поздней подделкой, но, как известно, дыма без огня не бывает.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что и в деле царевича Алексея капитан Румянцев пользовался полным доверием со стороны Петра.

«ПТЕНЕЦ ГНЕЗДА ПЕТРОВА»

Однажды, собравшись с духом, Румянцев осведомился у своего венценосного патрона, не слишком ли долго он, верный слуга царю, носит капитанские погоны.

Петр ответил, что надо бы потерпеть еще немного. Дескать, пока Румянцев в малых чинах, то ему сподручнее выезжать инкогнито (то есть, нелегалом за границу).

Но после дела царевича Алексея ситуация начинает меняться.

Румянцев, наконец-то, получает чин майора и едет с дипломатической миссией в Лондон, оттуда – послом в Швецию, с которой только что подписан мир.

Посещает неутомимый гвардеец и Малороссию.

После ареста в Петербурге гетмана Павла Полуботка Петру хотелось знать о настроениях среди простых украинцев.

И кому же поручить эту важную миссию, если не Румянцеву, который не соврет и ничего не приукрасит, а доложит в точности, по своему разумению?!

Лишь однажды Румянцев не угодил Петру: когда попросил разрешения жениться.

Расспросив гвардейца подробнее, император заключил, что того толкает к браку не влечение сердца, а приданое невесты.

На это сватовство Петр разрешения не дал, но вскоре подыскал для своего любимца одну из самых знатных и богатых невест – красавицу Марию Андреевну Матвееву, внучку боярина Артамона Матвеева.

Дело сладилось, и вскоре майор Румянцев зажил счастливой семейной жизнью в просторных хоромах.

Однако царская служба требовала новых дальних, причем весьма продолжительных поездок.

За три месяца до рождения своего первенца он отбыл через мятежный Кавказ с особой дипломатической миссией в Персию и Турцию, не зная еще, что эта «командировка» растянется на пять с лишним лет.

Но именно долгое пребывание на далекой чужбине уберегло его от множества бед.

В Стамбуле его ждала депеша, из которой он узнал, что жена благополучно родила сына Петрушу, восприемницей которого стала сама императрица.

Почти следом пришло известие о смерти императора.

Взошедшая на трон Екатерина собиралась отозвать генерала Румянцева в Петербург, да так и не успела.

Новый император Петр II, сын царевича Алексея Петровича, обрушился с репрессиями на гонителей своего отца.

Не уберется даже всемогущий Меншиков.

Тайный советник Петр Толстой был бит кнутами и сослан вместе с сыном на Соловки, где вскоре умер, похоронив перед этим сына.

Многие из судей царевича лишились чинов и привилегий, были разогнаны по деревням.

Находись Румянцев в этот период в Петербурге, не сносить бы и ему головы!

Однако же, вспомнили, наконец, и о нем.

Бирон, фаворит новой правительницы России Анны Иоанновны, приказал посадить генерала Румянцева под арест. За нерасположение к немцам он был лишен чинов и сослан в казанскую деревню.

Но, не иначе, вмешалась небесная покровительница гвардейца.

Он был восстановлен в чине и назначен астраханским, а затем казанским губернатором.

И все же свободнее вздохнул он лишь после того, как на престол взошла Елизавета Петровна, дочь его кумира, которая стала собирать уцелевших «птенцов гнезда Петрова».

Александра Ивановича Румянцева, повысили в генеральском чине, возвели в графское достоинство, сделали членом Сената, пожаловали новыми деревнями

Императрица подарила ему табакерку, украшенную бриллиантами.

По отзывам сослуживцев, он и в генеральском чине обладал «смелством доброго солдата».

«Гвардеец императора» А.И.Румянцев скончался в 1749 году в Москве.

Его сын генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский прославился как выдающийся полководец.

Глава 4 Корифей сыска

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЖЕНЕВЕ

В ночь на 21 ноября 1886 года в тихой Женеве произошло странное происшествие.

Неизвестные злоумышленники взломали дверь одной из типографий и произвели внутри страшный разгром. Они поломали типографские машины, рассыпали готовый набор, уничтожили подготовленную к отправке печатную продукцию, а в завершении вынесли наружу и разбросали по улицам спящего города почти центнер типографского шрифта.

Швейцарской полиции так и не удалось напасть на след загадочных вандалов.

Лишь много позднее стало известно, что эта, на первый взгляд, бессмысленная акция в действительности была тщательно спланированной тайной операцией, подготовленной заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции Российской империи П.И.Рачковским, работавшим под «крышей» советника российского посольства в Париже.

В тот период Россия была буквально наводнена подпольной литературой, издаваемой партией «Народная воля».

Выяснив через свою агентуру, что главная типография народовольцев расположена в Женеве, парижский заведующий разработал план ее ликвидации.

Но тут швейцарский резидент Рачковского ротмистр Гурин сообщил, что двери типографии имеют весьма крепкие запоры, а среди его агентов нет никого, кто сумел бы «распечатать» их, не поднимая излишнего шума.

Однако не сворачивать же операцию из-за такой мелочи!

Рачковский поручил ротмистру найти в Женеве бывалого взломщика.

Вскоре Гурин ответил, что нужный человек отыскался; зовут его Морис Шевалье, и он просит за работу, а также за молчание, 300 франков.

Проблема была улажена, и Рачковский выехал в Женеву, чтобы лично руководить операцией.

Вечером 20 ноября он встретился со своими агентами Гуриным, Милевским, Бинтой и Ландезеном и подробно проинструктировал их. Вскоре к ним присоединился взломщик Шевалье.

Вся Женева уже спала мирным сном.

Мсье Шевалье знал свое дело. Несколько движений отмычкой, и двери распахнулись без скрипа. Агенты вошли внутрь и принялись действовать по инструкции. Благодаря массивным стенам, на улицу не вылетало ни звука.

А затем заведующий Заграничной агентурой и его команда словно бы растворились в ночной тишине.

Как только в Петербурге получили сообщение о разгроме женевской типографии, то министр внутренних дел и шеф жандармов граф Толстой поспешил доложить об этом императору.

Александр III распорядился наградить Рачковского орденом Анны 3-ей степени, присвоить ему звание губернского секретаря и выдать денежное вознаграждение из своего личного фонда.

Между тем, народовольцы довольно быстро восстановили свою типографию и вновь приступили к изданию литературы, «зовущей Русь к топору».

Что ж, Рачковский еще раз собрал команду и вторично разгромил типографию по уже опробованной схеме.

После этого главная типография «Народной воли» прекратила свое существование.

УЧЕНИК «ФАНДОРИНА»

А ведь еще за каких-то семь лет до женевской акции Рачковский подвергся аресту, как подозреваемый в связях с террористами.

И вообще до того времени он занимал весьма незначительные чиновничьи должности, и столь часто менял место работы, что в советское время его непременно называли бы «летуном».

Родившийся в 1851 году (по другим данным – в 1853-м) в дворянской семье почтмейстера, он получил домашнее образование.

Затем служил младшим сортировщиком писем Киевской и Одесской почтовых контор, «чиновником писем» в различных канцеляриях и тому подобное.

В 1877 году его назначили судебным следователем в городе Пинега Архангельской губернии. Он и на этой должности пребывал недолго, однако же, оказался причисленным к министерству юстиции.

В начале 1879 года был домашним воспитателем в семье генерал-майора И.Каханова, одновременно подрабатывал в журнале «Русский еврей». Очевидно, именно по этой причине некоторые историки заговорили о «еврейских корнях» Рачковского. В действительности же, его родители были поляками-католиками, крестившими своих детей по православному обряду.

В марте того же, 1879 года, студент Л.Мирский стрелял в Петербурге в карету нового начальника Третьего отделения и шефа жандармов Дрентельна.

Следствие выявило, что один из знакомых Рачковского укрывал Мирского после покушения.

Рачковский, естественно, был арестован, но к суду не привлекался, поскольку в ходе дознания согласился стать тайным агентом Третьего отделения и внедриться в революционные кружки «Народной воли».

Однако у народовольцев имелся свой агент в Третьем отделении, который волей обстоятельств выявил истинную роль Рачковского.

Казалось бы, тут и конец шпионской карьеры православного шляхтича.

Но судьба распорядилась иначе.

Возвышению Рачковского немало поспособствовал подполковник Г.Судейкин, инспектор Санкт-Петербургского охранного отделения, исторический персонаж, вдохновивший, по одной из версий, писателя Акунина на создание образа Фандорина.

В 1883 году Судейкин взял Рачковского к себе в помощники.

Еще раньше Судейкин, не лишенный наполеоновских замашек, завербовал народовольца С.Дегаева, которого, в конечном итоге, решил использовать в личных целях, для стремительного восхождения по служебной лестнице.

План заключался в том, что Дегаев соберет под тайным контролем Судейкина команду террористов, которые осуществят громкое покушение. В столице, несомненно, начнется паника. В этой обстановке Судейкин арестует рядовых участников убийства, доказав тем самым императорскому двору свое право на особую роль в государственной системе.

Всё было просчитано до мелочей, и только одного не учёл многоопытный Судейкин, а именно: что Дегаев поведет свою игру.

В декабре 1883 года на конспиративной квартире в Петербурге, где Дегаев должен был получить последние инструкции от Судейкина, подполковника ожидал сюрприз.

Его агент находился в помещении не один.

Судейкин даже не успел осмыслить ситуацию, как был убит сообщниками того, кого привык считать «своим человеком».

Дегаев благополучно бежал в Лондон.

Еще раньше в Париж выехала его жена, которая была в курсе всех связей и планов своего мужа.

Вскоре после теракта, в январе 1884 года, Рачковский получил спецзадание: выехать в Париж, скрытно выведать адрес Дегаевой и установить за ней слежку, чтобы таким образом выйти на сбежавшего провокатора.

Дегаеву Рачковский не нашел, поскольку та еще раньше отбыла в Лондон. Однако же тайный агент сумел, оказавшись во французской столице, собрать по собственной инициативе ценную информацию об эмигрантах-народовольцах.

В Петербурге были довольными результатами поездки Рачковского, и уже в марте его назначили заведующим Заграничной агентурой в Париже и Женеве.

Незадолго до этого его предшественник Корвин-Круковский был уволен со службы по обвинению в непрофессионализме, халатности и финансовых махинациях.

ДЕЛО БОМБИСТОВ

Петр Иванович энергично взялся за дело.

Двойной разгром типографии в Женеве – лишь один эпизод из его бурной деятельности.

В отличие от большинства своих коллег, он имел гораздо более широкий взгляд на методы борьбы с «крамолой».

Едва ли не первым из сотрудников имперской охраны он осознал огромное значение «информационных войн».

Не откладывая дела в долгий ящик, Рачковский завязал прочные связи с парижской прессой, завербовал ряд бойких и беспринципных журналистов, которые организовали во французской печати кампанию травли русской революционной эмиграции, рисуя ее в образе кровавого чудовища. Эти «сенсационные» разоблачения влияли на общественное мнение не только Франции, но и других европейских стран.

В этот же период агентура Рачковского выследила в Париже народовольца Л.Тихомирова.

Под влиянием бесед с любезным Петром Ивановичем Тихомиров публично отрекся от прежних идеалов и написал брошюру «Почему я перестал быть революционером», которая распространялась агентами Рачковского по основным европейским столицам.

Но, пожалуй, самой громкой акцией, устроенной русской Заграничной агентурой под руководством Петра Ивановича, стало дело бомбистов.

Находясь на секретной службе, Рачковский понял одну простую вещь: для успешной карьеры требуется периодически раскрывать «громкие» дела.

Ну, а если не предвидится таковых, то надо самому организовать их, идя, если нужно, на разумный риск.

Царь Александр III, хорошо помнивший, как террористы охотились за его отцом, панически боялся новых заговоров.

Разве эта царская слабость не являлась подходящей основой для реализации собственных честолюбивых планов? Разве не этому учил его покойный Судейкин?

Рачковский поручил своему агенту Ландезену создать в Париже группу из реальных террористов-народовольцев, нацелив ее на убийство русского императора.

Вскоре Ландезен выполнил задание. В команду «смертников» вошли князь Накашидзе и его соратники Теплов, Степанов и Кашинцев, а также французские социалисты-пиротехники Анри Виктор и Жан Бинта. Последний являлся тайным агентом французской полиции.

То есть, весь этот спектакль Рачковский готовил в тесном содружестве с французскими коллегами.

Плотно контролируемые террористы поселились на конспиративной квартире в предместье Парижа. Для испытаний своих самодельных бомб они выезжали в лес, находясь при этом в полной уверенности, что царская охранка даже не догадывается об их замысле.

Между тем, Рачковский сообщил в Петербург, что раскрыл международный заговор против русского царя и внедрил в ряды злодеев своего агента.

Информацию, поступавшую от Петра Ивановича, безотлагательно докладывали Александру III, который преисполнился чувства глубокой благодарности по отношению к заведующему Заграничной агентурой.

Бомбисты уже готовились к отъезду в Россию, когда произошло ЧП: при очередном испытании бомбы оторвало ногу Анри Виктору, но сыщики еще успели взять у него показания.

Затягивать спектакль уже не имело смысла, и все заговорщики были схвачены французской полицией. За исключением, разумеется, «своих» - Ландезена и Бинта, которые залегли на дно.

Состоялся громкий судебный процесс, репортажи о котором публиковались на первых страницах французских газет. Бомбисты были приговорены к каторжным работам.

А Рачковский получил очередной орден и крупное денежное вознаграждение.

Но проведенная акция имела еще один, более важный аспект, особенно выгодный французской стороне.

Активное участие французских властей в разоблачении «заговорщиков» существенно изменило отношение Александра III к Франции в целом, настроило его на укрепление российско-французских связей.

А из этого следует, как убеждены многие историки, что Рачковский выступил в этом эпизоде в качестве двойного агента, в интересах Франции, хотел он того или нет.

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ «РЕВИЗОРА»

На рубеже 90-х годов положение Рачковского, как заведующего Заграничной агентурой, было крепким, как никогда.

Во многом по его инициативе сеть Заграничной агентуры значительно расширилась.

В 1889 году было создано подразделение на Балканах, сфера деятельности которого охватывала Австро-Венгрию, Болгарию, Румынию и Сербию, в 1894 появилось «контора» в Галиции, в 1900-м – в Берлине.

Роскошный особняк Рачковского в пригороде Парижа Сен-Клу, где он задавал «лукулловы пиры», стал местом встреч его хозяина с влиятельнейшими политиками и предпринимателями Франции. Бывали здесь и президент Эмиль Лубэ, и министр внутренних дел республики Констан, и другие государственные деятели.

Нежданная смерть Александра III в 1894 году, казалось бы, не могла поколебать позиций Рачковского.

Однако к этому времени в Петербурге у Петра Ивановича образовались не только влиятельные доброжелатели, но и серьезные враги.

Подозревая «заграничного заведующего» в двойной игре и финансовых нарушениях, недруги добились отправки в Париж «ревизора» - отставного жандармского генерала Н.Селиверстова. Но проверка так и не состоялась. В номере парижской гостиницы «ревизор» был застрелен, якобы в отместку за былые грехи, польским эмигрантом, который после этого бесследно исчез.

Поговаривали, что устранение «ревизора» было подстроено Рачковским. Но никакой доказательной базы это утверждение под собой не имеет, притом, что покровители Рачковского в Петербурге сумели замять это дело.

Так или иначе, вопреки проискам своих врагов, продолжавших интриговать против него, Рачковский оставался на плаву и при новом императоре – Николае II.

И кто бы мог подумать, что этот дальновидный слуга режима по собственной воле совершит непростительную ошибку, которая настроит против него императорскую чету!

ЛИОНСКИЙ СТАРЕЦ

Николай II и его супруга, Александра Федоровна, страстно мечтали подарить России сына-наследника. Но судьба посылала им только дочерей. После рождения четвертой по счету девочки Александра Федоровна впала в нервное расстройство, уповав лишь на чудо.

В 1901 году Николай II совершал официальный визит во Францию.

Резиденция высоких русских гостей находилась в Компьене.

Ключевую роль в последующих событиях сыграла герцогиня Лейхтенбергская Анастасия Николаевна, она же принцесса черногорская, она же великая княгиня дома Романовых. Анастасия воспитывалась и долго жила в России, пользовалась доверием со стороны Александры Федоровны. Герцогиня увлекалась мистицизмом и оккультными науками, интересовалась «ясновидцами» и «целителями» из народа.

Именно она поведала императрице о том, что в Лионе обитает необыкновенный старец, ясновидец Филипп Вашо, который способен «уговорить» высшие силы помочь царственным супругам исполнить их мечту.

Императрица тотчас сообщила об этой новости мужу.

И вот уже Рачковский получил указание разыскать старца.

В 1902 году Филипп Вашо прибыл в Петербург по приглашению царя, поручившего старца заботам дворцового коменданта генерал-адъютанта П.Гессе.

Гессе по своим каналам попросил Рачковского собрать достоверные сведения о французском госте.

Тем временем Филипп проводил спиритические сеансы, вызывал дух покойного Александра III, который советовал сыну I поддерживать союз с Францией и готовиться к войне с Японией. Влияние старца на императорскую чету было несомненным.

Через какое-то время в Петербург по служебным делам прибыл Рачковский.

Вместе с отчетами он привез рапорт, где характеризовал Филиппа как шарлатана, лжепровидца, агента масонов, опасного международного авантюриста, задачей которого является втянуть царя с царицей в мистицизм, подчинить их своей воле.

Несмотря на дружеские советы бросить рапорт в камин, Рачковский передал его по назначению.

Более того, он написал письмо на имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны (матери Николая II), где еще резче отозвался о вредном влиянии коварного старца.

Мария Федоровна имела крупный разговор с сыном, попросив удалить от себя Филиппа, при этом она не стала скрывать источника информации.

После этой беседы обычно флегматичный Николай II впал в несвойственное ему бешенство. Он вызвал к себе нового министра внутренних дел В.Плеве и поручил ему разобраться с Рачковским.

В тот же день, 15 октября 1902 года, Рачковский был уволен со службы. Его предупредили также, что в случае поездки во Францию он будет лишен пенсии.

Рачковский уехал в Варшаву, где занимал должность советника по административным и юридическим вопросам при акционерном обществе «Гута Банкова» с окладом 10 тысяч рублей в год. Сохранялась за ним и 7-тысячная полицейская пенсия. Это позволяло ему чувствовать себя вполне обеспеченным человеком.

Лионский же старец, предшественник легендарного Григория Распутина, вернулся на родину в ноябре 1903 года, когда для всех стало очевидным, что его спиритические сеансы дурно отражаются на здоровье императрицы.

В марте 1904 года министр Плеве был убит, несмотря на многочисленную охрану, народольцем Егором Сазоновым. В определенных кругах вскоре распространился слух, не подкрепленный никакими доказательствами, о том, что за этим покушением стоит Рачковский, решивший отомстить своему обидчику.

30 июля (по старому стилю), того же, 1904 года императрица Александра Федоровна, наконец-то, родила, к всеобщему ликованию, сына Алексея. Если руководствоваться логикой, приведенной в предыдущем абзаце, то это «чудо», конечно же, не обошлось без магии лион-

ского старца, который, кстати говоря, почил вечным сном в следующем, 1905-м году, выдавшемся весьма тревожным для России.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

В июне 1905 года о Рачковском, как профессионале высшей категории, снова вспомнили на самом верху.

Отставной заведующий был приглашен к петербургскому генерал-губернатору Д.Трепову, только что назначенному на должность товарища министра внутренних дел.

Трепов принял опального визитера весьма радушно, сообщив тому, что его желает видеть сам государь император.

Аудиенция в Царском Селе состоялась уже на следующий день.

Надо полагать, рождение сына, с одной стороны, и революционные потрясения начала года, с другой, расположили царя к человеку, который мог внести реальный вклад в борьбу со смутой, охватившей страну.

Рачковский получил высокое назначение на должность вице-директора Департамента полиции по политической части, а также денежную компенсацию за весь период своей отставки.

В скором времени он отвоевал для себя право лично являться с докладом к Николаю II, минуя директора Департамента полиции и министра внутренних дел.

Расположение императора к Петру Ивановичу ни для кого из придворных не являлось секретом, так что вскоре многие царские сановники принялись заискивать перед Рачковским, а его враги вынуждены были затаиться.

Рачковский не жалел сил, чтобы оправдать доверие царя.

Он продолжил оправдавшую себя практику внедрения секретных агентов в революционные партии и кружки. Особое внимание Петр Иванович уделил боевой организации партии эсеров, где параллельно с небезызвестным Евно Азефом действовал его агент Н.Татаров.

В ведении Рачковского находилась охрана высочайших особ, он знал все маршруты передвижения членов царской семьи.

Благодаря информации, получаемой вице-директором от своих агентов, были предотвращены покушения на великих князей Владимира Александровича и Николая Николаевича, на генерала Трепова и других высокопоставленных персон.

Вместе с тем, Рачковский ратовал за разумные уступки оппозиции, в частности, выступал за университетскую автономию.

После известного царского Манифеста 17 октября 1905 года в правоохранительных органах империи снова началась кадровая чехарда.

Новый министр внутренних дел П.Дурново был давним недоброжелателем Рачковского.

У «корифея политического сыска» постепенно отбирали его полномочия.

Сначала его лишили заведования политической частью Департамента полиции. Правда, чтобы подсластить пилюлю, представили к ордену Станислава 1-ой степени и выдали 75 тыс. рублей наградных.

При этом он по-прежнему оставался вице-директором Департамента полиции и сыграл первостепенную роль в подавлении декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве, лично руководя арестами членов Московского комитета партии большевиков.

Но его враги, как при дворе, так и во властных структурах, не унимались, доводя до сведения царя, в преувеличенных масштабах, все ошибки и промахи Рачковского.

В январе 1906 года он сам написал рапорт, прося уволить его в отставку по болезни.

Но даже после этого оставался еще какое-то время чиновником по особым поручениям при МВД.

Рачковский скоропостижно скончался в 1910 году на железнодорожной станции Режица (ныне Резекне, Латвия) по пути в Варшаву.

* * *

Исследователи истории царской охраны никогда не скупились на язвительные характеристики в отношении Рачковского. Его называли авантюристом в генеральском мундире, одной из самых ярких и в то же время темных личностей своей эпохи, зачинателем российской политической провокации, матёрым интриганом, мастером подделок документов и даже чёрным ангелом-хранителем царского режима.

Но звучали и другие оценки этого исторического персонажа, чья деятельность таит в себе немало еще нерасшифрованных загадок.

По воспоминаниям графа С.Витте, видного государственного деятеля России, президент Франции Эмиль Лубэ признавался, что он абсолютно доверяет профессионализму и порядочности Рачковского. Когда ему, Лубэ, пришлось ехать в Лион, где в его адрес звучали угрозы, то президент доверил охрану собственной персоны Рачковскому и его агентам, а не своим полицейским.

Витте считал, что Рачковский, как специалист по тайным операциям, был одним из самых умных и талантливых полицейских, не только в России, но и в Европе.

Раздел "Открытия"

Глава 1 Афродита

В южной части Эгейского моря, примерно в ста пятидесяти километрах от Афин, лежит остров Мелос (Милос), один из множества себе подобных в архипелаге Киклады.

Мелос по-гречески означает яблоко, а этот плод издавна считался символом острова.

С яблока всё и началось.

Вернее, с яблони.

Утром 8 апреля 1820 года местный крестьянин Йоргос Кентротас задумал пересадить яблоню на дальний край своего участка, неподалеку от которого поднимались античные руины.

Работали вдвоем с сыном Антонио.

Едва ямка углубилась, как лопата ударилась обо что-то твердое.

Вскоре стало ясно, что внизу лежит обработанная каменная плита – весьма ценный на острове строительный материал.

Отец и сын принялись откапывать ее, что оказалось совсем не простым делом, ибо плита являлась частью каменной ниши.

Солнце давно уже перевалило через зенит, когда они, наконец, расчистили свою находку от земли, увидев мраморную статую обнаженной женщины на невысоком пьедестале, а также две статуи-гермы и несколько мраморных обломков, один из которых являл собой половину кисти руки, сжимавшей яблоко.

Какое-то время Йоргос молча взирал на это чудо, приводя в порядок мысли.

Этот участок обрабатывали еще его отец и дед, но никто из родни не находил в земле ничего, кроме черепков да стертых монет.

Скорее всего, он тоже ничего не нашел бы, не вознамерясь пересадить деревце.

Именно попытка выкопать углубленную ямку привела к этой удивительной находке, ради которой пришлось раскопать чуть ли не пол-участка.

Простой крестьянин Йоргос академий не кончал, но ему было прекрасно известно, что на островах, как и по всей Греции, время от времени находят изделия эллинской эпохи, за которые любители старины выкладывают немалые денежки.

Чем дольше Йоргос всматривался в статую, тем сильнее проникался уверенностью, что на нее непременно найдутся богатые покупатели.

Но как же с ними связаться?

Греция в ту пору находилась под властью Турции, хотя период многовековой оккупации уже приближался к концу.

Тем не менее, по турецким законам, о такой находке следовало заявить представителю местной администрации.

Но это могло означать, что статую заберут за бесценок.

А, с другой стороны, скрыть такую находку от односельчан все равно не удалось бы.

Поразмыслив, Йоргос решил обратиться за советом к старейшинам деревни, пообещав им в случае удачной сделки внести часть средств на общественные нужды.

- Продавать нужно французам, - сказали многоопытные старейшины. – Еще и десяти лет не прошло, как их император Наполеон свозил в свою столицу всякие древности со всего мира! Уж французы знают толк в таких вещах и дадут настоящую цену!

Так уж совпало, что в главной гавани Мелоса как раз в те дни стоял отряд французских военных кораблей, направлявшихся с дружественным визитом в Стамбул.

По этому случаю здесь же, на Мелосе, находился французский консул Брест.

К нему-то и обратился Йоргос с предложением осмотреть находку.

Заинтригованный Брест в тот же день прибыл на крестьянский двор в сопровождении группы морских офицеров.

Мнения разделились.

Одни офицеры восхищались статуей, называя ее шедевром античного искусства, не уступающим творениям великого Праксителя, другие утверждали, что работа самая посредственная, очевидно, в древней Элладе такие изваяния штамповали сотнями.

Лично Бресту статуя понравилась, но он все же был смущен противоречивостью оценок со стороны своих спутников, а главное, не имел полномочий совершать по собственной инициативе какие-либо крупные покупки.

Консул сделал ровно то, что было в пределах его служебных возможностей.

Он попросил Йоргоса повременить немного с продажей, после чего написал подробное письмо своему непосредственному начальнику – господину Давиду, генеральному консулу Франции в Смирне (Измире).

Господин Давид, в свою очередь, послал соответствующее послание своему начальнику – французскому послу маркизу де Ривьер, чья резиденция находилась в Стамбуле.

Но пока эти донесения неторопливо путешествовали по Эгейскому морю, произошло еще одно важное событие.

В гавань Мелоса вошло французское гидрографическое судно Ла Шевретт, среди членов экипажа которого находился молодой мичман Жюль Дюмон-Дюрвиль, тонкий ценитель античного искусства, будущий знаменитый океанограф, исследователь Океании и Антарктиды.

Узнав о замечательной находке, он тут же разыскал крестьянина и попросил того показать статую, а затем сделал зарисовки античного шедевра в своем блокноте.

Вскоре судно снялось с якоря и взяло курс на Стамбул.

По прибытии в город Дюмон-Дюрвиль поспешил в посольство, где и рассказал секретарю о чудесной статуе, продемонстрировав свои рисунки.

Любопытно, что визит мичмана практически совпал с поступлением письма от генерального консула и как бы подкрепил содержащиеся там аргументы.

Посол маркиз де Ривьер мгновенно понял, что речь идет о бесценном произведении античного искусства.

Не теряя времени, он поручил одному из ответственных сотрудников, виконту Марцеллюсу, тотчас отправляться на Мелос на судне Л #Эстафетт и выкупить мраморную Венеру, невзирая ни на какие препятствия, но и не доводя дело до дипломатического скандала.

Между тем, слух о чудесной находке распространился далеко за пределы Мелоса и достиг ушей некоего священника по имени Ойкономос Верги.

Этот человек давно уже терзался мыслями о том, как бы услужить Николаки Мурузи, влиятельному стамбульскому чиновнику, дабы вновь завоевать его расположение.

Дело в том, что Верги занимался не только церковными делами, но и финансовыми аферами, и весьма нуждался в покровительстве Мурузи, в чьем ведении фактически находились все греческие острова.

Еще недавно бойкий священнослужитель пользовался полным доверием со стороны Мурузи, но затем впал в немилость, лишившись многих выгодных связей и перспектив.

И вот, услышав о находке мраморной Венеры на Мелосе, Верги вновь воспрянул духом.

Ведь Мурузи был известен как страстный любитель и собиратель старины.

Если преподнести чиновнику в дар найденную статую, рассуждал священник, то, наверняка, тот простит ему прежние прегрешения и вновь приблизит к себе.

Не откладывая дела в долгий ящик, Верги нанял судно со смешанным греко-турецким экипажем и отправился на охоту за своим счастьем.

Поначалу Йоргос ни в какую не соглашался уступить ему находку.

Верги пустил в ход все возможные средства. Он то поднимал сумму сделки, то запугивал санкциями со стороны властей, если те проведут, что сокровище досталось чужеземцам.

Несколько дней подряд Верги щедро угощал старейшин, рассчитывая на их поддержку. Наконец, соглашение было достигнуто, ударили по рукам.

Не только статую, но и все мраморные фрагменты погрузили на повозки и отвезли в гавань, где уже были приготовлены специальные ящики для транспортировки находок морем.

Оставалось уложить драгоценные приобретения в эти ящики и переправить их на судно.

Работа эта, конечно же, требовала предельной осторожности, но Верги был уверен, что через два-три часа судно сможет выйти в море.

Впервые за последние недели он позволил себе расслабиться, мысленно представляя, с какой горячностью его покровитель будет благодарить его за небывалый подарок.

А в эту самую минуту в гавань входил французский корабль Л #Эстафетт.

Находившийся на его палубе виконт разглядел в бинокль статую на пристани и сразу же все понял.

Значит, хитрый грек не выполнил своего обещания и продал находку кому-то другому!

Нет, Марцеллюс не собирался уступать!

Он подозвал к себе капитана корабля Робера и потребовал собрать самых крепких и бесстрашных матросов.

Статуя досталась французам.

Свидетельства очевидцев событий крайне противоречивы.

Одни утверждали, что Верги добровольно подчинился силе, тем более что ему вернули деньги за покупку.

Но другие говорили, что сокровище досталось победителям лишь после яростной, хотя и короткой схватки.

Так, один из моряков – Маттерер – рассказывал позднее, что в ход были пущены сабли, ножи и дубинки, при этом одному из турок отсекли ухо, и все вокруг было забрызгано кровью.

По словам того же Маттерера, морской министр запретил морякам, во избежание дипломатического скандала, говорить о том, что статуя досталась им в результате стычки, оттого, мол, и появилась версия, будто люди Верги уступили ее добровольно.

Кстати говоря, консул Брест, который тоже оказался в тот момент в гавани, подтвердил позднее, что массовая драка на берегу была, и что обе стороны пустили в ход холодное оружие.

Сам факт силового контакта вряд ли стал бы предметом жгучего интереса со стороны историков, если бы за этим инцидентом не стояло одно весьма существенное обстоятельство.

А именно: по одной из версий, первоначально у мраморной Венеры имелись руки, но они якобы были отбиты, обломаны именно во время схватки на берегу, после чего исчезли неведомо куда!

Так были руки или нет?

Эта загадка доныне не дает покоя исследователям.

Но прежде чем обратиться к аргументам за и против, проследим дальнейший путь статуи.

Статуя была захвачена французами 23 мая 1820 года, то есть, через 15 дней после ее обнаружения греческим крестьянином.

Вскоре судно Л #Эстафетт вышло в открытое море и благополучно достигло берегов Франции.

1 марта 1821 года в Париже маркиз де Ривьер преподнес ее в дар королю Людовику XVIII.

И вот статуя, пролежавшая под землей многие века и извлеченная на поверхность волей дивного случая, оказалась в Лувре.

Первым исследователем нового экспоната стал секретарь Французской академии художеств Катрмер де Кинси.

Именно с его легкой руки за статуей закрепилось название Венера Милосская, хотя логичнее было бы именовать ее Афродитой.

Ведь Венера – это богиня любви, красоты и брака в более поздней римской мифологии.

Создателем же статуи, найденной на Мелосе, был, несомненно, древнегреческий скульптор. А в Древней Элладе богиню любви и женской красоты, самую прекрасную из всех богинь, вечно юную и пленительную, возникшую из морской пены, называли все-таки Афродитой

Среди первых посетителей, увидевших обнаженную мраморную богиню, выставленную для всеобщего обозрения, был писатель Шатобриан, воскликнувший: Греция еще не давала нам лучшего свидетельства своего величия!

Не менее сильное впечатление статуя произвела на Ламартина, Виктора Гюго, Теофиля Готье, многих других деятелей искусства и науки.

И все же этот шедевр античного искусства имел крупный изъян.

Левая рука отсутствовала вовсе, а обрубок правой едва доходил до нижней линии груди.

Из тех фрагментов, что были привезены в Лувр вместе со статуей, восполнить этот недостаток было невозможно.

Вместе с тем, даже тонкие эстеты ловили себя на мысли, что отсутствие рук ничуть не портит общего впечатления от статуи, напротив, придает ей некую неповторимость.

Статуя имела и другие дефекты. У нее был отбит кончик носа, повреждены мочки ушей, подбородок и губы, но все эти дефекты поддавались реставрации.

Постамент, составленный из двух плит, содержал греческую надпись. Она сохранилась не полностью, но все же сообщала, что автором изваяния, скорее всего, был то ли Александр, то ли Агессандр, сын Менида из Антиохии.

Было также установлено, что создание статуи датируется примерно 130-100 годом до н.э., и, следовательно, ее возраст приближается к двум тысячам лет.

Казалось немыслимым чудом, что, пролежав столько лет под землей, столь совершенное творение явилось миру, лишь благодаря обычным земляным работам на поле.

Страсти вокруг дивной статуи вспыхнули с новой силой, когда поползли упорные слухи, что ее руки были утрачены вовсе не в глубине веков, а совсем недавно, во время схватки в гавани Мелоса.

Так все-таки были руки или нет?

Антонио, сын хозяина участка, будто бы утверждал, что у статуи была совершенно целой левая рука, а правая, хотя и имела повреждения, но все же находилась в несравненно лучшем состоянии, чем было представлено в Лувре.

То же самое, по свидетельству Бреста-младшего, сына консула, говорил ему отец, который, судя по его словам, сам принимал участие в стычке.

Ту же версию подтверждали еще двое из тех, кто видел статую на Мелосе: Дюмон-Дюрвиль и Маттерер.

Правда, позднее тот же Маттерер заявлял, что обе руки у богини отсутствовали.

Но еще позже, уже незадолго до смерти, Маттерер якобы признался, что переменял свои показания, не желая подводить своих сослуживцев – французских моряков, в результате действий которых статуя пострадала.

Эти и другие сведения собрал парижский литератор Жан Экар, изложив их в своей книге, вышедшей еще в 1874 году.

Справедливости ради, следует заметить, что мало кто из специалистов считает эти факты достоверными.

Однако не подлежит сомнению, что глубокой осенью 1820 года, спустя полгода после вывозки статуи, на Мелосе побывал маркиз де Ривьер.

Зачем бы высокопоставленному дипломату, обитавшему, как правило, в европейских столицах, забираться в такую глухомань?

Завесу над этой загадкой приоткрывает все тот же консул Брест, который написал в одном из своих писем

Его превосходительство приказал мне заняться поиском рук и других обломков статуи

Маркиз почти наверняка знал от французских моряков, что руки были, но в суматохе схватки турки сумели утаить их, а после, не исключено, спрятали где-то на острове.

Именно поиском пропавших рук можно объяснить то обстоятельство, что статую, доставленную во Францию в мае 1820 года, маркиз преподнес королю лишь в марте следующего года.

Очевидно, маркиз де Ривьер мечтал придать своему подарку полную завершенность, однако упорные поиски, когда на Мелосе были перерыты многие земельные участки, успеха не принесли.

В последующем в Лувре несколько раз проводились экспертизы, приведшие к однозначному заключению: судя по патине – слою, покрывавшему обломанные участки статуи, повреждения были нанесены очень давно, скорее всего, в средневековые или даже в античные времена.

Но сторонники альтернативной версии не сдаются.

Да, руки могли быть отбиты давно, говорят они. Но они, эти руки, хранились, очевидно, вместе со статуей в нише, ведь после раскопок их видели многие свидетели.

Высказывается предположение, что в гавани люди Верги поместили руки в отдельный ящик.

Появившиеся французы завладели главным ящиком, но упустили из виду, что есть еще другой, меньший, где как раз и находились упакованные руки.

Очевидно, этот ящик турки успели погрузить на свое судно еще до появления французского корабля.

Когда торжествующие победители покинули поле боя, обозленный Верги, потерявший статую, но сохранивший руки от нее, попросту утопил их в гавани.

Так все происходило или нет, а только до сих пор время от времени на Мелос приезжают энтузиасты и ищут в прибрежных водах острова руки прекрасной Венеры-Афродиты.

Глава 2 Тиара скифа

В один из мартовских дней 1896 года, когда в Париже уже припекало солнышко, в приемную директора Лувра доктора Кемпфена вошли двое импозантных господ.

Одним из них был известный венский антиквар Антон Фогель, вторым – его земляк маклер Шиманский.

Едва визитеры появились на пороге, как их тотчас провели в кабинет, где, кроме директора, находились авторитетнейшие знатоки древностей гг. Мишон, Бенуа, Молинье, Соломон Рейнак и другие, а также руководитель отдела античного искусства Лувра Эрон де Вилльфосс.

Похоже, гостей ждали с особым нетерпением.

Да и гости не стали терять времени на долгие вступления.

Вежливо раскланявшись с избранным обществом, они без лишних слов раскрыли потертый кожаный саквояж и бережно выложили на стол нечто, завернутое в мягкую ткань.

Еще минута, и кабинет словно бы озарило сияние.

- Перед вами тиара скифского царя Сайтоферна! – с чувством воскликнул венский антиквар.

Ответом был вздох восхищения. А ведь тут собрались люди, повседневно имеющие дело с уникальными шедеврами мирового значения.

Но это изделие и вправду заслуживало восторгов.

Перед экспертами предстал куполообразный парадный шлем из чистого золота, как бы разделенный на несколько горизонтальных поясов.

На среднем, наиболее широком поясе изображались сценки из эпических гомеровских поэм Илиада и Одиссея. В вычеканенных по золоту фигурках нетрудно было узнать Ахиллеса, Одиссея, Агамемнона

Мастерской чеканкой был покрыт и нижний, второй по ширине фриз, запечатлевший сцену охоты скифского царя на крылатого зверя с многочисленными фигурками воинов, лошадей, быков, овец и коз.

На узкой полосе, разделявшей два этих фриза, разместилась надпись на древнегреческом языке, извещавшая, что жители славного города Ольвия преподносят эту тиару в дар царю Сайтоферну.

О Сайтоферне было известно из благодарственного декрета на каменной плите в честь богатого и влиятельного горожанина из Ольвии Протогена. Как следовало из текста, в конце 3-го в. до н.э. Ольвия была данницей этого скифского правителя. Сайтоферн во главе своей дружины лично приезжал в город за деньгами. Очевидно, во время одного из этих визитов драгоценная тиара и была преподнесена ему в дар как знак покорности и смирения.

В одном месте на тиаре виднелась вмятина, словно бы оставшаяся после касательного удара мечом. Кое-где имелись царапины, но в целом царственный головной убор сохранился в превосходном состоянии.

Давно уже не предлагали Лувру столь изысканного шедевра античных времен!

Еще со времен Петра Первого по всей просвещенной Европе разнеслись слухи об уникальных сокровищах, найденных при раскопках древних курганов в Сибири и Приуралье. Правда, эти золотые предметы большей частью попадали в руки местных купцов, которые не находили им лучшего применения, как переплавлять в слитки.

Петр, узнав о подобном варварстве, издал указ, согласно которому все необычные находки из курганов под страхом сурового наказания надлежало сдавать властям.

Так и возникла в России знаменитая коллекция золотых предметов, в которую с течением времени влилось и скифское золото из могильных курганов их вождей.

Лучшие и самые интересные экспонаты скифской коллекции были обнаружены в Северном Причерноморье во второй половине 19-го столетия.

Так, в 1862-63гг. в Чертомлыцком кургане под Никополем археологи нашли уникальный золотой горит, служивший колчаном для стрел и одновременно футляром для лука, украшенный рельефами на тему подвигов Ахиллеса.

Тоже под Никополем, в кургане Солоха был обнаружен изумительной работы гребень, верхняя часть которого представляла собой скульптурную группу, изображающую битву между скифами.

Несколько ранее близ Феодосии были найдены так называемые феодосийские серьги – многофигурная композиция, выполненная в микроскопических формах. Античный ювелир, владевший утерянными ныне секретами мастерства, сумел отобразить такие миниатюрные детали, как сложный узор на щите воина и даже каждое перышко на крыле богини. Зернь на этих серьгах настолько мелка, что рассмотреть ее можно только через увеличительное стекло. Даже знаменитый Карл Фаберже, пытавшийся создать копию феодосийских серег, потерпел творческую неудачу, так и не разгадав древнюю тайну соединения зерни.

В 90-х годах 19-го столетия скифские сокровища снова оказались у археологов на слуху, когда при раскопках древнегреческого города Ольвия была сделана целая серия замечательных находок.

При этом было известно, что государственный надзор за археологическими раскопками ведется в России из рук вон плохо, и многие находки из курганов окольными путями оседают у западноевропейских коллекционеров.

Но было известно и то, что повышенный спрос на древние сокровища привел к появлению на черном рынке огромной массы фальшивых шедевров.

Появилась целая прослойка всякого рода мошенников и авантюристов, стремившихся нажиться на модном увлечении.

Вот почему директор Лувра решил подстраховаться, пригласив для осмотра тиары целый синклит экспертов, мнению которых доверял.

Правда, господину Кемпфену было известно, что сначала эту тиару привез в Вену некий Шепсель Гохман - негодянт из русского города Очакова.

Он предлагал ее Венскому императорскому музею, эксперты которого подтвердили подлинность изделия. Но руководители музея не смогли, несмотря на все свои старания, собрать требуемую сумму, и Гохман продал тиару Фогелю и Шиманскому.

И вот это бесценное сокровище здесь, в Париже.

Тиара великолепна!

Беда в том, что и у Лувра нет 200 тысяч франков, чтобы выкупить ее.

СДЕЛКА ВЕКА

200 тысяч франков по тем временам были огромными деньгами.

Заплатить такую сумму за экспонат, пускай даже дивной красоты и непреходящего исторического значения, Лувр мог, лишь заручившись специальным решением палаты депутатов.

Но такая процедура требовала времени, тогда как продавцы не соглашались ждать более двух-трех дней.

Как быть?!

Директор знаменитого музея в отчаянии ломал руки.

И тут, к его неопишуемой радости, на помощь пришли богатые меценаты Корройе и Теодор Рейнак.

Они внесли запрашиваемую сумму с тем, чтобы долг им вернули после голосования в парламенте, в исходе коего никто не сомневался.

И вот желанная сделка состоялась.

Разбогатевшие Фогель и Шиманский вернулись в Вену.

Парламент по представлению дирекции Лувра утвердил выделение средств на покупку задним числом, и оба мецената получили свои деньги обратно.

А тиара скифского царя заняла почетное место под стеклянным колпаком в одном из залов музея.

В Лувр выстроились длинные очереди посетителей, жаждавших взглянуть на уникальную диковину, о счастливом приобретении которой в восторженных тонах писала не только парижская, но и почти вся мировая пресса.

Не прошло, однако, и двух месяцев, как зазвучали скептические голоса.

Уже в мае того же, 1896 года известный русский историк, профессор Петербургского университета А.Н.Веселовский, побывавший в Лувре и осмотревший тиару, заявил, что это всего лишь искусно изготовленная фальшивка.

Через некоторое время в журнале Космополис выступил со статьей ученый из Мюнхена Адольф Фуртвенглер, отметивший, что движения и жесты фигур на тиаре не соответствуют эталонам античной пластики.

Все персонажи тиары, не без доли ехидства писал немецкий историк, позаимствованы с изделий других эпох, найденных и хранящихся в разных местах.

Фуртвенглер не отказал себе в удовольствии перечислить длинный ряд этих изделий: ожерелье 5-го века до н.э. из Тамани, античные вазы из Южной Италии, ювелирные изделия из Керчи, так называемый щит Сципиона из Лувра

Автор тиары отовсюду позаимствовал, точнее, украл по кусочку.

Но, пожалуй, самый серьезный удар по авторитету парижских экспертов нанес директор Одесского археологического музея Эрнест фон Штерн.

Выступая 2 августа 1896 года с докладом на археологическом конгрессе в Риге, он рассказал о бурной деятельности купцов из Очакова братьев Гохманов, через которых, собственно, злополучная тиара и оказалась на рынке антиквариата.

(Очаков, между прочим, находился вблизи места раскопок древней Ольвии, этого, по выражению Геродота, наиболее центрального пункта во всей приморской Скифии.)

Эти беззастенчивые дельцы, чутко уловившие новые веяния, поставили изготовление уникальных шедевров, что называется, на поток.

В своем бизнесе они пользовались консультациями незаурядных знатоков древности, прибегали к услугам искусных ювелиров, которых вдоволь было в Одессе.

Именно консультанты подсказали братьям, что лучший материал для античных ценностей – это золото. И в самом деле, ведь серебро и олово быстро чернеют от времени, медь и бронза покрываются патиной, и только золото столетиями способно сохранять свой природный блеск.

При этом по настоянию братьев, ювелиры использовали при изготовлении особо ценных подделок подлинные античные фрагменты: самоцветы, медальоны, серебряную проволоку, бронзовые гвозди

Фон Штерн рассказал своим слушателям о недавнем случае, в котором пришлось разбираться ему лично.

В прошлом, 1895 году, к коллекционеру Фришену из Николаева пришли крестьяне и показали ему ряд предметов, якобы найденных ими при раскопке кургана. Среди находок выделялись своим изяществом корона и кинжал. Оба предмета были изготовлены из золота и украшены богатой чеканкой.

Обомлевший от неслыханной удачи коллекционер только за корону выложил десять тысяч рублей.

Через некоторое время он показал свое приобретение фон Штерну, ожидая бурных поздравлений.

Однако фон Штерн буквально с первого взгляда понял, что коллекционер стал жертвой элементарного обмана.

Начертание букв на короне относилось к 4 в. до н.э., а на кинжале – к 5 в.н.э. То есть, если даже судить только по шрифтам, то кинжал был моложе короны на целых 800 лет, и оказаться вместе в одном кургане эти предметы никак не могли.

Коллекционер подал в суд, и в скором времени выяснилось, что крестьяне были подставными людьми братьев Гохманов.

Между прочим, стоимость золота, которое пошло на изготовление короны, не превышала 900 рублей.

Вообще же, у жуликоватых братьев состоял на довольствии целый штат подставных крестьян, предлагавших наивным любителям старины всякого рода ожерелья, кольца, закладки, гребни, ножи, якобы случайно найденные ими в том или ином кургане.

Бизнес Гохманов процветал. Они имели клиентов не только в Российской империи, но и в Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Англии

Вот и на так называемой тиаре Сайтоферна, сказал в заключении фон Штерн, можно найти немало необъяснимых с исторической точки зрения противоречий. Например, совершенно очевидно, что буквы древнегреческой надписи попросту скопированы с плиты Протогена.

Как это ни странно, но специалисты Лувра даже не сочли нужным хоть как-то отреагировать на критические стрелы, летевшие со всех сторон.

Тиара продолжала храниться на почетном месте, привлекая внимание многочисленных посетителей.

Но вот в марте 1903 года в Париже разразился скандал.

Скульптор и художник с Монмартра, некий Эллина-Майянс, привлеченный к судебному разбирательству за подделку картин и рассказавший о многих уловках фальсификаторов, вдруг заявил, что именно он является автором тиары скифского царя.

Эта информация попала на страницы некоторых парижских газет.

Не успело еще улеться эхо скандала, вызванного этой новостью, как другая парижская газета опубликовала открытое письмо местного ювелира Лившица, бывшего жителя Одессы, который с уверенностью сообщал, что тиара действительно поддельная, вот только изготовил ее не художник с Монмартра, а одесский чеканщик Израиль Рухомовский. Лившиц клялся, что видел собственными глазами эту тиару в мастерской Рухомовского, причем тот говорил ему, что трудится над заказом уже восьмой месяц без перерыва и должен получить за свою работу от заказчика две тысячи рублей.

Теперь в Париже только и было разговоров о том, действительно ли дирекция Лувра оказалась одураченной хитроумными мошенниками.

Правительство было вынуждено назначить специальную комиссию, которую возглавил профессор Коллеж де Франс Клермон-Гаммо.

А тем временем русский корреспондент парижской газеты телеграфировал из Одессы:

Весьма срочно! Гравер И.Рухомовский, проживающий по адресу Успенская, 36, подтвердил, что является создателем тиары. Он сообщает, что выполнил эту работу по заказу некоего господина из Керчи, не назвавшего своей фамилии. Чтобы доказать свою правоту, Рухомовский готов приехать в Париж, при условии, что ему оплатят поездку в размере 1200 франков.

На парижских бульварах свежие выпуски газет рвали из рук, в конторах заключались пари, во всех кабаре распевались веселые куплеты об одураченных ученых мужах, весь город бурлил, строя предположения о том, чем завершится эта грандиозная афера.

5 апреля того же, 1903 года Рухомовский прибыл в Париж.

Правительственная комиссия пригласила его для беседы.

Сразу же выяснилось, что одессит крайне слабо ориентируется в античной истории.

Впрочем, ювелир из России и не пытался предстать в роли знатока.

Он снова повторил, что тиару ему заказал неизвестный господин, обмолвившийся, что хочет преподнести оригинальный подарок к юбилею известного ученого-археолога.

Рухомовский и не интересовался такого рода сведениями. Он был рад, что получил выгодный заказ, и попросил только о том, чтобы заказчик принес образцы чеканки, которую хотел бы видеть на тиаре.

Уже на следующий день тот принес ему различные атласы, гравюры и репродукции и указал на те из них, которые следует использовать в работе.

Рухомовский постарался выполнить заказ, как можно лучше, тем более что ему был известен старинный рецепт золотого сплава.

Разве это преступление?

Комиссии не оставалось ничего другого, как провести своего рода следственный эксперимент.

Рухомовскому предложили по памяти повторить любой фрагмент тиары, выделив помещение для работы и соответствующие материалы и инструмент.

И вот в присутствии ряда членов комиссии, не имея перед глазами никакого образца, Рухомовский уверенно отчеканил часть фигурного фриза, подтвердившего полную идентичность со скандальной покупкой Лувра.

После этого отпали малейшие сомнения в авторстве одессита.

Тем более что в этот же период Эллина-Майянс признался, что просто пошутил.

Судя по некоторым заявлениям, Рухомовский связывал со своей поездкой определенные надежды.

Что ж, в определенной степени они оправдались.

Вскоре одесский чеканщик обосновался в Париже вместе с семьей. Долгое время он пользовался покровительством со стороны известного филантропа барона Ротшильда.

Никто из главных виновников этой аферы так и не понес наказания.

Фогель и Шиманский благоразумно держались в тени, а против братьев Гохманов не было никаких улик.

Ходили упорные слухи, что заговорщики поделили 200 тысяч франков в соответствии с реальным вкладом каждого следующим образом: 86 тысяч получил Шепсель Гохман, 74 тысячи достались Фогелю, и еще 40 тысяч положил в карман Шиманский.

А тиару, в оценке которой ошиблись лучшие парижские эксперты, передали из запасников Лувра в Музей декоративного искусства, ибо она действительно является образцом ювелирного мастерства, только не античного, а конца 19-го века.

* * *

В 1939 году Лувр снова прокололся на очередном скифском шедевре, приобретя серебряный ритон – рог для питья в виде кабаньей головы с рельефными фигурками скифов. Снова были выплачены большие деньги, и снова оказалось, что это подделка.

Но что за мастер стоял за этой фальсификацией – до сих пор остается загадкой.

Глава 3 Дети Шлимана

Генрих Шлиман, немец по происхождению, самый знаменитый археолог-любитель в истории, открывший миру легендарную Трои и Микены, значительную часть своей жизни прожил в Петербурге, на Васильевском острове, приняв русское подданство.

В городе на Неве он заработал основной капитал, позволивший позднее вести раскопки за свой счет, здесь он женился на дочери небогатого петербургского адвоката Екатерине Петровне Лыжиной, которая родила ему трех детей – сына Сергея, дочерей Наталью и Надежду.

Если коммерция господина Шлимана в целом развивалась успешно, то его семейная жизнь определенно не заладилась.

Начались размолвки, которые заканчивались перемириями, сменявшимися новыми, еще более тяжелыми ссорами.

Жена откровенно писала ему:

к несчастью, мы с Тобой есть два существа, которые, кажется, никогда не поймут друг друга; я это заметила с минуты нашего первого свидания, и в последнюю минуту моей жизни я, верно, буду думать так же

И вот в первые дни 1969 года, после 23 лет своей русской жизни, Шлиман навсегда покинул пределы Российской империи.

Жена так и не дала ему развода, но у Шлимана имелся свой план на этот счет.

Он отправился в американский штат Индиана, где в ту пору существовали весьма либеральные законы о гражданстве и браке.

Уже в июне того же года он оформил американское гражданство и развелся с женой.

Через три месяца, в сентябре, 47-летний Шлиман женился на 17-летней гречанке Софии Энгастроменос.

Это был брак по расчету.

Вплоть до своего отъезда из Америки Шлиман даже представления не имел о своей новой невесте.

С семьей юной гречанки его свел архиепископ Теоклетос Вимпос, бывший петербургский семинарист, когда-то дававший Шлиману уроки греческого языка.

Родители невесты были не прочь породниться с богатым иностранцем, при условии, что он сделает им ценный подарок.

Если называть вещи своими именами, то от Шлимана требовали то, что на Востоке именуется калымом.

Он согласился, подарив родителям Софии бриллианты стоимостью в 150тыс. франков.

Шлиман снова стал семейным человеком, но по российскому Уложению о наказаниях, теперь он был гражданским преступником – двоеженцем и человеком с двойным гражданством.

Двоеженство наказывалось тогда лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на срок от одного года до трех лет, а двойное гражданство вечным из пределов государства изгнанием, а в случае самовольного возвращения, ссылкой в Сибирь.

Фактически путь в Россию отныне был для него закрыт.

Однако в тот момент молодожен не придавал этому значения.

* * *

К чести Шлимана, он никогда не забывал о своей первой семье, поддерживая ее материально и морально.

Через два месяца после его новой свадьбы случилось страшное несчастье: в Петербурге в возрасте 10 лет умерла его старшая дочь Наталья.

Присутствовать на похоронах он, естественно, не мог.

В скором времени Екатерина Петровна, опасаясь влияния петербургского климата на оставшихся детей, перебралась на жительство в Киев.

Там Сергей учился в коллегии Галагана.

Когда младшая дочь Надя подросла, Екатерина Петровна решила, что в Киеве подходящего учебного заведения для девочек нет, и летом 1875 года увезла семью в Москву.

В том же году Сергей поступил в Московский университет.

Ему явно не хватало отцовской целеустремленности, и он долго не мог определиться с призванием.

Сначала изучал химию и ботанику, затем неожиданно перешел на юридический факультет, вознамерившись стать следователем.

Все это время Шлиман высылал деньги и подарки не только жене, но еще и по отдельности детям.

Сергей получал от отца столь щедрое содержание, что Екатерина Петровна вынуждена была написать бывшему мужу, дескать, высылаемая сыну сумма слишком велика для его лет и для его слабохарактерности.

Под этим письмом стояла подпись – Многоуважающая Тебя Е.Шлиман.

Между отцом и сыном велась активная переписка, причем общее количество их посланий друг другу исчислялось многими сотнями!

Кроме того, Сергей приезжал к отцу в гости, путешествовал по Европе, и все эти поездки оплачивал, естественно, Шлиман.

В 1881 году Сергей окончил университет, и отец тут же предпринял энергичные усилия по устройству его карьеры.

В частности, Шлиман отправил увлекавшемуся древней историей сенатору Половцову, рассчитывая на его поддержку, несколько посылок с археологическими находками – круглым числом 180 предметов античной культуры.

Наконец, Сергей получил назначение судебным следователем в Виленскую губернию.

Но, похоже, Шерлока Холмса из него не получилось, а тянуть лямку провинциального судебного чиновника желания не было.

В письмах отцу он все чаще жаловался, что страшно утомился, и тогда Шлиман посоветовал ему выйти в отставку и заняться садоводством.

В этот же период Сергей нашел себе невесту, но отец не одобрил выбора сына.

Сергей затаил обиду, его письма отцу стали короче и суше, и приходили значительно реже.

* * *

В отличие от апатичного Сергея, младшая дочь Шлимана Надя характером явно пошла в отца.

В 1879 году она окончила 1-ю женскую гимназию с золотой медалью, а на следующий год поступила на естественное отделение Высших женских курсов в Петербурге, где среди ее преподавателей были химики с мировыми именами – А.М.Бутлеров, Н.Н.Бекетов и другие.

Лично ей отец регулярно высылал до 500 рублей, а также передавал с оказией ценные подарки – не только ювелирные украшения, но и золотые изделия, найденные им при раскопках.

Надежда всю жизнь была привязана к матери и сопровождала ее в длительных поездках на лечение за границу.

Все их расходы тоже оплачивал Генрих Шлиман.

В 1889 году Надежда вышла замуж за молодого ученого Николая Ивановича Андрусова.

* * *

С некоторых пор Шлимана начала одолевать тоска по России, и он, с присущей ему энергией, принялся хлопотать о разрешении вернуться на свою вторую родину.

В 1882 году, уже будучи мировой знаменитостью, он обратился с прошением разрешить ему вести раскопки на Кавказе за собственный счет, подчеркивая, что все находки останутся в собственности государства.

В России у него было много друзей, которые всей душой стремились помочь ему, пытаясь найти подходящую лазейку в законодательстве.

Его даже избрали членом московского антропологического общества, что формально требовало присутствия на ежегодных собраниях.

К делу подключился председатель Императорской археологической комиссии, директор Императорского Эрмитажа И.А.Васильчиков, который поддерживал идею возвращения Шлимана в Россию.

Чтобы еще более придать весу своему прошению, Шлиман предложил Эрмитажу купить его троянскую коллекцию с громадной уступкой.

Он писал в Петербург одному из своих преданных поклонников, действительному члену Императорского Русского и Московского археологических обществ барону Н.К.Богушев-Богушеву:

Когда несколько лет назад меня спросили о цене моей троянской коллекции, я назвал цифру в 80тыс. фунтов. Но я провел 20 лет в Петербурге, и все мои симпатии принадлежат России; поскольку я бы очень хотел, чтобы эта коллекция попала именно в эту страну, я прошу у русского правительства 50тыс. фунтов, а в случае необходимости готов снизить эту цену до 40тыс. фунтов.

Васильчиков обратился с ходатайством к министру двора, но, похоже, окончательное решение принималось на высочайшем уровне.

Гражданского преступления Шлиману так и не простили.

* * *

25 декабря 1890 года во время прогулки по Неаполю Шлиман вдруг потерял сознание и упал.

Поскольку документов при нем не оказалось, то медицинскую помощь он получил не сразу.

Задержка оказалась роковой, и на следующий день великого археолога-любителя не стало.

Его первая жена Екатерина Петровна умерла в 1896 году и была погребена на Волковском кладбище в Петербурге, в той же могиле, что и дочь Наталья.

В настоящее время эти захоронения считаются утраченными.

Вторая дочь Надежда долгое время жила в Петербурге, на Васильевском острове.

Ее муж стал академиком, крупным палеонтологом и геологом.

Октябрьскую революцию они не приняли, и в 1920 году уехали в Париж, где Надежда, по завещанию отца, унаследовала доходный дом.

Однако доходы оказались не так велики, и семья перебралась в Прагу - там жизнь была дешевле.

Сергей Шлиман остался в Петрограде-Ленинграде и скончался незадолго до Великой Отечественной войны в возрасте 84 лет.

Во втором браке у Генриха Шлимана было еще двое детей – сын Агамемнон и дочь Андромаха.

О петербургском периоде жизни этой выдающейся личности, почетном гражданине Петербурга, вошедшем в список 100 человек, которые изменили ход мировой истории, напоминает мемориальная доска, установленная летом 1991 года на фасаде дома 28 по 1-й линии Васильевского острова.

Раздел "Золото, бриллианты..."

Глава 1 Золотой пароход

На полях сражений Гражданской войны доблесть, отвагу и усердие проявляли, как красноармейцы, чьи деяния позднее были воспеты в советских песнях, так и участники белого движения.

Во все времена, во всех армиях мира герои, совершившие ратные подвиги, удостоивались каких-либо знаков отличия.

Первые красные герои награждались преимущественно Почетным холодным оружием и ценными подарками, вроде красных «революционных» шаровар. Лишь в сентябре 1918 года был учрежден орден Красного Знамени РСФСР, первым кавалером которого стал Василий Блюхер.

Что касается белого движения, то его руководители, в частности, генерал Деникин, поначалу придерживались того принципа, что в войне между соотечественниками, «когда брат идет на брата», никакие награды неприемлемы.

Но по мере того, как борьба за будущее России приобретала все более ожесточенный характер, белые офицеры и солдаты стали отмечаться царскими орденами, Георгиевскими крестами и Георгиевским оружием. Эти награждения поднимали боевой дух Русской армии, особенно в условиях наступления.

Наиболее инициативные командиры быстро росли по службе: вчерашние подполковники, штабс-капитаны и есаулы становились генералами.

Адмирал Колчак, объявленный 18 ноября 1918 года Верховным Правителем России и Верховным Главнокомандующим Русской армией, в числе множества первоочередных задач, попытался навести порядок и в наградном деле.

Он отменил практику вручения большинства царских орденов, а также знаков отличия, введенных Временным правительством.

В список действующих наград вошли ордена Святого Георгия, Святого Владимира и Святой Анны, а также вручение Георгиевского оружия.

Солдат награждали Георгиевским крестом и медалью «За усердие».

Примерно в тот же период на стол адмирала попало ходатайство о признании двух новых орденов, учрежденных незадолго до этого Сибирским временным правительством, уже сложившим с себя полномочия.

Ордена назывались «Освобождение Сибири» и «Возрождение России».

Их готовили лучшие сибирские мастера.

Каждый из орденов имел несколько степеней, материалом послужили благородные металлы и драгоценные камни.

Высшая степень сибирского ордена, например, представляла собой крест из чистого золота, на который был наложен крест из малахита с золотой накладкой «1918». К кресту полагалась серебряная с позолотой звезда, лучи которой были украшены хризолитами.

По некоторым данным, всего было изготовлено несколько сотен орденов всех степеней.

Адмирал, убежденный сторонник идеи единой и неделимой России, усмотрел, однако, в их символике претензии на сибирскую автономию и распорядился передать невостребованные знаки отличия на хранение в церковную кладовую Тобольской епархии.

А летом 1919 года и вовсе стало не до наград.

Красная Армия провела ряд успешных стратегических операций, и Восточный фронт Колчака стремительно покатился назад.

В октябре ситуация осложнилась настолько, что встал вопрос об эвакуации штаба из Омска в Иркутск.

Известно, что в ведении адмирала Колчака, как признанного всем белым движением Верховного Правительства России, находилась значительная часть золотого запаса Российской империи. Еще в царское время, после взятия немцами Прибалтики, эти ценности были вывезены из Петербурга в тихую Казань и размещены в подвалах Центрального банка.

Вкратце напомним, как развивались события далее.

7 августа 1918 года белые части под командованием Владимира Каппеля, русского офицера со шведскими корнями, убежденного монархиста, ставшего позднее одним из наиболее верных, стойких и талантливых соратников Колчака, окончательно овладели Казанью.

Каппель телеграфировал командованию: «Трофеи не поддаются подсчету, захвачен золотой запас России, 650 миллионов».

Поскольку Казань продолжала оставаться в прифронтовой полосе, то было принято решение перевезти золото в более надежное место.

Началось странствование пяти «золотых» эшелонов по просторам воюющей России.

Наконец, золото (а также платина, серебро, драгоценности и т.д.) осели в кладовых Омского отделения Госбанка.

Однако, по ряду причин, часть сокровищ оказалась в Тобольском банке.

Какая именно часть?

Учетных документов не сохранилось, но, по мнению ряда экспертов, речь идет, как минимум, о 50 тоннах желтого металла.

Надо заметить, что Тобольск в тот период находился далеко в стороне от железных дорог, но имел вполне надежное паровое сообщение с Омском по реке Иртыш.

В середине октября 1919 года, ввиду продолжавшегося наступления красных и угрозы захвата Тобольска, было решено переместить эту драгоценную массу на восток страны, в Томск.

Сделать это предлагалось водным путем.

Плыть предстояло по Иртышу до его впадения в Обь возле города Остяко-Вогульска (ныне Ханты-Мансийск), а затем вверх по течению Оби и Томи до Томска.

Если взглянуть на карту, то получается огромный крюк, однако выбирать не приходилось, маршрут диктовала сама природа.

Путь предстоял долгий, вдобавок, не за горами была суровая сибирская зима.

И тут возникает первая загадка.

Метеорологи в один голос предрекали ранние холода.

Однако речники уверяли, что справятся с задачей до ледостава.

Лица, ответственные за эвакуацию драгоценного металла, поверили почему-то речникам.

Золото погрузили на заднеколесный почтово-пассажирский пароход «Пермяк», постройки 1894 года, и сопровождавшие его суда.

Сюда же доставили драгоценную утварь из храмов и монастырей Тобольской епархии, а также те самые сибирские ордена.

Командовать немногочисленным «золотым конвоем», который почти полностью состоял из младших офицеров, было поручено штабс-капитану Киселеву.

Среди лиц, сопровождавших ценный груз, находилось и несколько банковских служащих.

В самом Тобольске операцией руководил лично командующий 1-ой Сибирской армией, 27-летний генерал-лейтенант А.Пепеляев, потомственный дворянин и военный, который совсем недавно, накануне Февральской революции, носил погоны младшего офицера.

Хронология последующих событий такова.

В плавание отправились глубокой ночью 22 октября.

По пути до устья Иртыша «Пермяк» сделал две остановки – в селах Кугаево и Бронниково.

Обе стоянки были многочасовыми, что удивляет, ведь обстоятельства, казалось бы, заставляли экспедицию торопиться.

Наконец, поплыли по Оби.

Очередную длительную остановку сделали в крупном селе Тундрино.

Новая загадка: банковских служащих среди пассажиров здесь уже не оказалось.

Значит, они сошли где-то раньше? Но зачем тогда им было вообще отправляться в это путешествие?

Следующая крупная пристань на маршруте - село Сургут.

И тут погода резко ухудшилась, ударил сильный мороз. Зима, как и прогнозировали метеорологи, пришла непривычно рано, и стало ясно, что дальше Сургута «золотому каравану» не уплыть. Но до Сургута все-таки добрались, встав на зимовку в одной из протоков.

Судя по тому, как вели себя в дальнейшем пассажиры и экипаж, никаких ценностей на борту «Пермяка» уже не было.

Значит, золото было спрятано раньше, где-то в тайге, причем, именно в последние дни, когда еще не настали преждевременные морозы?

Оставаться на зимовку в Сургуте «белякам» было опасно, вот-вот могли подойти красные.

(Каким-то таинственным образом слухи о ценном грузе уже пошли гулять по таежным поселкам.)

«Золотой конвой» двинулся на север, разделившись на две группы.

Одни погибли от холода и болезней, других настигла погоня, и лишь единицам удалось добраться до железной дороги, а по ней, в конечном итоге, до Владивостока.

В числе тех, кому посчастливилось выскользнуть из ловушки, оказался и штабс-капитан Киселев.

По одной из версий, во Владивостоке он был арестован по доносу предателя японцами.

В тюрьме офицера пытали, требуя указать ориентиры тайника.

Киселев умер, но так ничего и не сказал своим мучителям.

Куда же подевались сокровища парохода «Пермяк»?

На этот предмет существует множество версий.

Прежде, чем назвать основные, следует все же подчеркнуть то существенное обстоятельство, что осенью 1919 года участники белого движения отнюдь не считали, что Гражданская война проиграна ими окончательно.

Вот и офицеры «золотого конвоя» верили, что, спустя какое-то время, может, следующей весной или летом, они вернутся в эти края с победой.

Поэтому золото пряталось так, чтобы его можно было взять позднее без чрезмерных усилий.

Иными словами, все предположения о том, что ценности утопили в болоте либо сбросили на глубину в Обь, вряд ли стоит принимать в расчет.

Определенное число сторонников имеет та версия, будто команда «Пермяка» довезла свой драгоценный груз до Сургута.

Дескать, днем офицеры с беспечным видом расхаживали по поселку, а по ночам переносили ящики с желтым металлом в некий тайник в тайге.

Заметим, однако, что этих ящиков было очень много, ведь речь шла о десятках тонн!

Перенести весь этот тяжеленный груз вручную подальше от села, да еще выдолбить в промороженной земле глубокий котлован, было бы выше человеческих сил!

Позволю себе небольшое авторское отступление.

Во времена молодости довелось мне служить в воинской части, которая строила высоковольтные линии электропередач и подстанции.

Одну из таких ЛЭП мы тянули через забайкальскую тайгу, по склонам крутых сопок.

Для установки каждой металлической опоры сначала нужно вырыть под ее фундаменты-«ноги» котлован глубиной 2,5-3м.

На трассе было немало пикетов, куда не могла бы подняться никакая землеройная техника.

Поэтому ямы приходилось рыть вручную, даже в период лютной сибирской зимы, когда промерзший насквозь грунт превращался в некое подобие монолитной скалы.

Подступаться к нему с ломами не имело ни малейшего смысла.

Из положения мы выкручивались следующим образом.

На размеченный поверху контур будущего котлована солдаты укладывали дрова и поджигали их.

Костры поддерживались на протяжении всей ночи.

Утром грунт под пепелищем был доступен для лопат на глубину до 70см.

Выбрав всю оттаявшую землю, снова разводили ночные костры и так «до победного конца».

На подготовку одного котлована уходило, в лучшем случае, 3-4 дня, а то и неделя.

При этом дым от костров поднимался высоко над тайгой и был виден за многие километры.

К нам приезжали обеспокоенные лесники, но всегда удавалось убедить их, что горение контролируется должным образом.

Между прочим, жечь костры приходилось и в летнюю пору, когда жаркое забайкальское солнце прогревало воздух до 40 градусов по Цельсию.

Но даже в такой неистовый зной земля оттаивала всего лишь на метр, а в затененных местах еще меньше. Ниже лежала всё та же плохо доступная для шанцевого инструмента вечная мерзлота.

Имея за плечами этот практический опыт, туго верится, что небольшая группа офицеров смогла бы вырыть морозной сибирской осенью подходящую яму для крупного «золотого» тайника, да еще сделать это в глубокой тайне от остроглазых местных жителей.

Другое дело, если офицеры нашли в дебрях уже готовую яму-выемку или какую-нибудь расщелину. В таком случае они вполне могли перенести туда ящики и забросать их валежником.

Но подобный тайник, да еще вблизи крупного поселка, вряд ли можно считать надежным.

Любой сибирский охотник-следопыт с легкостью обнаружил бы его, притом, что слухи о сокровищах уже обсуждались едва ли не в каждой семье.

Тем не менее, поиски золота с парохода «Пермяк» продолжают в окрестностях Сургута и поныне.

Нет-нет, да и промелькнет в печати сообщение, будто некий охотник обнаружил в тайге земляную «пирамиду» явно искусственного происхождения.

Однако ни одна из подобных сенсаций не принесла еще искателям ни единой золотой монеты царской чеканки.

По другой версии, благородный металл спрятан где-то в окрестностях села Тундрино.

Именно на подходе к этому населенному пункту погода резко испортилась, именно здесь стало ясно, что доплыть до места назначения не удастся.

Поэтому, дескать, здесь, в Тундрино, и было принято решение сгрузить ящики с парохода и спрятать их в тайге.

Но такой вариант снова ставит те же вопросы, что и сургутская версия.

А почему, собственно говоря, команда «Пермяка» должна была прятать золото непосредственно вблизи какой-нибудь деревни, спрашивают иные искатели?

Почти от Остяко-Вогульска и до Тундрино, на протяжении многих верст, тянутся безлюдные, дикие берега, а Обь в своем течение омывает немало необитаемых островков.

Разве не мог один из них стать подходящим хранилищем для драгоценностей?

При таком допущении вероятность «постороннего глаза», конечно, отпадает, однако физической работы немногочисленной офицерской команде прибавляется в несколько раз.

В отсутствии пристани колесный пароход не мог вплотную подойти к острову.

Значит, тяжелые ящики надо было сначала перегрузить в лодки, затем выгрузить на берег и т.д.

Выполнение такого объема работ потребовало бы от людей штабс-капитана Киселева напряженного труда на протяжении, как минимум, нескольких суток.

Однако столь длительная задержка в пути никак не подтверждается графиком движения парохода «Пермяк».

Нет, тут что-то другое.

По мнению ряда исследователей, наиболее перспективными являются две следующие версии.

Первая из них связана с многочасовыми стоянками парохода «Пермяк» в селах Кугаево и Бронниково.

Оба этих населенных пункта находятся в непосредственной близости от Тобольска: Кугаево всего в трех десятках километров ниже по течению, а Бронниково дальше, еще примерно на таком же расстоянии.

Зачем бы «золотому каравану», пустившемуся в дальнейшее плавание по сибирским рекам, буквально сразу же терять драгоценное время на длительные стоянки?

Не потому ли, что золото было снято с парохода именно на этих пристанях?

Как уже отмечалось, белые твердо рассчитывали вернуться в Западную Сибирь.

Поэтому им было даже удобнее спрятать часть золотого запаса здесь же, под Тобольском, а не подвергать его множеству опасных случайностей при дальнейшей перевозке.

Такого рода операция не представляла бы значительной сложности.

В окрестностях Кугаево и Бронниково могли быть заранее приготовлены тайники, а к пристаням, накануне прибытия парохода, стянуты подводы.

Шла война, и обозы с военными грузами на дорогах вблизи Тобольска были вполне обычным явлением.

Не случайно, видимо, и то, что на указанных пристанях борт «Пермяка» покинули банковские служащие.

Ну, а сам пароход, уже с пустыми трюмами, поплыл дальше, выполняя отвлекающий маневр, дабы пустить возможную погоню по ложному следу.

Да и слухи о том, что «Пермяк» везет золото в Томск, скорее всего, распространялись умышленно.

Кстати, в Кугаево сохранилась каменная церковь 17века с подземным ходом, который, как утверждают, выводил на кладбище.

Сейчас это подземелье частично обрушено, притом заполнено ядовитым газом от болотистых испарений.

Но не могло ли оно стать одним из тайников?

По слухам, чекисты расстреляли двух священников этой церкви, после их интенсивных допросов на предмет спрятанных сокровищ.

Вторая версия связана со старинным Иоанно-Введенским женским монастырем, расположенным в 10км от Тобольска в живописной местности, меж двух пологих гор, покрытых густым сосновым лесом.

В период пребывания в Тобольске семьи Романовых монахини на свой страх и риск общались с членами царской фамилии. У них часто бывала игуменья Мария, передавала им послания и продукты, а также тайно выносила из дома по просьбе царя и царицы некоторые ценности.

В 1919 году непосредственно на территории монастыря размещался отряд колчаковцев, причем его довольствие матушка-игуменья приняла на себя.

Известно, что накануне описываемых событий в овраге, за монастырем, проводились какие-то земляные работы.

Монахини видели, как в ту сторону однажды проследовал из города длинный обоз, сопровождаемый вооруженной охраной.

А немного позже на склонах оврага возникла огромная свалка, на что строгое монастырское начальство почему-то взидало сквозь пальцы.

Не под этой ли свалкой таился золотой клад?

Наконец, нельзя исключить вероятность того, что ящики с желтым металлом колчаковцы захоронили где-то вблизи Тобольска, однако церковную утварь, а вместе с ней и ордена действительно отправили на пароходе «Пермяк» в Томск.

Эти ценности, вполне подъемные, команда штабс-капитана Киселева могла спрятать где угодно на 50-километровом отрезке маршрута между Тундрино и Сургутом.

Поиски сокровищ парохода «Пермяк» начались вскоре после завершения Гражданской войны и фактически не прекращались вплоть до настоящего времени.

Кроме самодеятельных искателей, которым нет числа, в этой охоте участвовали и государственные структуры.

Известно, что в период 1923-33 гг. пропавшие ценности настойчиво искали сибирские чекисты.

Они допрашивали монахинь из монастыря, священников из церкви в Кугаево.

Якобы чекистам удалось разыскать кого-то из офицеров «золотого конвоя».

На допросах тот показал, что штабс-капитан Киселев вел подробный дневник экспедиции.

Будто бы удалось обнаружить и сам дневник, который находился у некоего П. Росомехина, являвшегося то ли сотрудником Тюменского ОГПУ, то ли тобольским краеведом.

Однако наличие столь важного документа, похоже, так и не привело к раскрытию тайны сокровищ.

Тем не менее, в ходе этих поисков чекистам удалось разыскать в Тюмени и Тобольске кое-что из драгоценностей царской семьи.

Позднее, уже в 60-х годах, будто бы проводились раскопки, опять же, под контролем КГБ, за Иоанно-Введенским монастырем, на месте бывшей свалки.

Чем они закончились, неизвестно.

В 90-х годах были рассекречены многие документы, касавшиеся деятельности органов госбезопасности, в частности, по Тюменской области, на территории которой находятся все перечисленные населенные пункты.

Однако никакой информации, касающейся поисков сокровищ парохода «Пермяк», в этих документах не содержится, как нет и упоминаний о дневнике штабс-капитана Киселева.

Что ж, есть тайны, которые вообще не подлежат разглашению.

Как бы там ни было, но пропавшие сокровища упорно ищут и поныне.

* * *

Что касается сибирских орденов, то вокруг них образовался еще более плотный ореол загадок.

Некоторые исследователи считают, что процесс изготовления орденов чрезмерно затянулся, а затем и вовсе был прекращен, ввиду тяжелого положения белой армии. Сибирское

правительство успело получить в полном виде лишь орденскую ленту, заказанную в Японии. Реально же существовали только опытные образцы наград, а также несколько пробных комплектов.

По мнению других специалистов, ордена все же были изготовлены в запланированном количестве и даже вручены отдельным отличившимся лицам.

Так или иначе, но до сих пор не найдено ни одного экземпляра этого уникального раритета.

Сохранились лишь эскизы, рисунки, описания, а также фотографии.

На одном из уцелевших снимков запечатлен стенд с полным набором орденов, которые якобы экспонировались в начале 30-х годов в Новосибирском музее.

Но затем директор музея, опасаясь репрессий «за пропаганду белогвардейщины», будто бы распорядился тайно уничтожить эти знаки отличия, а заодно все касавшиеся их письменные источники.

Позднее ходили упорные слухи, что один из сибирских орденов якобы хранится в запасниках то ли Русского музея, то ли Эрмитажа, но и они, эти слухи, не получили подтверждения.

Обнаружение знака отличия Временного правительства Сибири, хотя бы в единственном числе, стало бы подлинной сенсацией среди исследователей и всех, кто интересуется отечественной историей.

Глава 2 Большое золото Карфагена

Богатейшим городом древнего мира был Карфаген, собственно Кар-Хадашт, что по финикийски означало Новгород, раскинувшийся на африканском берегу Средиземного моря, южнее Сицилии.

Основали его в 814 году до н.э. финикийцы, считавшиеся лучшими купцами и мореходами античных времен.

Выбранное место оказалось исключительно удачным: гористый, далеко выступавший в море полуостров, соединенный с материком узким перешейком, был идеально защищен самой природой от нападения с суши. Глубоководная бухта позволяла обустроить удобные пристани, рядом лежали плодородные земли, источники пресной воды.

По морю сюда везли хлеб и олово, соль и серебро, ткани и медь. Из Египта и Мавритании, из глубин Центральной Африки шли караваны с золотом, слоновой костью, шкурами диких животных. В Карфагене эти товары перепродавались, снова грузились на корабли и перевозились по всему Средиземноморью.

Город быстро рос и богател, украшался многоэтажными домами и великолепными храмами.

Главным карфагенским божеством считалась великая мать, богиня луны, плодородия и любви Танит – модификация финикийской Астарты. Другим высокочтимым божеством был Ваал (Молох), он же Грозный Хозяин, изображавшийся стариком с бараньими рогами во лбу.

У карфагенян дольше, чем у других народов древности, сохранялся культ человеческих жертвоприношений. Здесь умертвляли перед ликом бога Ваала собственных детей-первенцев, при этом богачи покупали младенцев для страшного ритуала у бедноты.

В обыденной жизни карфагеняне не отличались воинственностью.

Они предпочитали платить дань соседним царькам, чем отстаивать свои интересы с оружием в руках.

Но примерно к 600 году до н.э. Карфаген накопил столько богатств, что обзавелся крупной наемной армией. В ее рядах можно было встретить и греков, и галлов, и иберийцев, и кельтов, и ливийцев, и нумидийцев, но все командные должности занимали коренные карфагеняне.

Благодаря наемникам-чужеземцам, Карфаген не только избавился от необходимости выплачивать дань соседним племенам, но и покорил эти народы, а также распространил свою власть на Южную Испанию, Корсику, Сардинию, западную половину Сицилии.

Постепенно сложилось обширное, богатое и сильное Финикийское государство с центром в Карфагене.

Власти и впредь не жалели средств для усиления наемной армии.

Опытные инженеры создавали разного рода метательные машины, катапульты и баллисты, средства связи.

Грозной силой на поле боя были несколько сотен обученных боевых слонов – этих живых танков античного мира.

Не имел себе равных карфагенский военный флот, основу которого составляли пентеры – крупные корабли с пятью рядами весел.

К началу 3 века до н.э. Карфаген утвердил свое господство во всем западном Средиземноморье.

Тем временем Рим боролся со своими врагами на Востоке.

До поры до времени интересы двух могущественных государств не пересекались.

Конфликт возник из-за Сицилии.

Отдельные стычки на суше и на море переросли в череду войн, получивших название Пунических (римляне именовали карфагенян пунами), которые продолжались с перерывами более века.

1-ая Пуническая война, не слишком удачная для Карфагена, закончилась, тем не менее, миром на относительно приемлемых для финикийцев условиях.

Карфаген снова быстро разбогател, наполнил свою казну и подготовился к новой, 2-ой Пунической войне, в которой блеснули своими талантами выдающиеся полководцы Гамилькар, Газдрубал – его зять и Ганнибал, сын Гамилькара.

Но, в конечном итоге, римляне перехватили инициативу и после 17-летней упорной борьбы вынудили Карфаген к капитуляции.

На этот раз финикийцы лишались многих колоний, должны были распустить армию и военный флот, отдать победителям боевых слонов и т.д.

Кроме того, в течение 50 лет Карфаген обязан был выплатить Риму 10тыс. талантов контрибуции, то есть, почти 300 тонн чистого серебра!

Любой город античного мира, обложенный такой данью, разорился бы, но только не Карфаген!

В течение первых 14 лет Карфаген исправно расплачивался ежегодно, а затем выплатил оставшийся гигантский долг досрочно, в один прием!

При этом его обитатели не облагались никакими дополнительными налогами, расчет был произведен из государственной казны.

Несмотря на поражение в двух войнах, Карфаген полностью восстановил свой статус богатейшего города мира.

Его хранилища ломились от драгоценного металла, плитами из чистого золота украшали даже стены дворцов и храмов.

Богатый, но фактически беззащитный город, возбуждал зависть у соседних кочевых племен, которые регулярно грабили его земли.

Карфагену не оставалось ничего другого, как посылать жалобы в Рим, но тамошний сенат неизменно брал сторону обидчиков своего недавнего врага.

Наконец, терпение карфагенян лопнуло, и они, нарушив договор, набрали армию в 50тыс. воинов.

В Риме к тому времени прославился сенатор Марк Катон, который всякое свое выступление, даже на совершенно отвлеченную тему, непременно завершал фразой: Впрочем, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен!

Весть о том, что ненавистный город снова обзавелся крупной наемной армией, дала толчок 3-ей Пунической войне (149-146гг. до н.э.).

Рим направил к берегам Африки карательную экспедицию во главе с консулами.

Подступив к стенам города, консулы потребовали, чтобы карфагеняне сдали все оружие и все военные запасы.

Перепуганные финикийцы безропотно повиновались, но консул Люций Цензорин заявил, что этого уже недостаточно. Он повелел, чтобы жители города срыли Карфаген собственными руками и переселились на новое место, не ближе, чем за 14 верст от моря.

Римлянам казалось, что дух горожан, лишившихся не только наемной армии, но и всех запасов оружия, сломлен окончательно.

Никто из римлян и предположить не мог, что требование уничтожить родной город пробудит в сердцах всех без исключения карфагенян отчаянную жажду сопротивления.

Они поклялись защищаться до последней крайности, а чтобы усыпить бдительность врага, смиренно обратились с просьбой о 30-дневной отсрочке, на что консулы, видя их покорность, согласились.

Все эти 30 суток, дни и ночи напролет, карфагеняне готовились к обороне.

Мастера ковали оружие, инженеры сооружали метательные машины, женщины обрезали свои волосы и вили из них тетивы для луков, простой люд разбирал общественные здания и переносил камни и бревна на городские стены

Командовать обороной был поставлен опытный военачальник Газдрубал.

И вот что показательно: ни одного предателя, ни одного перебежчика не оказалось среди 700-тысячного населения Карфагена!

Поэтому всё, происходившее за стенами города, оставалось для римлян тайной до последнего дня!

Три года продолжалась оборона Карфагена.

Лишь весной 146 года, когда вследствие голода и болезней силы защитников были уже истощены, римлянам удалось ворваться за стены.

Но еще шесть дней карфагеняне сражались за каждую улицу, каждый дом.

Последние защитники во главе с Газдрубалом заперлись в храме Бога благодарения и сами же подожгли его, не желая сдаваться врагу.

В последнюю минуту Газдрубал все же дрогнул и выбежал из объятых пламенем здания.

Тогда его жена, назвав мужа предателем, бросила в огонь своих малолетних сыновей и ринулась вслед за ними сама.

По указанию римского сената город был разрушен до основания, а место его расположения объявлялось проклятым.

Вместе с тем, не оправдались надежды римлян на богатую добычу.

Золотохранилища Карфагена, сокровищницы его храмов, сундуки богатейших купцов были пусты.

Осажденные успели спрятать ценности в надежных тайниках.

Золото Карфагена пытались найти еще римские императоры.

Известно, в частности, что к императору Нерону приходил некий римский всадник, сообщивший, что видел на пепелище Карфагена вход в глубокую пещеру, набитую золотом, но не отважился притронуться к тому, опасаясь искусно замаскированной ловушки.

Нерон направил туда экспедицию, которая, однако, ничего не нашла.

Всадник оправдывался тем, что был околдован, и оттого запомнил точное местоположение прохода в пещеру.

Поиски золота Карфагена продолжались и позднее.

В середине 20-го столетия генерал Дюваль проводил раскопки древнего города и обнаружил среди развалин храма глиняные таблички.

Расшифрованные лишь недавно надписи на них подтвердили, что накануне осады власти распорядились зарыть городскую казну.

И хотя координаты тайника не указаны, ясно, что он находился где-то внутри городских стен, общая длина которых превышала 37км.

На легендарном полуострове побывало уже немало археологических экспедиций и, наверное, еще больше черных следопытов.

Сделано множество интересных исторических находок, обнаружено немало бесценных артефактов, но большое золото Карфагена еще ждет удачливого искателя.

Глаза 3 Партизанское золото Южной Африки

СОКРОВИЩА РАНДА

Драконовы горы, расположенные на юго-востоке Африки, спускаются в сторону континента пологими обширными плато, которые здесь называют вельдами. Одно из них – плато Высокий Вельд – пересечено хребтом Витватерсранд (Хребет Белых Вод на языке африкаанс), или просто Ранд.

Этот хребет, как и раскинувшаяся к северу от него котловина Бушвельд, являются природнымместилищем несметных богатств, перед блеском которых меркнут сокровищницы всего мира.

На протяжении тысячелетий сокровища Ранда лежали нетронутыми.

Но в начале 19-го века сюда пришли буры – потомки голландских переселенцев, вытесненные из прибрежной Капской колонии англичанами. На новом месте буры создали две пасторальные республики – Трансвааль и Свободное Оранжевое государство (по названию реки Оранжевой).

Переселенцы занялись фермерством, даже не подозревая, что буквально ходят по золоту и алмазам.

Перемены берут отсчет от 1869 года, когда в районе Кимберли был найден крупный алмаз. Еще через два года здесь была открыта так называемая кимберлитовая трубка – первое в мире коренное месторождение алмазов.

Но это было только начало.

В 1886 году было открыто большое золото Центрального Ранда, крупнейшее месторождение желтого металла за всю историю человечества, залегающее здесь в масштабах, превосходящих полет самого смелого воображения!

Если вся Калифорния с ее знаменитой Материнской жилой дала старателям 3 тыс. тонн желтого металла, то Центральный Ранд накопил в своем чреве более 70 тыс. тонн золота!

МЕТАЛЛ РАЗДОРОВ И БЕДСТВИЙ

В 1898 году в Трансваале добывали золота больше, чем в России, Америке и Австралии вместе взятыми.

Однако бурский президент Пауль Крюгер (1825-1904), которого соотечественники почтительно именовали дядюшкой и папашей, сетовал: Не говорите мне о золоте! Это металл, от которого получают меньше прибыли, чем раздоров, несчастий и бедствий. Я говорю вам: каждая унция, извлеченная из нашей земли, повлечет за собой потоки слез и крови тысяч лучших из нас.

Папаша как в воду глядел.

Могла ли смириться Великобритания, чьи колонии со всех сторон подступали к границам бурских республик, что купоны от невероятных потоков золота и алмазов будут стричь другие?

11 октября 1899 года британские войска вторглись в бурские республики.

Но англичане, рассчитывавшие на увеселительную прогулку, жестоко просчитались.

Буры сами перешли в наступление и блокировали английские гарнизоны, взяв в плен сотни захватчиков.

ПРАВИТЕЛЬСТВО НА КОЛЕСАХ

Генералам в Лондоне пришлось спешно перебрасывать из Индии свежие части. Был назначен новый командующий, штаб которого разработал крупную фланговую операцию.

Вместе с тем, к бурам со всего мира стекались волонтеры, среди которых было и немало русских.

И всё же ситуация постепенно менялась в пользу англичан.

Буры вынуждены были перейти к партизанской тактике, что требовало немалых средств.

На монетном дворе в Претории чеканили золотые монеты, которые затем перевозились в казначейство, откуда распределялись по воинским частям.

И всё же англичане, имея преимущество в живой силе и технике, неуклонно наступали. В конце мая 1900 года они уже угрожали Претории.

Правительство Крюгера переехало в местечко Машадодорп неподалеку от границы с Мозамбиком – владением Португалии, которая сочувственно относилась к борьбе буров.

Все бурские государственные учреждения были размещены в железнодорожных вагонах, образовав своего рода правительство на колесах.

Монетный двор в Претории последним поездом отправил в Машадодорп, кроме монет, слитки золота высокой пробы, еще не отштампованные заготовки для монет, а также прокатанные листы золота. Товарные вагоны с прибывшими активами были помещены на запасных путях под надежной охраной.

По оценкам специалистов, золотой запас правительства на колесах составлял свыше 3 млн. фунтов стерлингов золотом – сумма по тем временам баснословная.

Но бурам для военных закупок требовалось не золото само по себе, а живые деньги.

Тем временем войска англичан приближались к Машадодорпу.

ВЫНУЖДЕННАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ

В 1900 году Крюгеру исполнилось 75 лет. Преклонный возраст и болезни препятствовали ему оперативно руководить партизанской борьбой.

Было решено, что дядюшка отправиться через Мозамбик в Европу, где попытается склонить крупные державы к политическому давлению на Великобританию. Кроме того, Крюгер увозил с собой часть золотого запаса. Основные же активы государственной казны надлежало спрятать в надежном тайнике.

По ночам к вагонам подъезжали крытые повозки, загружались тяжелыми ящиками и снова исчезали в окружающей темноте под охраной молчаливых всадников.

Между тем, Крюгер прибыл в Мозамбик, имея при себе более тридцати ящиков с не отштампованными золотыми монетами.

Обменяв половину этого золота на деньги, он отправил часть вырученных средств на родину, после чего сел на корабль, присланный за ним властями Нидерландов, и отбыл в далекую Европу. Деньги, которые оставались при нем, он рассчитывал истратить на закупку вооружения и вербовку волонтеров.

Тем временем, англичане взяли Машадодорп, обнаружив на разбитых путях лишь пустые товарные вагоны.

По всей республике развернулась партизанская война.

Летучие конные отряды буров совершали внезапные рейды и диверсии на коммуникациях, а затем исчезали, словно призраки.

Масштаб этих действий, которые велись на протяжении многих месяцев, доказывает, что в финансах для ведения борьбы буры недостатка не испытывали.

Взбешенные неудачами англичане перешли к тактике выжженной земли и начали строить концлагеря, куда сгоняли не только пленных партизан, но и членов их семей, включая детей.

К этому времени в вихре войны уже погибло 22 тысячи английских военнослужащих и 24 тысячи буров. Но если могучая Британская империя всё же могла восполнять свои потери, то крошечные по численности бурского населения республики уже истекали последней кровью.

Вдобавок, европейские державы не захотели портить отношений с Великобританией и отказали Крюгеру в поддержке.

В этих условиях в мае 1902 года буры вынуждены были подписать договор, по которому они теряли независимость и переходили под управление Британской империи, ставшей после этого почти монопольным поставщиком золота на мировой рынок.

ЗАГАДКА ФИЛИППА ШВАРЦА

Вскоре после смерти Крюгера, последовавшей 14 июля 1904 года в Швейцарии, начались поиски пещеры сокровищ.

Все связанные с ней факты, слухи и предания собрал позднее южноафриканский этнограф Лоуренс Грин, выпустивший книгу Странное богатство.

Одна из наиболее популярных версий вращается вокруг некоего Филиппа Шварца.

Вскоре после войны к полковнику Треву, отвечавшему за порядок в своем районе, обратился Филипп Шварц с ходатайством о разрешении на раскопки в Лоувельде. Отвечая на расспросы полковника, Шварц якобы признался, что рассчитывает найти золото Крюгера, поскольку сам когда-то помогал прятать его.

На поиски Шварц уехал вместе с компаньонами, одного из которых звали Ван Никерк. Маленькая экспедиция несколько раз выходила в предгорья, а затем вдруг куда-то исчезла.

Позже в полицию обратилась жена Ван Никерка, заявив о пропаже своего мужа. Она сообщила также, что на днях к ней приходил Филипп Шварц, рассказавший какую-то путаную историю о гибели ее мужа в результате несчастного случая.

Вскоре полицейский патруль обнаружил в пустыне изгрызенный шакалами труп молодого мужчины. По серебряному перстню-печатке с гравировкой CvN женщина опознала своего пропавшего мужа.

Полиция, у которой появились вопросы к Шварцу, нашла его в Питерсбургском госпитале, где тот лежал с малярией.

К палате приставили охрану.

Известно, что Шварца навещал английский офицер, и что их беседа длилась несколько часов.

После выздоровления Шварц предстал перед судом, был обвинен в убийстве и приговорен к повешению.

Много лет спустя, полковник Трев лично рассказал эту историю Лоуренсу Грину.

По словам Трева, адвокат Шварца признался позднее, что задаток за защиту подсудимого ему вручил человек, не назвавший себя. Это были довоенные золотые монеты, от которых шел въевшийся запах сырой земли.

Так может, Шварц с компаньонами всё же нашли золото, но насмерть перессорились при дележке?

ПАРУСНИК-ПРИЗРАК

Но есть и другие версии о судьбе пропавшего золота.

Якобы, в тот период, когда Крюгер находился в Мозамбике, от глухого уголка побережья провинции Наталь отчалил парусник Доротея, взяв курс на Голландию.

По другим сведениям, Доротея потерпела крушение еще в 1898 году и, следовательно, никак не могла находиться в плавании в 1900-м году.

Но ведь парусник, который, скорее всего, вез в Европу золото дядюшки Крюгера, мог быть попросту замаскирован под затонувшее судно. Целью этого маскарада было вызвать противоречивые толки и сомнения, что удалось в полной мере.

Однофамилец Лоуренса Грина, редактор Новостей Претории Джеймс Грин провел детальное изучение затрат бурского правительства на военные действия и установил факт существования не менее полутора миллионов неизрасходованных фунтов стерлингов.

Судьба партизанского золота буров до сих пор остается одной из волнующих загадок той эпохи.

Глава 4 Клады Великой Перми

С середины 18 века в Прикамье крестьяне, ведя полевые работы, начали находить, причем во множестве, богатые клады, преимущественно серебряные, реже медные и бронзовые.

Это были блюда и кувшины, чаши и кубки, вазы и ковши, украшенные затейливой рельефной чеканкой, изображавшей неведомых правителей с клинообразными бородами, диковинных зверей, фантастических птиц и т.д.

Судя по всему, эти изделия, нередко покрытые искусно выполненной позолотой, пролежали в земле не одно столетие.

Отчего же древние тайники оставались нетронутыми столь длительное время?

В поисках ответа вернемся на несколько веков назад.

В 1558 году царь Иван Грозный пожаловал Аникею Строганову и его преемникам обширные Пермские владения по рекам Каме и Чусовой.

Позднее одна из ветвей Строгановых – богатых вотчинников, промышленников и торговцев – переселилась в Сольвычегодск. В распоряжении семьи оказалось более 10млн. десятин земли, но для развития сверхприбыльного солеварения и прочих промыслов катастрофически не хватало рабочих рук. Привлекая различными льготами и обещаниями русских людей, Строгановы приступили к освоению прибрежных полос Камы, Чусовой и других рек. Постепенно в Пермском крае появились 20 городов и «острогов», ряд монастырей, свыше 200 деревень, где лиц только мужского пола насчитывалось 15тыс. душ. Вот им-то, этим крепостным крестьянам Строгановых, обживавшим незаселенные территории, и выпала роль невольных кладоискателей.

Первая ценная находка была сделана в 1750 году, близ деревни Слудка на берегу Камы. Вскоре в окрестностях этого же поселения обнаружили еще несколько кладов.

В последующем выпадали периоды, когда крупные сокровищницы находили на пермских землях ежегодно.

Строгановы без промедления организовали скупку старинного серебра. Их агенты разъезжали под видом мелких торговцев по самым отдаленным деревням, вызывая, не находил ли кто из крестьян серебряной утвари.

С.Строганов писал, давая указание управляющему своего пермского имения:

«Прошу вас на будущее извещать прямо меня обо всех находках, и не только о серебряных, но и о медных вещах, особенно с изображением чудских богов, ибо медные вещи, смотря по их значимости, могут мною быть оценены не ниже серебряных».

При этом агенты, обманывая малограмотных крестьян, скупали у них уникальные раритеты за бесценок.

Люди, однако, быстро поняли, что найденные блюда и кувшины стоят много дороже и, утаивая их от скупщиков, посланных Строгановыми, продавали сокровища иностранным купцам, которые приезжали в Пермский край за пушниной. Нередко для удобства продажи изделия переплавлялись в слитки.

Купцы, в свою очередь, перепродавали свою добычу состоятельным любителям старины либо же сбывали ее ювелирам в качестве серебряного лома.

Утверждают, что чердынский купец В.Алин на одной только перепродаже серебряных слитков, полученных путем переплавки древних сосудов, составил целое состояние.

Огромная масса серебряных предметов, найденных по берегам Камы и Чусовой, поступала на знаменитую Нижегородскую ярмарку.

По самым скромным подсчетам, общий вес серебряных изделий, извлеченных из пермской земли в 18-19вв., исчислялся многими тысячами пудов.

КАМСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ

Самое удивительное, однако, заключалось в том, что значительная часть серебряных находок была родом из Персии, причем датировалась 3-7вв., когда в далекой стране правила династия Сасанидов.

Сасаниды утвердили в Персии в качестве государственной религии зороастризм, основная идея которого – зависимость миропорядка от борьбы добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти.

При Сасанидах высочайшего развития достигли ремесла, включая торевтику – искусство ручной рельефной обработки художественных изделий из металла.

Тогда же персидские купцы проложили путь на Север – через Волжскую Булгарию в загадочную страну Биармию, или Великую Пермь, как позднее называли ее на Руси. Караваны шли один за другим.

Современные археологи доказали, что Камский торговый путь и в древности, и в средневековье отличался оживленностью и был насыщен товарами со всего света.

Персы покупали в Биармии пушнину, столь ценимую на Востоке, а рассчитывались серебряными монетами и изделиями, пользовавшимися высоким спросом у местных племен.

Жители Биармии поклонялись богу Юмале, поднося ему в дар различные предметы из серебра. В старинных скандинавских, арабских и византийских хрониках нередко встречаются упоминания о святилищах, свойственных этому краю, святилищах с деревянными скульптурами божеств, державших в руках огромные подносы, наполненные серебряными монетами.

Одно из божеств аборигены отождествляли с солнцем, своеобразным аналогом которого при совершении религиозных обрядов как раз и выступали сверкавшие серебряные с позолотой блюда из далекой Персии. Об этом свидетельствуют пробитые в блюдах отверстия, служившие для подвешивания этих дисков. Кроме того, на блюдах сохранились магические знаки, нацарапанные пермскими шаманами.

В 651 году империя Сасанидов была завоевана арабами. Персидское искусство чеканки пришло в упадок. Тем не менее, приток иранского серебра в Прикамье не ослабевал на протяжении еще нескольких столетий. Разграбленные богатства Сасанидов разошлись по всему Востоку, и теперь эти серебряные изделия везли в пермские леса арабские, хорезмийские и византийские купцы.

Таким образом, уникальные серебряные раритеты, в значительной степени принадлежавшие временам правления Сасанидов, аккумулировались в Пермском крае на протяжении целой исторической эпохи.

Благородный металл скапливался, как в святилищах, так и в семьях.

Среди состоятельных пермяков существовал обычай зарывать в землю часть своего наследия, в надежде, что это пригодится в загробной жизни.

По этой причине на территории Прикамья образовалось несметное количество кладов, которые веками лежали нетронутыми.

И только с появлением переселенцев, в особенности после того, как они приступили к обработке земли, старинные тайники начали открываться один за другим.

УНИКАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Сасанидское серебро продолжали находить в Прикамье и в 20 веке.

Летом 1929 года близ деревни Турушево откопали клад, среди предметов которого было серебряное блюдо, получившее название «Бахрам Али и Азадэ».

В 1936 году у деревни Большелашковской обнаружили блюдо с изображением шахиншаха Персии Пероза.

Лик другого персидского владыки из династии Сасанидов Хосрова I запечатлен на блюде, извлеченном из-под земли в 1957 году в окрестностях деревни Аниковской.

Вообще, сюжеты древних персидских мастеров-чеканщиков преисполнены символики.

В основном, это сцены из эпоса, эпизоды охоты, пиршества, культовых плясок, изображение мифических существ древнеиранского пантеона.

Царская охота, к примеру, олицетворяла высшие божественные достоинства царя. Единоборство со львом подчеркивало силу его власти, борьба с диким вепрем – победоносность и удачу.

Согласно назиданиям жрецов зороастризма, истинный праведник должен был посвятить треть своей жизни пирам, охоте и забавам, остальные две трети – постижению мудрости благочестивых мужей и возделыванию земли.

На основании новых находок, а также сосудов из собраний Строгановых и Юсуповых, в Эрмитаже постепенно сформировалась коллекция «Сасанидское серебро», которая насчитывает 50 предметов и является лучшей в мире.

Достаточно сказать, что в самом Иране серебряных изделий эпохи Сасанидов экспонируется не более десяти, а в музеях Франции, Великобритании и США их и вовсе единицы.

По мнению исследователей, пермская земля хранит еще немало старинных серебряных кладов.

Быть может, нас ожидают сенсационные археологические открытия

Раздел "Это Азия-с!"

Глава 1 Тонкости титулов

Отрывок из эпоса "Звездочеты"

Пышные восточные титулы – хан, шах, падишах, султан, эмир, бек – большинством европейцев воспринимаются как синонимы.

Однако между ними, этими титулами, есть существенные различия.

Ханом в эпоху Тимура могли именоваться только потомки Чингисхана.

Этот титул считался наиболее знатным, его нельзя было купить, заслужить, присвоить, а можно было получить лишь по праву рождения.

Позднее, когда Тимур достиг зенита славы и могущества, нашлись придворные угодники, по поручению которых была составлена фальшивая генеалогическая схема, возводившая линию предков Тимура к одному из близких родственников Чингисхана.

Однако же сам Тимур отверг эти сомнительные изыскания.

В фальшивой славе он не нуждался, ему было достаточно той, которую он завоевал своим мечом.

Тимур вполне довольствовался титулом эмир (по-арабски амир), принятом во многих мусульманских странах, но имевшим в разных местах свои оттенки.

В военизированной державе Тимура этот титул чаще ассоциировался с понятием военачальник, полководец. Эмиров было много. Но Тимур стал единственным великим эмиром, то есть, великим полководцем, и гордился этим титулом.

Если стать ханом по желанию было невозможно, то отнюдь не возбранялось стать ханским зятем – гурганом, для чего требовалось взять в свой дом его дочь.

Что и сделал Тимур, женившись на дочери хана Казагана, которую звали Сарай-Мулькхатун.

Титул гурган также считался в высшей степени почетным, предметом гордости того, кто его носил.

Великий эмир и гурган – в большинстве средневековых хроник имени Тимура сопутствуют именно эти два титула.

Следует отметить и то обстоятельство, что Тимур формально не являлся первым лицом в государстве. Еще бытовала монгольская традиция, и Тимур не стал ее отменять (это сделают его потомки), согласно которой на престоле в обязательном порядке полагалось восседать хану-чингизиду.

Тимур и посадил на трон хана-бездельника, давно уже утратившего реальную власть, да и не претендующего на нее. Однако монеты чеканились с профилем этого хана, а его имя первым произносилось на пятничных молитвах. Вместе с тем, вздумай этот хан по глупости качать права, как был бы незамедлительно сброшен с трона и заменен на более покладистого преемника.

Похожий порядок позднее существовал в Советском Союзе, когда по конституции первым лицом государства считался Председатель Верховного Совета, но вся полнота реальной власти принадлежала генеральному секретарю партии.

Вот и Тимур был своего рода генсеком военной партии.

В сочинениях, принадлежавших перу иранских и европейских хронистов, Тимура нередко именуют также султаном и падишахом в значении монарх.

А кастильский посол Руи Гонсалес де Клавихо называет его в своих записках совсем уж невообразимым титулом – великий сеньор Тамурбек.

Сам Тимур пользовался королевскими титулами чрезвычайно редко, да и то лишь при внешних сношениях.

Один такой случай произошел в 1391 году, когда Тимур двинулся через казахские степи в поход на Золотую Орду, к Самарской излучине.

Где-то на середине пути он совершил странный ритуал, до сих пор не разгаданный историками.

Поднявшись на вершину горы Улуг-таг, он осмотрелся с высоты, а затем велел высечь на заprimeченном здесь же камне надпись на уйгурском и арабском языках, извещавшую о том, что в год овцы *султан* Тимур отправился с двумястами тысячами воинов, имени своего ради, по кровь Тохтамыш хана.

Этот камень обнаружили только в 30-х годах прошлого века и отправили в Эрмитаж, где его можно увидеть и сегодня в одном из восточных залов.

Итак, в своих владениях Тимур именовался, как правило, двумя титулами, которыми сам он дорожил в равной степени, - великий эмир и гурган.

Его потомков стали называть эмир-заде, то есть, сын эмира, а сокращенно мирза.

Титул мирза носил и Улугбек.

Вообще-то, настоящее имя Улугбека, полученное им при рождении, было Мухаммед Тарагай.

Между прочим, факту рождения этого младенца обязаны своими жизнями десятки тысяч жителей города Мардина в Ближней Азии, которых Тимур уже готов был предать лютой казни за их сопротивление. И как раз тут прискакал гонец, сообщивший, что у Гаухар-Шад, жены Шахруха, родился мальчик.

Тимур, лелеявший мечту о переустройстве мира под эгидой своей Семьи, настолько обрадовался, что не только помиловал обреченных горожан, но и велел вернуть им все отобранное имущество.

В практике Тимура этот случай стал единственным в своем роде.

Маленького Мухаммеда Тарагая тут же забрали у его матери, и в последующем он воспитывался при дворе Тимура под надзором его бабки Сарай-Мульк-хатун, ханской дочери.

Из множества внуков, которые точно так же воспитывались при дворе в Самарканде, Тимур почему-то выделял именно этого мальчика. Когда тот подрос, великий эмир в свободное время мог часами беседовать с ним.

Заметив это, придворные, дабы угодить Тимуру, стали называть мальчика Улугбеком, то есть, великим господином.

Возможно, поначалу такое прозвище имело легкий ироничный оттенок, но со временем оно закрепилось при дворе и сопровождало Улугбека до самой смерти, фактически став его именем, под которым он и вошел в историю.

Когда Улугбеку исполнилось десять, Тимур устроил пышную, хотя и символическую свадьбу для него и еще девяти других своих внуков. При этом Улугбек получил в жены ханскую дочь, а вместе с ней и право именоваться отныне гурганом. Между прочим, Улугбек настолько дорожил этим титулом, что даже подписал им главный труд своей жизни – Звездные таблицы (Зидж-и джедид-и Гургани).

Но увлечение астрономией придет еще нескоро.

А весной 1409 года собственное прозвище Улугбек – великий господин казалось 15-летнему юноше, скорее, издевательским.

Ведь его отец Шахрух, поставив сына наместником в Самарканде, ограничил его во всем, фактически передав реальную власть в руки двух опекунов – эмиров Шах-Малика и Шейх-Нуреддина.

Конечно, опекуны внешне демонстрировали по отношению к молодому мирзе предельную лояльность и всемерное почитание, но делали все по-своему.

А Улугбек уже томился мечтой, нет, пока еще не о звездах, а о военных походах, о победах, о славе, о повторении того пути, который проделал его знаменитый дед.

Остро переживая свою зависимость, юноша нередко уединялся в часы отчаяния в высочайшей библиотеке.

Что же это была за библиотека? Действительно ли книги, собранные в Голубом дворце, являлись бесценной сокровищницей мысли?

Сохранилось указание Тимура, где говорилось: Я протягивал руку помощи путешественникам всех областей и всех государств, чтобы иметь известия о чужеземных царствах, я посылал во все страны купцов и начальников караванов, приказывая им привозить мне самые редкие вещи, которые можно встретить в Хотане, Китае, Индостане, городах Египта, Аравии, Сирии, Рума и даже на острове Франков

Несомненно, что под редкими вещами подразумевались и книги.

Приведенную фразу следует понимать так, что купцы и начальники караванов должны были привозить в Самарканд книги из тех стран, с которыми Тимур поддерживал мирные отношения, ну, а на оккупированных территориях он сам брал, что хотел.

Каковы же были личные приоритеты Тимура в сфере человеческих знаний, запечатленных в книгах?

Уже говорилось, что из светских наук Тимур отдавал предпочтение истории и сам хорошо ее знал.

Вместе с тем, он вообще ценил всякие знания, особенно, если они могли принести практическую пользу. Он поддерживал ученых, занимавшихся медициной, математикой, астрономией. Еще одним предметом его постоянных интересов были архитектура, ведь Тимур задумал сделать свою столицу Самарканд самым блистательным городом мира, окружив его кольцом городов-спутников, каждый из которых носил имя той или иной мировой столицы.

Историки, утверждавшие, что Тимур не умел читать, тут же сообщают, что он производил впечатление человека образованного, и что держал при себе чтецов рассказов (касса-хан), которые читали ему различные сочинения в часы досуга полководца.

Но даже если он так и не сумел, при всех своих талантах, овладеть грамотой, то уж точно хотел видеть образованными не только своих детей и внуков, но и последующие семьсот поколений своих потомков.

Стало быть, стимул систематически собирать по всему миру книги, у него был серьезный.

У Тимура было более тридцати только законных внуков (а уже подрастали и правнуки), и к каждому из них был приставлен воспитатель. Известно, что воспитанием Улугбека в его детские и отроческие годы занимался Ариф Азари, талантливый и высокообразованный поэт.

Вообще, в Кок-сарай – Голубом дворце сложилась своеобразная академия, в которой и получали образование наследники Тимура.

Важной частью этой школы была высочайшая библиотека.

Зная ненасытные аппетиты великого эмира касательно всего, за что бы он ни брался, нетрудно предположить, что масштабы этой библиотеки тоже были поистине тимуровскими.

Речь должна идти, несомненно, о десятках тысяч томов и рукописей, в том числе редчайших, уникальных, включая те, что принадлежали перу античных авторов и считались в Европе утерянными.

Причем в этом собрании были представлены все разделы знаний: от истории и математики до астрологии и мистики.

Общение с книгами помогало любознательному парню, мечтавшему о ярких событиях, легче переносить свое подчиненное положение.

В этот же период сформировалось его острое стремление к личной свободе и независимости.

Между тем, ситуация вокруг юного мирзы стремительно менялась.

Дальновидный Шахрух вовсе не случайно приставил к нему именно двух опекунов, да еще из числа тех, между которыми пробежала черная кошка.

Оба опекуна мастерски подсиживали друг друга, каждый из них скрытно доносил в Герат на второго, и это ни для кого не было тайной.

Противоречия между двумя эмирами постепенно переросли в открытую вражду.

Наконец, Шах-Малик путем подкупа устроил так, что его соперник был убит своим же нукером.

Отрубленную голову Шейх-Нуреддина, обвинив того в измене, Малик возложил к ногам Шахруха, который как раз прибыл в Самарканд.

Но уловка не сработала.

Шахрух разгневался и отправил Шах-Малика в изгнание.

Так уж совпало, что именно к этому времени Улугбек достиг совершеннолетия.

И вот сбылась его заветная мечта: он стал не номинальным, а фактическим хозяином Самарканда!

Глава 2 Ташкент до прихода Российской Империи

отрывок из своей книги «Тайны и легенды древнего края» изданной не так давно.

«В первой половине XIX столетия некогда независимый Ташкент стал яблоком раздора между Кокандским и Бухарским ханствами. Борьба за обладание крупнейшим городом Средней Азии шла с переменным успехом. Несмотря на отчаянное сопротивление и неоднократные попытки ташкентцев освободиться от власти бухарского эмира или кокандского хана, сопротивление было сломлено и уже в начале 1850-х годов бывшая вотчина хакима Юнус-ходжи стала областным центром Кокандского ханства.

В ту пору город имел 12 ворот и разделялся на четыре части, носившие названия Шейхантаур, Сибзар, Кукча и Беш-Агач. Каждая часть Ташкента имела собственные ворота. К одной части относились ворота (дарваза) Лабзак, Тахтапуль и Кара-сарай, к другой – Сагбан, Чагатай и Кукча. Обе эти территории находились по одну сторону арыка Боз-су, вытекавшего из реки Чирчик и снабжавшего водой весь город. Упомянутые части разделялись между собой улицей Сагбан.

Ворота же Самарканд, Камалан и Беш-Агач были причислены к третьей части города, отделявшейся от четвертой улицей Беш-Агач. Последняя часть Ташкента тоже имела собственные ворота, именовавшиеся Коймас, Коканд и Кашгар. По приблизительным подсчетам в городе имелось 20000 домов, которые населяли 150000 жителей.

Соответственно кокандским традициям во главе городской администрации стоял бек (или хаким), распоряжавшийся всеми доходами и обладавший безграничной властью. Эту должность обычно занимал один из родственников хана или ближайших к нему людей. Соответственно делению Ташкента на четыре части в подчинении бека находились четыре региональных чиновника – мингбаши. Их функции заключались в неукоснительном исполнении приказов бека, сборе налогов, соблюдении чистоты улиц, исправлении дорог, стен и ирригационных сооружений. Мингбаши также должны были в обязательном порядке присутствовать при решении важных городских вопросов.

Каждая из четырех частей города разделялась на махалли, находившихся в ведении собственного юзбаши, исполнявшего распоряжения мингбаши. Кроме них значительные функции в администрации Ташкента выполняли так называемые раисы. Их было два и каждому из них подчинялись по две части города. Их выбирал из числа ученых, высоконравственных и уважаемых людей и назначал лично бек. Полномочия этих чиновников были довольно широки: раисы должны были следить за неукоснительным выполнением горожанами требований ислама (посещением мечетей, воспитанием детей и т.п.), а также наводить порядок на рынках, оберегать правоверных от употребления алкоголя и других запрещенных «удовольствий».

В их ведении находился разбор тяжб по семейным делам, венчание вдов, руководство тушения пожаров, розыски преступников, благотворительность, чистота на улицах, выявление женщин, ходивших по городу с открытыми лицами и многое другое. При раисе состояли десять помощников – гириянда, старший из которых – хальфа – заменял раиса во время его отсутствия. Они должны были пешком всегда сопровождать раиса с двух сторон дороги, когда он ехал по городу. В руках у гириянды были широкие толстые ремни с короткой рукояткой – дорра. Ими по распоряжению раиса наказывались провинившиеся чем-то люди.

Нарушителей на месте «преступления» раздевали до поясницы и клали прямо на землю. Один гириянда садился ему на шею и экзекуция начиналась. За нарушение шариата раис мог приговорить виновного от 5 до 79 ударов доррой. Женщины тоже подвергались наказанию: их халаты сдергивались на голову, рубашки натягивались, а на ноги надевался мешок. В остальном

же с ними поступали та же, как и с мужчинами. Замужняя женщина, пойманная с любовником, наказывалась вместе с ним 100 ударами дорры, что, по-существу, было смертным приговором.

Важным чиновником Ташкента при кокандском владычестве считался курбаши. Под его началом находились 44 мирбаши: по 10 обходчиков и одному юзбаши на каждую часть города. Каждый день после завершения вечерней молитвы (после 8 часов вечера) они обходили улицы города и вылавливали бродяг. Ибо в это время не позволялось без крайней нужды выходить из дома на улицу. Если люди курбаши вылавливали вечером мужчину с женщиной или пьяных, они доставлял их для наказания беку.

Курбаши проводил розыск по кражам, совершенным в ночное время, приводил в исполнение судебные приговоры, сажал арестованных в глубокую яму, передавал приговоренных к смерти палачам. И, помимо всего прочего, занимался торжественной встречей высоких особ, приезжавших в Ташкент.

Городские судьи – казии – назначались ханом Коканда или беком Ташкента. Их тоже было четыре. Казии-калон (главный судья) назначался и сменялся только ханом. У него были три заместителя: казии-куззат – большой судья, казии-аскар – военный судья, казии-раис совмещал должности гражданского судьи и начальника полиции.

Во главе духовенства в Ташкенте стоял казы-калон, в подчинении которого находились рядовые казы, преподаватели медресе (мударрисы), муфтии, раисы, имамы (приходские муллы) и муэдзины. Имамы избирались строителями мечетей и утверждались затем казием. Благотворители-строители обеспечивали сооружаемые мечети и медресе пожертвованием какого-либо имущества – земли, садов или лавок. Это имущество носило название вакуф. Непременно составлялись жертвователями документы под названием вакуф-намэ, в которых подробно описывалось имущество и правила управления им. Называлось там и имя избираемого руководителя – мутавали и сумма расходов на служащих. Мударрисом – учителем в медресе – мог быть человек, получивший духовное образование в каком-нибудь высшем учебном заведении. В то время в Ташкенте было 10 медресе и около 400 мечетей. Учеников в медресе было около 800.

Особую категорию служивых чиновников Ташкента составляли муфтии, назначаемые беком из числа ученых и известных своей нравственностью людей. Им вменялось писать и составлять договоры, которые затем утверждались судьями, составлять прошения различного рода и описывать решения судей. Муфтии заверяли все документы собственной печатью. Кроме того, им приходилось определять степень родства вступающих в брак мусульман, а также определять, какая пища нечистая и запрещенная к употреблению (харам) и какая дозволенная и чистая (халял). Муфтиев в Ташкенте той поры было 15. Один из них считался старшим (улем) и назначался беком. Он отличался от своих собратьев по должности лишь тем, что на различных собраниях сидел выше них.

Кази имел право приговаривать нарушителей к аресту на шесть дней и к ста ударам дорры. Его решения по всем гражданским делам считались окончательными и не подлежали пересмотру. Высшие же наказания и смертная казнь могли налагаться лишь съездами судей и утверждались беком. Для исполнения этих приговоров при беке находился палач – джалат»

Глава 3 В пещере...

«Ташкент, древняя цитадель Шаш, летняя резиденция, мощный замок правителей земли Чач, как тогда назывался ташкентский оазис (зимней резиденцией, по одной из версий, было городище Мингурюк во дворах близ вокзала), и разрушен он был ещё даже не монголами, а арабами. То есть всё, что здесь есть - не моложе середины 8 века.

Подлинное название замка неизвестно, а "при жизни" он выглядел приблизительно так - образцовая неприступная крепость на острове, образованном водоотводами Бозсу. И очертания внутренней части замка с башней-донжоном и длинным пандусом (лестниц согдийцы не знали) вполне угадывается и в наши дни в оставшейся куче глины - построенные из сырца и самана, покинутые среднеазиатские постройки просто медленно возвращались в своё исходное состояние. Там же остатки зороастрийского Храма Огня. Но едва ли не самое впечатляющее на Актепе - древние тоннели, подвалы и коммуникации донжона, в которых отчётливо видны остатки сводов и кладка доарабских времён. Рядом было голубое озеро с теплой водой и там мы часто плавали. Глина была очень пахучей и скорее всего очень целебной. У меня мгновенно заживали всякие ссадины и болячки. Историки вообще предполагают строения на ней были возведены в зороастрийский период. Сообщают, что там был даже храм. Так вот ближе к теме. Когда мы с коллегами заходили в ту самую тупиковую пещеру и проходили в апендикс, который там находится и заканчивается тупиком, любили посидеть и подождать определенного состояния. Как его назвать сами затруднялись. Не скажу что это и сейчас??? Очень странный "приход". Если там провести мин 15-20 начинается легкий звон в ушах, потом легкая вибрация. Потом это все переходит в состояние странного возбуждения. Мы по началу выбегали сразу, потом на спор сидели и держались дольше. И скажу вам, что после примерно 30-40 минут нахождения, от туда хочется просто рвануть. Это удастся как понятно не очень быстро, ввиду того что холм имеет резкий спуск. Но мало кто знает, что эта возвышенность – останки сторожевой крепости, построенной в V веке н.э., которая охраняла Ташкент от вражеских набегов с севера с V по VIII век."

И в мою уже большую этим голову, пришла еще одна гипотеза! Очень возможно, что в старину зороастрийцы готовили эдаких защитников крепости, обучая их неким самурайским методам освобождения от страха. И установили где то в храме эдакий генератор адреналина!»

Раздел " История"

Глава 1 Даниил

Даниил Романович Галицкий один из немногих исторических персонажей, чью деятельность потомки оценивают исключительно положительно. Он пользовался уважением при царице, причем Александр II распорядился увековечить его в камне в знаменитом Микешинском памятнике «Тысячелетие Руси» в Новгороде.

В Советское время Даниила Романовича приравнивали к самому Александру Невскому, как князю отразившему польско-венгерскую интервенцию на Южную Русь.

Но все это меркнет по сравнению с теми панегириками, которые поют ему сегодня на Украине, ставя его в один ряд с Владимиром Святым и Ярославом Мудрым, как отца основателя могучей Галицко-Волынской державы, правопреемницы Киева.

Однако, история гораздо сложнее и многограннее официальных оценок, которые как правило грешат тенденциозностью, зачастую переходя в грубую фальсификацию. Не избежал этого и Даниил Романович, чей канонический образ имеет мало общего с реальным князем, жившим в бурную, жестокую и трагическую эпоху.

Начнем с титула. Никакой Даниил Романович не Галицкий, а Волынский. И был он старшим сыном Волынского князя Романа Мстиславича от второй жены, византийской принцессы Анны Исааковны Комнин. И оставался он Волынским большую часть своей жизни, пока не завладел Галичем будучи весьма немолодым человеком, отдав Волынь младшему брату Васильку. Но большую часть своей жизни он действительно посвятил овладению Галицким княжеством и победил в этой борьбе, хотя никаких прав, кроме права силы, на Галичину он не имел.

В течение не одного десятка лет соседние государства пытались завладеть Галичиной из-за стремления контролировать Днестровский торговый путь из Польши в Черное море. По несколько раз переходила она из рук в руки от венгров к полякам, к Киевским князьям. После раздела наследства Ярослава Мудрого на Любечском съезде Галичина осталась за Ростиславичами на 100 лет, но после смерти Ярослава Осмомысла борьба за овладение Галичем вспыхнула с новой силой. Поляки, венгры, Черниговские и Смоленские князья стали предъявлять права на Галич. И естественно, не остался в стороне Волынский князь Роман Мстиславич, отец Даниила. В 1199 году, после смерти бездетного сына Осмомысла Владимира, Роман завладел Галичем. Но никто этот захват не признал, ни поляки, ни венгры, ни тем более Чернигово-Северские князья, у которых как раз были все права. Сестра Владимира и дочь Ярослава Осмомысла была замужем за Игорем Новгород-Северским (вспомните плач Ярославны из школьной программы), и именно ее дети становились наследниками Галицкого стола после смерти дяди. Но Роман Волынский рассудил иначе. По праву сильного. Но переоценил свои силы и в 1205 году был убит поляками. Его вдова тут же потеряла Галич, куда бояре позвали Игоревичей, а вскоре и Волынь, которую поделили Луцкие и Белзские родственники Романа. Анна Исааковна была вынуждена бежать из страны с малолетними сыновьями Даниилом и Васильком. Для Даниила началось суровое детство, а Галицко-Волынская держава не успев возникнуть превратилась в мираж. Не считать же всерьез датой ее основания 1199 год, когда Роман Мстиславич ненадолго, на 6 лет смог захватить Галич. Таких примеров было много. Смоленские князья, к примеру Полоцк и на больший срок

захватывали, однако никому не приходило в голову говорить о существовании Смоленско-Полоцкой державы.

С этого момента на долгих 30 лет Волынь и на 40 лет Галичина погрузились в пучину княжеских междоусобиц и гражданских войн. С двоюродными братьями вроде Александра Бельзского Даниил с Васильком сражались за Волынь, а с Черниговскими князьями, поляками и венграми за Галич. Поначалу за малолетних братьев боролась мать, умная женщина, искушенная в Византийских методах в политике. Эту искушенность она передала детям. В 1214 году она вернула Западную Волынь с Владимир-Волынским и в 1219 году ушла в монастырь, предоставив сыновьям возможность действовать самостоятельно.

За Византийское коварство и вероломство осудить сыновей Анны трудно, время было жестокое. Но были еще средневековые понятия о воинской доблести и чести. И в свете этого стоит пристальнее приглядеться к Даниилу Романовичу.

Первая четверть 13 века. Расцвет феодальной раздробленности. На территории бывшего Древнерусского государства полыхают княжеские междоусобицы. Княжеские кланы, отхватившие себе значительные территории, грызутся между собой. Чернигово-Северские и Рязанские Ольговичи, Смоленские, Волынские и Суздальские Мономашичи.

Да что там говорить, и внутри кланов нет согласия... На Волыни бьются насмерть Даниил и Василько с двоюродными братьями. И в Суздальской земле после смерти в 1212 году Всеволода Большое Гнездо его сыновья перегрызлись за отцово наследство. Этим тут же воспользовались Смоленские князья, мечтавшие ослабить соседей. В 1216 году объединенное Смоленско-Новгородско-Ростовское войско на реке Липице громит Владимиро-Суздальские полки Юрия и Ярослава Всеволодовичей. Константин Ростовский становится Великим князем Владимирским. Силы Суздальской земли подорваны и первенство на Руси переходит к Смоленску! Смоленский княжеский клан сажает своего ставленника в Новгороде. Представитель Смоленских Мономашичей Мстислав Романович старый становится Киевским князем, его сын Святослав занимает Полоцк, а недавнего победителя в Липецкой битве Мстислава Удалого зовут на Галицкий стол, освободившийся после того, как Галицкие бояре повесили Игоревичей за стремление править самостоятельно. Естественно, от такого предложения он не отказался. Под контролем Смоленского княжеского клана оказалась половина наследства Ярослава Мудрого. В Украинских учебниках истории о том времени пишут: И раскинулась Галицко-Волынская держава от Карпат до Днестра и от Полесья до Черного моря. А надо бы по другому: И раскинулась Галицко-Смоленская держава от Ладогой до Карпат. Это куда больше соответствует исторической правде!

Затаились и попритихли Черниговские Ольговичи и суздальское Большое Гнездо, где затаив обиду терпеливо ждал своего часа Юрий II, вернувшийся на великокняжеский стол после смерти Константина. И тут Даниил Романович, изнемогавший в борьбе с Александром Бельзским, делает беспроигрышный ход. Он женится на дочери Удалого. Теперь его тесть всемогущий Галицкий князь, и никто не посмеет оспаривать у него Владимир-Волынский, хотя за другие города Волыни он будет драться с Александром до 1234 года, когда вероломно захватит его в плен и тот попросту исчезнет!

В 1223 году Даниил участвует в битве на Калке в качестве младшего князя. Волынская дружина Даниила вместе с Галицкими полками входит в авангард под командованием Мстислава Удалого. Вначале они опрокинули монгольский заслон и вместе с половцами принялись преследовать его, пока не повстречались с главными силами Субудая. И вот тут Даниил в первый раз (по доступным источникам) «повернул коня», а попросту говоря обратился в бегство вместе с галицкими полками и своим Удалым тестем. Это было паническое, всесметающее на своем пути бегство. Были затоптаны своими, смяты и обречены на поражение Киевские, Смоленские и Черниговские полки, не успевшие построиться по милости Даниила и Мстислава в боевой порядок. Проскакав почти сутки, Даниил почувствовал жажду, и только у родника понял, что ранен. Летописец не указывает, в какую часть тела, поэтому мы не знаем, когда это было, во время боя, или во время бегства.

Добежав до Днепра, Мстислав и Даниил благополучно переправились на правый берег, а оставшиеся лодки и ладьи изрубили. А вдруг они монголам достанутся! То, что они оставляют других князей и дружинников, бегущих за ними следом, без шансов на спасение, их не интересовало. Погибнут, и бог с ними. Конкурентами меньше. Никто не считал, сколько человек порубили монголы на берегу, а сколько утонуло в Днепре. Но гибель этих людей на совести Даниила.

Через шестьсот лет точно так же поведут себя два других «героя», Карл XII и Мазепа, только Меншиков в отличие от Субудая не перебьет пленных шведов.

Ну а Русь потихоньку приходит в себя, изучает новую расстановку сил. Гегемония Смоленска после Калки рухнула. Опять подняли голову Суздальские князья. Ну а Даниил начал наступление на родственников на Волыни. В 1227 году пал Луцк и Даниил стал сильнейшим Волынским князем. Теперь можно замахнуться и на Галич. И началась чехарда: 1226-1228 – город за венграми, 1229-1231 – за Даниилом, 1231-1233 – снова за венграми, 1233-1235 – снова за Даниилом, с 1235 – за Черниговскими князьями, поддержанными венграми.

А тем временем Суздальские князья опять стали сильнейшими на Руси. На 1236 год Юрий II Всеволодович – великий князь Владимирский, Ярослав Всеволодович – Киевский князь, Святослав Всеволодович – князь Переяславский, Александр Ярославич – князь Новгородский. И раскинулась Суздальская держава от Ладоги до Переяслава

1237 год. Нашествие Батыя на Русь. Князья реагируют примерно одинаково. Все, кроме Даниила. Тот сражаться с Батыем не стал. Видимо ужас Калки продолжал преследовать его всю жизнь.

Первой пала Рязань. История сохранила гордый ответ Рязанских князей Батыю: Когда нас не будет, все будет ваше. Свое слово они сдержали, дрались до конца и погибли все, кроме Ингваря Ингваревича, посланного с воеводой Коловратом в Чернигов за помощью. Помощь была оказана. Мстислав Глебович Черниговский дал 1800 обученных дружинников, с которыми Коловрат прошелся по Батыевым тылам. Сегодня некоторые недобросовестные украинские историки утверждают, что отряд Коловрата – миф, не подозревая, что пытаются отнять у своего же народа частицу славного прошлого.

После Рязани пришла очередь Суздальской земли. Юрий II оказал ожесточенное сопротивление, дал 2 сражения, под Коломной и на реке Сити. Но его войско было разбито, города взяты и разрушены, сам князь с сыновьями и племянниками Константиновичами погиб в неравном бою. Как и положено Русскому князю.

Черниговские князья тоже без боя не отступили, Мстислав Глебович дал как писали летописи лютый бой под Черниговом и на стенах города. Об обороне Черниговского городка Козельска знают все. С тяжелыми потерями для монголов пали и другие города Северской земли.

А что же Даниил Романович?! А он воспользовавшись военным поражением Суздальцев и Черниговцев, тем временем занял Галич и Киев, посадив там своего наместника Дмитра, и фактически бросил город на произвол судьбы. Киев держался против монголов три (!!!) месяца, и помощи от Даниила не дождался. Может быть Даниил в это время готовил Волынские и Галицкие города к обороне, созывал полки? Если бы так. Он попросту позорно драпанул. В Венгрию. Якобы сватать сына за дочь Белы IV. Там ему отказали. А тем временем Батый огнем и мечом прошелся по Волыни и Галичине, разорив большинство городов, брошенных своим князем на произвол судьбы.

Польский и Венгерский короли поступили по другому, примерно также, как Рязанские, Суздальские и Черниговские князья. Они собрали войско и попытались дать отпор. И были разбиты при Легнице и Байо соответственно. Но сохранили свою честь.

Даниил, как мы видим выпал из общего ряда. И тем не менее удостоился от потомков восторженных комплиментов. Интересно за что?

Батый прошелся по Волыни, Галичине, Венгрии, Польше и вернулся назад, в поволжские степи. А в Прикарпатье опять разгорелась битва за Галич. На этот раз поляки и венгры поддержали Ростислава Михайловича Черниговского, а половцы Даниила. Решающее сражение произошло у города Ярослава в 1245 году. Даниил одержал победу.

В СССР, помнится, замалчивали двух участников этого сражения. Даниила выставляли как князя, разбившего польско-венгерских интервентов, а то, что они пришли поддержать Ростислава Черниговского замалчивали, как и участие половцев на стороне Даниила. Как можно писать о таком. Половцы у нас всегда проходили как записные интервенты, а тут Так и превратили обычное сражение, венчавшее собой грандиозную княжескую междоусобицу, в битву с западными интервентами, типа Ледового побоища. А Даниил превратился в антизападника. Но мы, слава богу, живем не в Советское время. Всем воздадим по заслугам. Вот и сейчас отметим, что настоящим победителем Ярославского сражения был не Даниил, по ходу оказавшийся в плену, а его брат Василько, вовремя ударивший во фланг полякам.

Теперь действительно появился шанс создать мощную Галицко-Волынскую державу, но уже в следующем году к Даниилу приехал Батыев посол с требованием: Дай Галич. Тут видимо дошло до Даниила, что Батый, который уже дал Киев Суздальским князьям, может отдать Галич Черниговским. За что тогда боролись 40 лет. Пришлось

ехать в Сарай. Да побыстрее, дабы Михаила Черниговского опередить, чтобы не уговорил Батый отдать Галич сыну Ростиславу.

Даниил Михаила опередил. Приехал первый на поклон к Батю. Унизился, как и все князья. Но свое получил. Вместе с высоким званием ханского подручника ярлык на Галич. И видимо проявил большие дипломатические способности. Что-то такое пообещал Батю, что тот проникся прямо таки животной ненавистью к Черниговским князьям. Заставил пойти приехавшего вслед за Даниилом Михаила Черниговского на неслыханные даже для покоренных народов унижения. Михаил отказался, и был убит. А вслед за этим монгольские князьки еще несколько набегов на Северскую землю совершили, да так разорили ее, что Роман Михайлович столицу в Брянск перенес. Кому как не Даниилу был выгоден полный разгром Черниговского княжества. Вполне в Византийской традиции убрать конкурента чужими руками.

И видимо разгром Суздальской земли в 1252 году тоже был делом рук Даниила. Еще один сильный конкурент. И во главе сильный и умный князь – Александр Невский. Но вот незадача. Монголы отдали Александру Киев и Новгород. А Владимир его храброму но недалекому брату Андрею, который еще и зятем Даниилу приходился. По родственному пообещал Даниил ему помощь, спровоцировал на восстание, да не помог ничем. А Батый послал Неврюя с войском. В жестоком сражении у Переславля-Залесского войско Андрея было разбито, сам он бежал, а Суздальская земля подверглась разгрому почище Батыева. Невскому потом стоило больших усилий умиротворить монголов.

Положение Батыева подручника тяготило Даниила. Не за это он боролся. За самостийную Галицко-Волынскую державу. Хотя его авторитет у поляков и венгров резко вырос. Бела IV даже отдал свою дочь за его сына Льва. Как никак за Даниилом теперь стоял сам Батый. Но как избавиться от монголов? Казалось случай представился в 1256 году. Батый умер и в Орде началась междоусобица, борьба за власть. Наместник Батыя в Южной Руси Куремса не имел много войска, да и не был хорошим полководцем. Даниил решил, что его час настал, но на это раз просчитался.

Казалось бы, все сделал правильно. Вошел в контакт с папой, пообещал унию и подчинение папскому престолу в обмен за помощь. Но папа Иннокентий умер и вся помощь свелась к королевскому титулу. Даниил короновался в Дрогоичине на Буге, но это не прибавило ему войск. А он тем временем стал теснить Болоховских князей, подчинившихся Куремсе, перестал платить дань. И добился определенных успехов, но опять же против русских городов, подчинившихся монголом. С Куремсой в открытый бой вступать по старой памяти не релся.

Полумеры закончились в 1259 году. В Орде закончились междоусобицы, ханом стал брат Батыя Берке, и хотя он больше внимания обращал на Иран, русские дела на самотек не пустил, назначив наместником своим в Южной Руси знаменитого Бурундая. А тому было достаточно только один раз рывкнуть, чтобы призвать Даниила к покорности.

И тут Даниил проявил себя «подобающим» образом. Вместо себя послал на разборки с Бурундаем брата Василька, а сам скрылся в Польше. Брат поехал, во-первых потому,

что посмелее был, а потом наверное перед женой было стыдно. Женат Василько был как никак на Добраве, дочери Юрия II, павшего вместе с сыновьями смертью храбрых в борьбе с Батыем.

Бурундай приказал разрушить укрепления всех Волынских и Галицких городов, а рвы распахать, что и было исполнено. А затем в назидание Бурундай приказал идти войной на литовского князя Миндовга, с которым Даниил и Василько дружили. Показал, кто в Галичине хозяин. Василько разорил всю Нальшанскую землю, взял богатые трофеи, которые Бурундай смеясь цинично отобрал. Таким образом и сложилась система подчинения Волынско-Галицких князей Орде.

Если Северо-Восточная Русь платила дань и кормила завоевателей, то князья Юго-Западной Руси должны были по приказу Золотоордынских ханов ходить в грабительские походы против Литвы, Польши и Венгрии, добывать добычу для ордынцев. Тут география сказала и нестандартный подход, который применяли монголы к покоренным народам.

Так и прожил Даниил последние годы монгольским подручником, готовил войска грабить для Золотоордынских ханов соседние страны. Еще при Бурундае Василько Романович ходил на поляков, взял Сандомир, жителей которого Василько уговорил сдаться, а Бурундай приказал перебить. В 1262 году Василько снова ходил по приказу хана на литовцев.

Ну а Даниил Романович тихо доживал свой век в своей новой столице Холме, подальше от монголов и вскоре скончался, так и не реализовав свою мечту о могучей Галицко-Волынской державе. После себя он оставил вассальное монголам княжество, постоянно тревожащее соседей грабительскими набегами и ничего кроме ненависти у них не вызывающее.

Перечислю только некоторые походы, которые совершил по ханским приказам его племянник Владимир Василькович. 1262 – набег на Литву, 1268 – набег на польскую Бялу, 1277 – еще один набег на Литву, 1280 – поход на Сандомир, 1282 – поход в Венгрию. 1283 -1283 – поход в Польшу. Неудачный, разбит на реке Сан.

Естественно, что дни такого государства, державшегося только за счет монгольской военной силы, были сочтены. Пока во Львове и Галиче стояли сильные монгольские гарнизоны, их не трогали. Так в 1336 году, когда династия потомков Даниила Романовича пресеклась, на галицкий стол с согласия хана Узбека был избран польский князь Болеслав Тройденевич. Стоявший во Львове сильный татарский гарнизон заставил жителей присягнуть ему. Но в 1340 его отравили и воспользовавшись начавшимися в Орде после смерти Узбека междоусобицы позволили свояку Болеслава польскому королю Казимиру захватить Галичину и положить конец этому псевдогосударственному образованию.

Конечно, Даниилу и его потомкам не повезло. Чисто географически. Находясь под «крышей» Золотой Орды во враждебном окружении его государство было изначально обречено. В отличие от Александра Невского и его потомков, у которых кроме Золотой Орды военных противников практически не было и была возможность накопить силы и со временем сбросить ханское ярмо.

Впрочем, шанс простроить независимую Галицко-Волынскую державу у потомков Даниила был. Но для успеха во главе ее должен был стоять другой человек, а не сын Даниила Лев, превзошедший отца трусостью и вероломством. Но это уже тема отдельного исследования.

Раздел " Смех и грех"

Глава 1 " Три буквы"

Небольшое дорожное происшествие в вагоне скорого поезда

Санкт-Петербург – Москва

Владимир Кильдюшкин, энергичный молодой москвич, приезжал на выходные в Питер к приятелю Вадиму Варанову. Была у них такая традиция: навещать друг друга. Хотя бы изредка. Два дня пролетели незаметно, и вот уже Кильдюшкин сел в обратный поезд. Увозил он с собой несколько сувениров для московских друзей, а также внушительную пачку питерской прессы. Эти издания передал ему на вокзале Вадим, который, между прочим, подрабатывал в некоторых редакциях составлением кроссвордов, шарад и головоломок, а Кильдюшкин, кстати говоря, был большим любителем их разгадывать. Вот Вадим и принес ему свои творения: будет, мол, чем заняться в свободную минуту.

И так уж получилось, что свободная минута не заставила себя ждать.

Среди ночи Кильдюшкин проснулся, поворочался-поворочался на своей верхней полке, затем, отчаявшись, соскользнул вниз, взял наугад одну из газет, ручку и, выйдя в коридор, принялся разгадывать кроссворд, ожидая, что за этим занятием сон всё же сморит его.

Кроссворд попался именно такой, какие Кильдюшкин любил: средней сложности, не столько на эрудицию, сколько на смекалку. Он уверенно заполнял клеточки, пока его полудреmlющий взор не наткнулся на досадный дефект: небольшая случайная царапина «выкрадывала» из очередного вопроса несколько букв. Уцелело вот что: «М.р.кв»

«Морковь» - это слово пришло на ум само собой. Но оно, увы, не годилось, поскольку в тексте после «к» сразу же следовало «в». Притом, перед «к», судя по длине царапины, должны были стоять еще 3-4 буквы.

Мур-р-кв-вь

Мыр-р-кв-вь

Хм! Даже любопытно!

Кильдюшкин призвал на помощь всю свою эрудицию. Что же это за словечко такое? Особенно смущало окончание «КВ». А вообще, существуют ли в русском языке слова с таким окончанием? ХоруГВЬ МоноКЛЬ СеКьюрити Всё не то! Опечатка? Ой ли Какое-нибудь особое питерское словечко? Местность там историческое событие Вот это скорее всего! Вадька всегда вставляет в свои кроссворды чисто питерские термины. Они тут обожают при каждом удобном случае щегольнуть своей самобытностью.

Маар-р-кв-вь Ч-черт!

Посмотреть, что ли, ответ на следующей странице? А по нему угадать вопрос. Обратным ходом.

Но что за наваждение! Коварная царапина продырявила и ответ, оставив от шести букв (по числу клеточек) только две – «ов».

Загадка становилась всё более интригующей. Сон пропал окончательно.

Нет, это точно специфическое питерское словечко. Какой-нибудь фаворит Екатерины Второй с лифляндской фамилией. Или очередной игрок «Зенита» из Нигерии. Или модная музыкальная группа. Вот уж где возможны любые комбинации букв!

Ну, Вадька! Надо будет утром звякнуть ему и высказать свое «фе» за такой вопросик

Мысль об утре показалась здоровой. Кильдюшкин вернулся в купе и залез на полку.

Сон не приходил. Но пришли буквы и устроили катавасию. Особенно нахальничали «К», «В» и «Б». Они гримасничали, прятались друг за дружкой и никак не желали выстраиваться в нужном порядке.

- Пассажир! Уже в третий раз не могу вас добудиться! – нет, это не буквы, это проводник.

Кильдюшкин соскользнул вниз. Поезд уже замедлял ход у перрона, попутчики пробирались к выходу.

Кильдюшкин принялся торопливо застегивать рубашку и тут

О, чудо! На столе лежала точно такая же газета, оставленная кем-то из пассажиров. Была она развернута на том самом кроссворде и не имела никакой царапины!

Проголодавшийся коршун не хватает свою добычу с такой стремительностью, с какой рванулся к газете Кильдюшкин.

Как всегда, разгадка оказалась на удивление простой.

Последняя буква была не «Б», а «Ы» - царапина, перескочив, съела хвостик, а сам вопрос состоял не из одного, а из двух коротких слов и звучал так: «МЭР МОСКВЫ».

Заглядывать в ответ Кильдюшкин не стал.

Глава 2 Одержимость огня

I

Коваль терпеливо ждал, когда же Туранов закончит чтение. А тот пересчитывал сводку второй или даже третий раз.

Наконец он поднял голову от стола и недоуменно посмотрел на шефа:

— Это невероятно!

Коваль взял пластинку из его рук, положил в ячейку накопителя.

— К сожалению, это невероятное событие подтверждается фактами.

— Употребление наркотиков? В наше время?

— Ты правильно понял то, что прочитал.

— Но в таком случае надо немедленно принимать меры. Вернуть этих людей на Землю.

Коваль нахмурился.

— Все не так просто. Психолог базы беседовал с ними — и ничего. Отправить-то недолго. А в чем причина недуга? Когда он начался? Где, наконец, они достают наркотики? И главное — поможет ли отправка на Землю их выздоровлению?

Он замолчал, выразительно глядя на Туранов.

Тот кивнул:

— Я понял. Когда вылетать?

— Сегодня вечером по экспресс-каналу. И вот что — он помассировал переносицу, — не стоит пока акцентировать внимание на том, что ты сотрудник Института социальных проблем. На Верге скоро начинается смена вахт. Ты ведь знаком немного с работой кси-оператора?

— Два года спецподготовки в Московском университете, — улыбнулся Туранов.

— Ну, вот и прекрасно. Отправишься на Вергу кси-оператором.

— Пойду собираться, — поднялся с кресла Туранов.

— Желаю счастливой посадки. А перед отлетом советую заглянуть в Геологический центр. И вот что еще. Если почувствуешь, что сам не справишься, не упрямысь, дай знать. Дело слишком серьезное.

II

О Верге Леонид Туранов не знал практически ничего и поэтому первым делом решил восполнить этот пробел.

Оказалось, что Верга — небольшая, ничем не примечательная планета. Жизнь на ней существует в зачаточной форме. Атмосфера разреженная, воды мало. Несколько лет назад в одном из горных районов планеты были обнаружены богатые залежи трансурановых руд. Сразу же началось освоение планеты. Прежде всего грузовые и транспортные ракеты доставили на Вергу несколько тысяч самосовершенствующихся автоматов, которые построили установки по

обогащению атмосферы кислородом, а также наладили синтез воды. Кислород и водород для этих целей выделялся из горных пород. Одновременно автоматы приступили к строительству шахт по добыче столь необходимых земной промышленности руд.

Были также построены жилые здания, технические и культурные центры для землян, которые начали прибывать на Вергу.

Последние двенадцать лет все работы по добыче руды на Верге производились по запрограммированному циклу. Строительство шахт закончено. Весь производственный процесс — от дробления горных пород до погрузки контейнеров с чистым металлом в грузовые ракеты — осуществляют кибернетические устройства и автоматы. Люди лишь контролируют их.

Сейчас на Верге около двухсот шахт и тысяча двести землян.

Ландшафт Верги суров: остроконечные оранжевые скалы, местами покрытые серым лишайником, огромные черные валуны, пронизанные светлыми прожилками. Земные растения так и не прижились на почве Верги. Грунт для теплиц возят сюда с Земли.

В свое время психологи рекомендовали ограничить пребывание каждого человека на Верге одним годом. До сих пор правило это соблюдается неукоснительно.

Трансурановый мост Верга — Плутон работает без перебоев.

Леонид раскрыл атлас звездного неба Верги. Вот она, маленькая пылинка в бесконечном космосе. Планета-труженица. Одна из сотен, работающих на Человека. Почему же именно Верга преподнесла людям такой опасный подарок?

Снова вспомнился недавний разговор с Ковалем. Все началось с того, что сотрудники 17-й шахты вдруг перестали посещать культурный центр, хотя прежде бывали здесь часто, тем более что центр всего в полчаса полета от шахты. Добровольный отказ от общения вещь более чем странная, тем более для такого малочисленного коллектива.

Психолог базы отправился на шахту, чтобы разобраться в причинах неурядиц, попытаться устранить их с помощью самих же сотрудников. Вернулся он с шахты потрясенный, утверждая, что застал там людей в состоянии наркотического опьянения, хотя никаких наркотических веществ на шахте быть не могло.

Попытки установить истину ни к чему не привели. Сотрудники шахты отрицали показания психолога, а свое «отшельничество» объясняли усталостью. Ведь истекал срок их пребывания на Верге.

Странными выглядели эти объяснения Верга попросила помощи у Земли.

В Геологическом центре Леонид познакомился с некоторыми данными о сотрудниках 17-й шахты. Там работало пять человек.

Гомер Гор. С объемной фотографии смотрел широколицый черноволосый человек со строгими глазами, 35 лет, профессия — геофизик. Два года провел на Уране, год на Миррихе. Сдержан, рассудителен, немногословен. Увлекается ботаникой. Что же заставило его употреблять наркотики?

Элина Жулай. Тридцатрехлетняя женщина. Большие синие глаза, строгий взгляд. Но по характеру общительна. Любит оказывать покровительство. Много читает, особенно начинающих поэтов. Наверняка и сама пишет стихи. Должность — диспетчер зоны С.

Леонид уже отложил фотографию Элины в сторону, но что-то заставило его снова взять ее в руки. Красивая женщина. Это всегда опасно особенно в немногочисленном обществе мужчин.

На следующей фотографии — смуглый мужчина с нервным худощавым лицом. Это врач шахты Пойгин. Изобрел несколько медицинских аппаратов. Возраст тридцать лет.

А вот два брата — Аякс и Ахилл. Геологи. Аякс увлекается живописью. Ахилл изучает старинные балканские танцы.

Туранов отложил в сторону последнюю фотографию, задумался. Симпатичная, славная пятерка. Что же с ней стряслось?

III

Первой он увидел Элину. Женщина сидела за пультом управления диспетчерского пункта спиной к входу. Услышав шаги, обернулась.

На ней был костюм, светлый и легкий. Светлый костюм и такие же светлые пушистые волосы эффектно оттеняли бронзовое от загара лицо, на котором выделялись ярко-синие глаза. Да, у природы тоже есть свои любимчики, для которых она не жалеет красок.

Леонид поздоровался.

— Добрый день, — ответила девушка.

— Леонид.

— Элина. Вы с Земли?

— Да.

— Неужели на подмену?

— Как сказать. Скорее на помощь.

— Вот как! Выходит, кому-то крупно повезло. На какую шахту у вас направление?

— На вашу.

— На нашу?!

Леониду показалось, что в ее глазах промелькнула растерянность.

— Да, на вашу. У вас ведь нет кси-оператора.

— Но нам не нужен кси-оператор. Автоматы работают исправно.

— Сегодня — да. А вы можете поручиться, что завтра с ними ничего не случится?

— Да-да, конечно. Я что-то не то говорю. Но у нас есть кси-оператор — Пойгин.

— Но Пойгин, как мне сказали, врач шахты.

— У него хватает времени на все.

Туранов недоуменно развел руками:

— А я думал, вы обрадуетесь новому человеку. Что же мне теперь делать?

Элина вдруг легко поднялась с кресла, подошла к нему едва не вплотную и прошептала, хотя в диспетчерской никого, кроме них, не было:

— Если у вас есть возможность, уезжайте немедленно. Если такой возможности нет, найдите ее. Уезжайте, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Туранов внимательно посмотрел в ее синие глаза.

— Элина. Я бы не хотел быть помехой для кого-то. Может, вы все же объясните, почему я должен уехать?

Она молчала.

— Не хотите говорить?

Она продолжала молчать.

— Ну, тогда. Тогда я остаюсь. Попрошу вас дать роботам команду построить для меня коттедж. Тип и место, если вас не затруднит, выберите сами. Тут я полностью полагаюсь на ваш вкус. Надеюсь, мы еще сегодня увидимся? А сейчас я пойду представлюсь сотрудникам. До свидания.

— До свидания, — опять прошептала она, глядя куда-то мимо Туранова.

Выходя из диспетчерской, он на секунду задержался у прозрачной стены. Перед ним тянулись складки невысоких гор, причудливые скалы, каменистые хребты. Все было ярко-желтого, почти оранжевого цвета, как горящие в костре поленья. Рубиновые тучи ползли по ярко-красному небу. И нигде ни травинки, ни птицы.

Он обернулся. Элина уже сидела за пультом, работая на клавишах.

Туранов вздохнул и вышел из диспетчерской.

IV

С минуту он постоял на открытой галерее. Отсюда отлично просматривалась вся территория шахты. Жилой городок размещался рядом с высокой башней диспетчерского управления. Туранов увидел несколько одноэтажных белых домиков, спортивный зал с бассейном, столовую. Небольшая, но густая рощица бросала тень на ярко-красные крыши коттеджей. Туранов понял, что деревья рощицы искусственные. На околице крохотного поселка копошились три робота: робот-кран и роботы-рабочие. Они поднимали пластиковые стены, укладывали синтетические балки. Туранов догадался, что роботы уже получили команду и строят жилище для него.

А вокруг поднимались невысокие, но скалистые, труднопроходимые горы. Рубиновые тучи рассеялись, жаркие лучи падали почти отвесно на скалы, и казалось, те вот-вот вспыхнут, как сухие дрова.

Одна из скал, крутая, конусообразная, была стесана. В образовавшейся отвесной стене было пробито отверстие, закрытое сейчас толстой бронированной плитой. Собственно, это и была шахта. Там, в недрах ярко-желтых скал, тысячи совершенных автоматов грызли породу, дробили руду, извлекали из нее металл, штамповали прямоугольные бруски, запечатывали их в контейнеры и отправляли на грузовую станцию, а из пустой породы выделяли кислород и водород.

По узенькой дорожке, посыпанной ярко-желтым песком, Туранов подошел к ближайшему коттеджу и позвонил.

Дверь открылась. Он шагнул в помещение.

В длинной прохладной комнате царил, что называется, живописный беспорядок: стол задвинут в дальний угол, диван чуть ли не загораживает дверь; всюду книги, кассеты, пленки, а главное — картины, картины, картины. Десятка три картин. И почти на каждой — Элина. Элина перед диспетчерской. Элина перед домом, Элина на диване с книгой в руках. Элина за рулем вездехода, Элина в бассейне, Элина на праздничном карнавале.

Туранов не сразу заметил среди этих картин хозяина дома, широкоплечего мужчину, которого можно было бы назвать красивым, если бы не чересчур длинный, крючковатый нос.

Мужчина сделал от стены шаг к Туранову, протянул широкую ладонь:

— Ого! Я вижу, у нас гости! Проходите! День добрый!

— Здравствуйте. Вот зашел к вам познакомиться Леонид.

— Аякс. Очень, очень приятно? Вы с базы?

— Как вам сказать. У меня направление на вашу шахту. Я — новый кси-оператор.

Аякс расхохотался, всплеснув руками:

— Кси-оператор! Да что они там, с ума посходили, что ли?

— То есть? — недоуменно проговорил Туранов.

Аякс крикнул:

— Знаете, мне, право, неловко так разговаривать. Предлагаю перейти на «ты». Согласны?

— Идет!

— Ну, по рукам!

Аякс похлопал Туранова по плечу тяжелой рукой:

— Леонид, дружище, пойми меня правильно. Я ужасно рад, что на шахте появился новый человек. Это всегда интересно. Но это одна сторона дела. А вот другая: мы здесь загружены работой максимум три-четыре часа в сутки. Этого мало, дьявольски мало. А с твоим приходом

доля труда каждого из нас соответственно уменьшается. Какой же ты реакции от нас ждешь? Только, чур, без обиды! Ты, разумеется, ни при чем.

— Не знаю, как насчет остальных, — ответил Туранов, — но тебе, похоже, скучать не приходится. Эти картины

— Картины?! — перебил его Аякс. — Где ты видишь картины?

— Но разве это

— Это самая обыкновенная мазня. Об этом тебе скажет любой, кто сумеет отличить палитру от кисти.

— Ты преувеличиваешь, Аякс.

— Я преувеличиваю? Нет, дружище, тысячу раз нет! Преувеличивал я в те времена, когда мнил о себе как о художнике. А вот здесь, на Верге, я наконец осознал одну печальную истину: картинки я рисовать еще могу, а картины — нет!

— Но ведь она похожа!

— Похожа? — рассмеялся Аякс. — Похожа?! Вот так критерий для художника! Нет, приятель! Это похожесть фотографии. А внутренний мир? То, что в состоянии передать только творец?

Он быстро зашагал взад-вперед по комнате.

— Лина — мой идеал, мой пробный камень. Когда я впервые увидел ее год назад, я сказал себе: «Аякс! Если тебе суждено быть художником, то ты напишешь эту женщину, напишешь так, чтобы она жила на холсте». Это было год назад, и тогда я еще верил, что могу быть художником.

Тем временем Туранов заметил среди картин, изображающих Элину, два небольших пейзажа. Машинально он взял один из них в руки. Пейзаж был написан в темно-красных тонах. Багровые облака, освещенные скалы, какое-то глубокое ущелье у их подножия

Но рассмотреть картину как следует Туранов не успел. Стремительно подскочил Аякс и выхватил полотно из рук. Теперь он выглядел раздраженным, даже злым.

— Ты что? — удивился Туранов.

— Извини — Аякс уже взял себя в руки. — Не люблю показывать незаконченные вещи.

— Но ведь пейзаж написан?

— Нет-нет, там еще много работы

— Ладно, — кивнул головой Туранов, — в таком случае не буду тебе мешать. Пойду знакомиться с другими.

Аякс как будто даже обрадовался:

— Давай, давай. В следующем доме живет Гомер. Но он сейчас в шахте. Кон-тро-ли-ру-ет! Вон там — Ахилл, мой брат, а там — врач. Зайди к Ахиллу, пока он не ушел в горы. Только, знаешь, он у меня малый со странностями. Ты не особенно обращай на это внимание. Главное — он добряк.

— Буду иметь в виду.

Туранов опять вышел на узкую красную дорожку и подумал: «Хотел бы я знать, есть ли тут хоть один человек без странностей?»

V

Едва Туранов переступил порог дома Ахилла, как его обдало жаром. «Пятьдесят по Цельсию», — определил Туранов. Кондиционеры выли, как голодные волки, но не могли заметно снизить температуру.

Посреди комнаты в металлическом тигле полыхало пламя, целый костер. Судя по запаху, горел сухой спирт, и, надо полагать, горел давно.

У костра, задумчиво глядя на огонь, сидел обнаженный по пояс парень с нежным девичьим лицом и мягкими выющимися волосами. Он посмотрел на Туранова как на своего старого друга и сказал, показывая рукой на языки пламени:

— Правда, это красиво?

Туранов подошел поближе.

— А тебе не жарко?

Взгляд Ахилл стал осмысленнее. Он словно бы только теперь понял, что перед ним стоит незнакомец. Его красиво изогнутые брови сошлись у переносицы, в карих глазах вспыхнул гнев. Он вскочил и вскрикнул резко:

— А кто вы, собственно, такой? Что вам угодно?

Туранов заговорил как можно мягче:

— Я ваш новый кси-оператор. Зовут меня Леонид. Обижать тебя, Ахилл, я и не думал. Мне и самому нравится огонь. Он и вправду красив.

Вся агрессивность Ахилл тут же улетучилась. Лицо его порозовело, и он застенчиво улыбнулся и спросил:

— Вы будете со мной дружить?

— Обязательно, Ахилл.

— И мы будем вместе сидеть и смотреть на огонь?

— Будем, Ахилл.

— И будем вместе ходить туда?

— Конечно, Ахилл, — ответил Туранов, который поостерегся спросить, «куда именно», хотя ему очень хотелось этого.

Ахилл вскинул на Туранова карие глаза.

— Они думают перехитрить меня. Чтобы самим остаться, а меня отправить на Землю. Но я не хочу на Землю. Хочу быть тут — Он тихо рассмеялся: Я перехитрю их всех, я придумал

— Что ты придумал, Ахилл?

— Скоро узнаете. Совсем скоро. А пока — он приложил палец к губам.

У Туранова голова от жары уже шла кругом.

— Ахилл, — спросил он, — кто у вас выполняет обязанности врача?

— Пойгин. А что случилось?

— Ничего особенного. Просто немного нездоровится с дороги.

— Он живет в следующем доме.

— Пожалуй, я загляну к нему.

— Только обязательно возвращайтесь.

— Непременно!

Туранов вышел на улицу. У него и в самом деле раскалывалась голова.

VI

В доме Пойгина не было ни чудес, ни странностей. Хозяин дома тридцатилетний худощавый брюнет — сидел за столом, разглядывая что-то в микроскоп.

Туранов представился.

Пойгин поднялся, подошел к нему, пожал руку.

— Ну, как там старушка Земля? Жизнь бурлит?

— Бурлит.

— Соскучился я уже по ней. Н-да Земля — Вздыхнув, он прошел в угол комнаты, где стоял какой-то механизм.

— Не этот ли прибор настраивает вас на минорный лад? — спросил, улыбаясь, Туранов. Пойгин погладил рукой причудливо изогнутую трубку:

— Какой там прибор! Это так, детские шалости. Аппарат для диагностирования заболеваний мышечной ткани. Так, пустяки. Разминка в часы досуга. Мое хобби. Без этого здесь нельзя. А у вас есть что-нибудь?

— В смысле хобби?

— Да.

— Разумеется. Я пишу детективы.

— Дадите почитать?

— Охотно. Если у вас хватит терпения.

— Даю гарантию, что с таким хобби вы через три месяца загнетесь здесь от скуки.

— Странно, — произнес Туранов, глядя Пойгину прямо в глаза. — Вы уже второй человек на шахте, который пугает меня скукой. Первым был Аякс. Второй — вы. Но самое странное заключается в том, что скукой меня пугают люди увлеченные. В чем дело?

— Все очень просто. Дело есть дело, увлечение есть увлечение. На первом месте должно быть дело, а увлечение — на втором. А что получается у нас? Шахта полностью автоматизирована, быт наш налажен, особых забот нет. Четыре часа в день у каждого отнимает дежурство. Спим мы по пять часов в сутки. Куда прикажете девать остальное время? Посвящать его увлечениям? Такую бездну времени?

— Когда-то люди мечтали о бездне свободного времени.

— Человеку свойственно корректировать свои мечты.

Туранов не успел ответить.

Распахнулась дверь. На пороге стоял перепуганный Ахилл:

— Там пожар Дом горит Вы понимаете? Горит дом! Пожар!

VII

Горел домик Гомера. Пожар возник, по-видимому, внутри помещения, огонь успел разгореться, и, когда наконец вырвался наружу, гасить его было уже поздно. Пластиковые стены и балки трещали, как сухие березовые дрова. Дом не представлял большой ценности, такой дом роботы собирают за два часа из унифицированных деталей, а запасов этих деталей на шахте было достаточно.

И все же люди были поражены происшедшим. Туранов взглянул мельком на Ахилла. Юноша с жадностью, широко раскрытыми глазами смотрел на огонь, так же как он смотрел на костер в своей комнате полчаса назад. Он любовался огнем, наслаждался вспышками пламени, жил одной жизнью с пляшущими языками.

Аякс, прикусив губу, сумрачно тряс головой, Элина прижала руки к пунцовым щекам.

Вдруг, вскрикнув, Пойгин бросился к горящему дому. Никто не успел опомниться, как он вбежал внутрь.

— Пойгин! Пойгин! — закричала женщина. Тут же она обернулась к остальным: — Что он делает! Что он делает! Он погибнет! Ну помогите же, помогите ему!

Словно услышав ее крик, Пойгин показался на пороге. В руках он держал какой-то прозрачный шар. Рубашка на нем тлела, волосы на висках обгорели, но он наверняка успел бы покинуть дом, если бы не споткнулся о порог. Пойгин упал, и шар, выскользнув из его рук, отлетел в сторону метров на десять.

В ту же секунду прямо на Пойгина рухнул дом. Облако густого дыма поползло по земле. Первой опомнилась Элина. С криком бросилась она к дому и скрылась в густом черном дыму. Следом поспешили и остальные.

К счастью, Пойгин почти не пострадал. Товарищи отнесли его подальше от огня, посыпали песком начавшую тлеть одежду. Однако он был без сознания.

Она подняла умоляющие глаза на коллег:

— Аякс, Ахилл! — Отнесите его в диспетчерскую. Я вызову санитарный вертолет.

Аякс принес носилки. Пойгина бережно положили на них и уже собрались нести, как вдруг он громко застонал и открыл глаза.

— Стойте! Вы с ума сошли! Какой вертолет?! Я абсолютно здоров!

— Пойгин! — Элина умоляюще сложила руки на груди. — Я прошу тебя, послушайся. У тебя ведь ожоги.

— Нет у меня никаких ожогов! Пустите! Я сам сам

Он поднялся с носилок, прихрамывая, двинулся к своему дому. Овернулся и указал рукой на треснувший стеклянный шар:

— Поднимите Вергею.

— Вергея? — переспросил Туранов, поднимая шар.

Внутри шара, имеющего крышку в виде полусферы, он различил желто-зеленое растение с колючками, смахивающее на кактус. Через трещину из шара сыпался грунт. Туранов прикрыл трещину ладонью. — Чем она знаменита, эта Вергея?

— На Верге не существует растительности, — объяснил стоявший рядом Аякс. — Вот наш Гомер и задался целью вырастить что-нибудь такое, что могло бы прижиться в почве Верги. Почти год опытов и вот, — он постучал ногтем по шару. — Что было бы с Гомером, сгори эта штука! Ведь он нянчился с ней, как с младенцем. Молодец, Пойгин, вспомнил о Вергее. — Он смутился. — А вот у меня как-то из головы выскочило

— Вергея — задумчиво произнес Туранов, плотно зажимая трещину. — Как же удалось Гомеру вырастить такое чудо?

— Об этом спроси у него.

— Где бы нам ее пока поставить?

— Можно у меня, — предложил Аякс.

Они занесли шар в дом, и Аякс быстро заплывил трещину.

Туранов внимательно посмотрел на крупички грунта, что остались у него в руке. Повернулся к Аяксу:

— Пожалуй, надо предупредить Гомера о случившемся. Пойду к нему. Заодно и с шахтой познакомлюсь.

— Что же, ступай, дружище! — согласился Аякс. — И пусть Гомер возвращается. На подмену пойдет Ахилл.

VIII

Дорога на шахту вела через искусственную рощицу. Туранов вошел в тень деревьев и остановился на минуту, зачарованный лесным ароматом. На Верге появилось уже множество лесополос, рощиц, садов, но вся беда в том, что деревья, кусты, даже трава и опавшие листья были здесь искусственными. Бесплодная почва Верги решительно противилась всем начинаниям селекционеров. Предпринимались попытки облагородить местный грунт. Над этой проблемой сейчас работала большая группа ученых. Выходит, Гомеру удалось сделать то, что пока не под силу целому коллективу?

И этот пожар Разумеется, он мог возникнуть и случайно Однако какие глаза были у Ахилл, когда он глядел на пламя! Неужели это дело его рук?

Сразу же за рощицей начиналась неглубокая ложбинка с пологими склонами, что вела вдоль горных гряд от шахты. Туранов быстро зашагал по ней, размышляя о своей миссии.

Вход в шахту закрывала мощная бронированная плита. В плите на уровне груди виднелось три небольших гнезда. Для того чтобы попасть внутрь, необходимо было ввести в эти гнезда тройник, которым оснащались специальные скафандры, предохраняющие от радиации. Комплект таких скафандров хранился в дежурной комнате, устроенной в скале, неподалеку от входа.

Быстро облачившись в скафандр, Туранов подошел к плите, включил тройник. Раздалось негромкое жужжание, плита отодвинулась в сторону. Туранов оказался в небольшом тамбуре перед массивной дверью. Снова послышалось жужжание. Задвинулась входная плита, после чего открылись двери. Пройдя таким образом несколько тамбуров, Туранов оказался наконец у входа в шахту на небольшой, огражденной высокими барьерами площадке. Куда-то вниз вел длинный эскалатор. Туранов подошел к самому ограждению и замер, пораженный: таких шахт ему еще не приходилось видеть. Его взору предстал невообразимо огромный подземный зал, обрывающийся у ног и уходящий вниз еще метров на сто. Это была гигантская выработка — пустота в сердце горных хребтов. Там, на дне этой гигантской пещеры, работали десятки совершенных автоматов резали породу, дробили, извлекали из нее металл, плавили его, обогачивали, очищали, прессовали в аккуратные маленькие брикетки, запечатывали в контейнеры и отправляли на поверхность. В подобных условиях могли работать только автоматы. Люди обычно не спускались ниже галереи. Туранов встал на ленту эскалатора. Лента мягко вздрогнула и плавно покатила его вниз. Спуск продолжался долго. Наконец лента остановилась. По небольшому легкому мостику Туранов прошел на галерею, вырубленную в скале.

Потоки ровного голубоватого света довольно хорошо освещали галереи, но, как Туранов ни всматривался, Гомера нигде не было видно. Тогда он сел в электромобиль, завел его и поехал по галерее вокруг подземных разработок. Чем дальше он продвигался, тем сильнее становился шум, тем чаще сотрясались стены подземелья. От галереи местами отходили небольшие боковые тупички, и Туранов заглядывал в каждый. Так он объехал все вокруг, но Гомера не нашел.

В раздумье он остановился у барьера, глядя вниз.

Послышалось негромкое жужжание. Туранов оглянулся и увидел на эскалаторе фигуру в таком же, как у него, темно-зеленом скафандре. Вот человек приблизился, и Туранов разглядел за стеклом гермошлема черты Гомера, памятные ему по фотографии. Гомер махнул рукой, словно приглашая следовать за ним. Они прошли по галерее метров пятьдесят, затем Гомер свернул в боковой коридор. В конце ответвления оказалась просторная, уютная комната. Здесь Гомер, заперев предварительно двойные двери, снял с себя гермошлем, расстегнул скафандр. Туранов последовал его примеру. Он понял, что они находятся в комнате отдыха, защищенной мощными экранами от смертоносного излучения.

Гомер оказался невысоким, плотным крепышом с густыми, косматыми бровями, с залысинами на лбу. Выглядел он утомленным.

Туранов представился Гомеру, они обменялись несколькими вежливыми фразами. Похоже, Гомер и в самом деле был скуп на слова.

Воцарилось молчание.

— Говорят, в древности на Востоке, — заговорил Туранов, — был такой обычай — гонца, принесшего дурную весть, наказывали. Мне очень жаль, но я принес вам плохую весть.

У Гомера побелели губы, он заметно вздрогнул, пролепетал, запинаясь:

— Что случилось?

— Сгорел ваш дом. К счастью, удалось спасти Вергею, хотя она и несколько пострадала.

— Великий Космос! — облегченно вздохнул Гомер, но глаза его были по-прежнему усталыми.

Он встал, открыл холодильную камеру.

— Хотите тоника?

— С удовольствием.

Гомер залпом выпил объемистый фужер освежающего напитка, налил еще. Он был страшно взволнован. Пальцы его рук мелко дрожали.

— Вы, наверное, хотите вернуться на базу? — поинтересовался Туранов. Сейчас здесь будет Ахилл.

— А? — словно очнулся от своих мыслей Гомер. — Да, да конечно

— Если не секрет, как вам удалось вырастить Вергею?

Гомер пожал круглыми плечами:

— Особое сочетание удобрений, освещения, периодическое воздействие различными лучами, направленное магнитное поле

— Почему же вы не сообщите о своем успехе в центр?

— Какой там успех? Это стадии экспериментов. Об успехе говорить рано.

— А из каких семян вы вырастили свой шедевр?

— Кактус. Обыкновенный мексиканский кактус.

Раздался мелодичный звон, загорелся зеленый глазок информатора.

— Гомер, Леонид, вы на месте? — услышали они голос Ахилл. — Жду вас наверху.

VII

Горел домик Гомера. Пожар возник, по-видимому, внутри помещения, огонь успел разгореться, и, когда наконец вырвался наружу, гасить его было уже поздно. Пластиковые стены и балки трещали, как сухие березовые дрова. Дом не представлял большой ценности, такой дом роботы собирают за два часа из унифицированных деталей, а запасов этих деталей на шахте было достаточно.

И все же люди были поражены происшедшим. Туранов взглянул мельком на Ахилла. Юноша с жадностью, широко раскрытыми глазами смотрел на огонь, так же как он смотрел на костер в своей комнате полчаса назад. Он любовался огнем, наслаждался вспышками пламени, жил одной жизнью с пляшущими языками.

Аякс, прикусив губу, сумрачно тряс головой, Элина прижала руки к пунцовым щекам.

Вдруг, вскрикнув, Пойгин бросился к горящему дому. Никто не успел опомниться, как он вбежал внутрь.

— Пойгин! Пойгин! — закричала женщина. Тут же она обернулась к остальным: — Что он делает! Что он делает! Он погибнет! Ну помогите же, помогите ему!

Словно услышав ее крик, Пойгин появился на пороге. В руках он держал какой-то прозрачный шар. Рубашка на нем тлела, волосы на висках обгорели, но он наверняка успел бы покинуть дом, если бы не споткнулся о порог. Пойгин упал, и шар, выскользнув из его рук, отлетел в сторону метров на десять.

В ту же секунду прямо на Пойгина рухнул дом. Облако густого дыма поползло по земле.

Первой опомнилась Элина. С криком бросилась она к дому и скрылась в густом черном дыму. Следом поспешили и остальные.

К счастью, Пойгин почти не пострадал. Товарищи отнесли его подальше от огня, посыпали песком начавшую тлеть одежду. Однако он был без сознания.

Она подняла умоляющие глаза на коллег:

— Аякс, Ахилл! — Отнесите его в диспетчерскую. Я вызову санитарный вертолет.

Аякс принес носилки. Пойгина бережно положили на них и уже собрались нести, как вдруг он громко застонал и открыл глаза.

— Стойте! Вы с ума сошли! Какой вертолет?! Я абсолютно здоров!

— Пойгин! — Элина умоляюще сложила руки на груди. — Я прошу тебя, послушайся. У тебя ведь ожоги.

— Нет у меня никаких ожогов! Пустите! Я сам сам

Он поднялся с носилок, прихрамывая, двинулся к своему дому. Обернулся и указал рукой на треснувший стеклянный шар:

— Поднимите Вергею.

— Вергея? — переспросил Туранов, поднимая шар.

Внутри шара, имеющего крышку в виде полусферы, он различил желто-зеленое растение с колючками, смахивающее на кактус. Через трещину из шара сыпался грунт. Туранов прикрыл трещину ладонью. — Чем она знаменита, эта Вергея?

— На Верге не существует растительности, — объяснил стоявший рядом Аякс. — Вот наш Гомер и задался целью вырастить что-нибудь такое, что могло бы прижиться в почве Верги. Почти год опытов и вот, — он постучал ногтем по шару. — Что было бы с Гомером, сгори эта штука! Ведь он нянчился с ней, как с младенцем. Молодец, Пойгин, вспомнил о Вергее. — Он смутился. — А вот у меня как-то из головы выскочило

— Вергея — задумчиво произнес Туранов, плотно зажимая трещину. — Как же удалось Гомеру вырастить такое чудо?

— Об этом спроси у него.

— Где бы нам ее пока поставить?

— Можно у меня, — предложил Аякс.

Они занесли шар в дом, и Аякс быстро заплывил трещину.

Туранов внимательно посмотрел на крупницы грунта, что остались у него в руке. Повернулся к Аяксу:

— Пожалуй, надо предупредить Гомера о случившемся. Пойду к нему. Заодно и с шахтой познакомлюсь.

— Что же, ступай, дружище! — согласился Аякс. — И пусть Гомер возвращается. На подмену пойдет Ахилл.

VIII

Дорога на шахту вела через искусственную рощицу. Туранов вошел в тень деревьев и остановился на минуту, зачарованный лесным ароматом. На Верге появилось уже множество лесополос, рощиц, садов, но вся беда в том, что деревья, кусты, даже трава и опавшие листья были здесь искусственными. Бесплодная почва Верги решительно противилась всем начинаниям селекционеров. Предпринимались попытки облагородить местный грунт. Над этой проблемой сейчас работала большая группа ученых. Выходит, Гомеру удалось сделать то, что пока не под силу целому коллективу?

И этот пожар Разумеется, он мог возникнуть и случайно Однако какие глаза были у Ахилл, когда он глядел на пламя! Неужели это дело его рук?

Сразу же за рощицей начиналась неглубокая ложбинка с пологими склонами, что вела вдоль горных гряд от шахты. Туранов быстро зашагал по ней, размышляя о своей миссии.

Вход в шахту закрывала мощная бронированная плита. В плите на уровне груди виднелось три небольших гнезда. Для того чтобы попасть внутрь, необходимо было ввести в эти

гнезда тройник, которым оснащались специальные скафандры, предохраняющие от радиации. Комплект таких скафандров хранился в дежурной комнате, устроенной в скале, неподалеку от входа.

Быстро облачившись в скафандр, Туранов подошел к плите, включил тройник. Раздалось негромкое жужжание, плита отодвинулась в сторону. Туранов оказался в небольшом тамбуре перед массивной дверью. Снова послышалось жужжание. Задвинулась входная плита, после чего открылись двери. Пройдя таким образом несколько тамбуров, Туранов оказался наконец у входа в шахту на небольшой, огражденной высокими барьерами площадке. Куда-то вниз вел длинный эскалатор. Туранов подошел к самому ограждению и замер, пораженный: таких шахт ему еще не приходилось видеть. Его взору предстал невообразимо огромный подземный зал, обрывающийся у ног и уходящий вниз еще метров на сто. Это была гигантская выработка — пустота в сердце горных хребтов. Там, на дне этой гигантской пещеры, работали десятки совершенных автоматов резали породу, дробили, извлекали из нее металл, плавили его, обогащали, очищали, прессовали в аккуратные маленькие брикетики, запечатывали в контейнеры и отправляли на поверхность. В подобных условиях могли работать только автоматы. Люди обычно не спускались ниже галереи. Туранов встал на ленту эскалатора. Лента мягко вздрогнула и плавно покатила его вниз. Спуск продолжался долго. Наконец лента остановилась. По небольшому легкому мостику Туранов прошел на галерею, вырубленную в скале.

Потоки ровного голубоватого света довольно хорошо освещали галереи, но, как Туранов ни всматривался, Гомера нигде не было видно. Тогда он сел в электромобиль, завел его и поехал по галерее вокруг подземных разработок. Чем дальше он продвигался, тем сильнее становился шум, тем чаще сотрясались стены подземелья. От галереи местами отходили небольшие боковые тупички, и Туранов заглядывал в каждый. Так он объехал все вокруг, но Гомера не нашел.

В раздумье он остановился у барьера, глядя вниз.

Послышалось негромкое жужжание. Туранов оглянулся и увидел на эскалаторе фигуру в таком же, как у него, темно-зеленом скафандре. Вот человек приблизился, и Туранов разглядел за стеклом гермошлема черты Гомера, памятные ему по фотографии. Гомер махнул рукой, словно приглашая следовать за ним. Они прошли по галерее метров пятьдесят, затем Гомер свернул в боковой коридор. В конце ответвления оказалась просторная, уютная комната. Здесь Гомер, заперев предварительно двойные двери, снял с себя гермошлем, расстегнул скафандр. Туранов последовал его примеру. Он понял, что они находятся в комнате отдыха, защищенной мощными экранами от смертоносного излучения.

Гомер оказался невысоким, плотным крепышом с густыми, косматыми бровями, с залысинами на лбу. Выглядел он утомленным.

Туранов представился Гомеру, они обменялись несколькими вежливыми фразами. Похоже, Гомер и в самом деле был скуп на слова.

Воцарилось молчание.

— Говорят, в древности на Востоке, — заговорил Туранов, — был такой обычай — гонца, принесшего дурную весть, наказывали. Мне очень жаль, но я принес вам плохую весть.

У Гомера побелели губы, он заметно вздрогнул, пролепетал, запинаясь:

— Что случилось?

— Сгорел ваш дом. К счастью, удалось спасти Вергею, хотя она и несколько пострадала.

— Великий Космос! — облегченно вздохнул Гомер, но глаза его были по-прежнему усталыми.

Он встал, открыл холодильную камеру.

— Хотите тоника?

— С удовольствием.

Гомер залпом выпил объемистый фужер освежающего напитка, налил еще. Он был страшно взволнован. Пальцы его рук мелко дрожали.

— Вы, наверное, хотите вернуться на базу? — поинтересовался Туранов. Сейчас здесь будет Ахилл.

— А? — словно очнувшись от своих мыслей Гомер. — Да, да конечно

— Если не секрет, как вам удалось вырастить Вергею?

Гомер пожал круглыми плечами:

— Особое сочетание удобрений, освещения, периодическое воздействие различными лучами, направленное магнитное поле

— Почему же вы не сообщите о своем успехе в центр?

— Какой там успех? Это стадии экспериментов. Об успехе говорить рано.

— А из каких семян вы вырастили свой шедевр?

— Кактус. Обыкновенный мексиканский кактус.

Раздался мелодичный звон, загорелся зеленый глазок информатора.

— Гомер, Леонид, вы на месте? — услышали они голос Ахилл. — Жду вас наверху.

продолжение следует в Разделе Фантастические истории

Глава 3 Чудеса на манеже

ПОЛЕТ ЖИВЫХ СНАРЯДОВ

События культового фильма Григория Александрова Цирк с Любовью Орловой в главной роли вращаются вокруг выстреливания человека-снаряда из особой пушки на арене цирка.

Идею опасного аттракциона постановщик почерпнул из реальной жизни.

Еще осенью 1927 года в Москве и Ленинграде гастролировал известный итальянский циркач Уго Цаккини с номером Человек-снаряд.

На манеж выкатывали пушку пятиметровой длины, ствол которой имел диаметр около 60-ти сантиметров. Под барабанную дробь артист, облаченный в белый комбинезон, опускался в пушечное жерло ногами вниз. Вот дробь смолкала. Звучал выстрел, сверкали снопы огня, орудие окутывали клубы дыма. Смельчак взмывал над ареной, описывал крутую дугу и падал в натянутую сетку.

Публика не догадывалась, что Цаккини выброшен из жерла не пороховыми газами, а силой сжатого воздуха, толкавшего поршень, служивший опорой для артиста. Всё прочее – дым, огонь, грохот – было обычной цирковой бутафорией.

С похожим аттракционом в 1933 году в Советский Союз приезжал норвежский цирковой артист Лейнерт. На одном из его выступлений побывал молодой кинорежиссер Александров. Полученные впечатления не пропали даром.

Но прежде чем замысел фильма Цирк обрел свое окончательное воплощение, произошла одна удивительная встреча.

Погожим летним днем 1935 года Александров прогуливался в столичном парке Сокольники. Внезапно он увидел плакат, извещающий, что на территории парка с аттракционом Живой снаряд выступает акробатическая группа под руководством Семена Речицкого.

Заинтригованный кинорежиссер тут же отправился к месту проведения аттракциона и разыскал руководителя группы.

Оказалось, что это совсем еще молодой человек, недавний выпускник одного из харьковских вузов. Со своей стороны, Речицкий был наслышан о постановщике популярного фильма Веселые ребята и охотно рассказал ему о своем детище.

Вот тут-то и выяснилось, что идея построить пушку для живых снарядов родилась у Речицкого тоже под впечатлением выступлений Лейнерта, но только во время гастролей норвежца в Харькове.

Собрав группу энтузиастов, найдя поддержку на Харьковском авиазаводе, Речицкий создал пушку собственной конструкции. Вместо поршня со сжатым воздухом он применил массивный маховик, раскручивавшийся от бензинового мотора. Пушка получилась более громоздкой, зато стреляла дальше. В цирке такой машине было тесновато, поэтому номер показывали на стадионах и в парках культуры и отдыха.

Речицкий сделал рисунок своей пушки для Александрова, дал все необходимые пояснения. Та пушка, которую по сюжету фильма Цирк создали советские техники, почти не отличалась от орудия харьковского изобретателя. После триумфа кинокомедии Александрова группа Речицкого стала называть свой номер Большой советский аттракцион из фильма Цирк.

Дальнейшая судьба Речицкого сложилась трагически. В конце 30-х годов при очередном исполнении номера погиб акробат. И хотя это произошло по собственной вине артиста (вопреки инструкции он для пушечного эффекта проделал во время полета сальто, в результате чего не долетел до сетки и разбился), аттракцион был запрещен, а пушка демонтирована.

Талантливый конструктор пытался восстановить аттракцион, но этим планам помешала война. Речицкий был призван в действующую армию и погиб на одном из фронтов.

ТОНКОСТИ ШПАГОГЛОТАНИЯ

Обучение этой специфической профессии начинают с ранних лет. Сначала будущий шпагоглотатель приучается свободно опускать в пищевод тонкую проволоку, обмотанную влажной мягкой тряпочкой. Следующий этап – деревянные палочки, диаметр которых постепенно утолщается. В ход также идут длинные гвозди и вилки. И лишь освоив эти относительно безопасные технологии, переходят к холодному оружию – стальным клинкам и шпагам. Параллельно (что немаловажно) происходит привыкание к постороннему предмету в пищеводе, дабы исключить всякое проявление рвотного либо глотательного рефлекса, грозящего обернуться смертельной опасностью.

Эта профессия требует предельной аккуратности и собранности. Ибо малейшее неконтролируемое движение приводит к серьезному ранению внутренних органов, а то и к трагедии.

Как и в любой профессии, тут тоже есть свои хитрости. Некоторые артисты перед выступлением предварительно проглатывают металлическую трубку, являющуюся своеобразными ножнами для шпаги. Используются и, так называемые, телескопические клинки. То есть, никакого глотания, по сути, не происходит. Опасный трюк подменяется известной ловкости рук. Секции клинка попросту входят друг в дружку, о чем публика даже не подозревает.

Однако у истинных, настоящих шпагоглотателей подобная имитация не в чести.

Молодой австралийский артист Сэм Кларк из города Лонсестон (остров Тасмания) во время выступлений вывешивает на сцене свои снимки, сделанные перед рентгеновским аппаратом.

Пусть скептики проглотят свои языки! – воскликнул однажды Сэм, уязвленный сомнениями со стороны части публики.

Врач, делавший эти снимки, был потрясен:

Он протолкнул шпагу ниже уровня сердца, опустив ее по пищеводу! Это просто нереально!

Тем не менее, факт остается фактом.

Шпагоглотанию, как и любви, все возрасты покорны.

Чех Иржи Гачек, 60-летний мужчина огромного роста и экзотической внешности, на протяжении вот уже трех десятилетий выступает неподалеку от Вацлавской площади в Праге. Уличный фокусник всегда окружен толпой, в которой немало туристов из России. Он спокойно заглатывает сразу по три шпаги, а на десерт не отказывается от искривленной острой сабли.

Всего на нашей планете сегодня насчитывается порядка ста практикующих шпагоглотателей. Подавляющее их большинство состоят в Международной ассоциации шпагоглотателей, штаб-квартира которой находится в Америке.

Есть среди артистов этого оригинального жанра и свои рекордсмены.

Так Мэтти Хеншоу по прозвищу Лезвие проглотила в течение 2003 года 3782 шпаги!

ВОЛШЕБНАЯ ВЕРЕВКА

Индия – край древних чудес и загадок, страна таинственных несметных кладов и магических диковинок. Один из самых эффектных фокусов подарили миру индийские факиры. На всех европейцев, наблюдавших этот номер, он производил неизгладимое впечатление.

Маг устраивается на небольшой площадке в тесном кольце зрителей. Его действия неторопливы и размеренны. Вот он достает из старой плетеной корзины веревку толщиной в палец крупного человека. Он мнет ее в руках, крутит, подбрасывает, демонстрируя, что веревка самая обычная.

Затем из той же старой сумки он достает деревянный шар с отверстиями и пропускает веревку

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.